

ЦРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛИТЕТА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

В

ОПРОСЫ

СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Voprosy sovremennoj lingvistiki

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Языковая маркированность
аксиологических доминант
франкоязычных паремий

Служебные слова в научном дискурсе:
между грамматикой, семантикой
и стилистикой

2025 / № 5

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 5. – 132 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2025. – № 5. – 132 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Воронцова М. Д., Митрофанова О. А.</i> Текущие политические тренды во Франции: исследование через мем-культуру	6
<i>Денисенко В. Н., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю.</i> Языковая маркированность аксиологических доминант франкоязычных паремий	19
<i>Кондратьева А. С.</i> Семантические особенности лексем «кола» и «ямс» в англоязычных художественных текстах Нигерии	31
<i>Полубиченко Л. В., Тер-Минасова С. Г.</i> Служебные слова в научном дискурсе: между грамматикой, семантикой и стилистикой	40
<i>Руденко Т. И.</i> Современный американский перевод пьесы А. П. Чехова «Чайка» как пример транскодирования текста	51
<i>Сунь Цюхуа, Карабулатова И. С.</i> Когнитивное исследование ключевых идеологических понятий среди культурологических кластеров в китайской языковой картине мира	61
<i>Шермазанова С. В.</i> Концептуальное ядро военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции.	80

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Дроздова Е. А.</i> Импликатура речевых обвинений в англоязычном кинодискурсе (случай фильма «Конклав»)	100
<i>Рогова М. Ю.</i> Имена собственные как компонент термина в технической терминологии (на материале терминологии измерительных приборов)	110
<i>Федюкина Е. С.</i> Лексико-семантический анализ гидронимов Чили	121

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- M. Vorontsova, O. Mitrofanova.* Current Political Trends in France: A Study Through Meme Culture 6
- V. Denisenko, O. Lomakina, N. Nelyubova.* Linguistic Markedness of Axiological Dominants of French-Language Paroemias 19
- A. Kondrateva.* The Semantics of Lexical Units Kola and Yam in Nigerian Fiction. . . 31
- L. Polubichenko, S. Ter-Minasova.* Function Words in Scientific Discourse: Between Grammar, Semantics and Stylistics 40
- T. Rudenko.* Modern American Translation of Anton Chekhov's Play "The Seagull" as the Example of Text Transcoding 51
- Sun Qiuhua, I. Karabulatova.* Cognitive Study of Key Ideological Concepts Among Cultural Clusters in the Chinese Linguistic Worldview 61
- S. Shermazanova.* Conceptual Core of Military Discourse Based on Interviews with Participants of the Special Military Operation 80

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

- E. Drozdova.* Implicature of Speech Accusations in English-Language Film Discourse (The Case of the Film "Conclave") 100
- M. Rogova.* Proper Names as an Integral Part of a Term in Technical Terminology (Based on the Terminology of Measuring Instruments) 110
- E. Fediukina.* Lexico-Semantic Analysis of Chilean Hydronyms 121

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-6-18

ТЕКУЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ВО ФРАНЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРЕЗ МЕМ-КУЛЬТУРУ

Воронцова М. Д.*, Митрофанова О. А.

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: ritavorontsova@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2025

После доработки 18.09.2025

Принята к публикации 22.09.2025

Аннотация

Цель: проанализировать влияние мемов, как нового и перспективного средства коммуникации, на восприятие политических процессов во Франции, их механизмы отражения и формирования общественного мнения о политических событиях и личностях, а также их роль в политическом и профессиональном дипломатическом дискурсе.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели был использован комплексный методологический подход, включающий количественный и качественный контент-анализ визуальных и текстовых компонентов мемов, собранных в популярной социальной сети Instagram¹ за период с 1 декабря 2024 г. по 7 января 2025 г., что позволило выявить ключевые тенденции и мотивы, препятствующие или способствующие политической вовлечённости. Значительное внимание было уделено критическому анализу контекста создания мемов и их распространения, что способствовало более глубокому пониманию их воздействия на политический дискурс.

Результаты. В ходе анализа подтверждено, что мемы играют многогранную роль в процессе политической и профессиональной дипломатической коммуникации, в формировании и трансляции политических нарративов в открытом цифровом пространстве, являясь не только средством сарказма и сатиры, но и инструментом активного гражданского участия общества.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в расширении представлений о влиянии цифровых технологий на язык и культуру политической коммуникации, политического и профессионального дипломатического дискурса. Результаты проведённого анализа могут быть использованы на практических занятиях по французскому языку.

© СС ВУ Воронцова М. Д., Митрофанова О. А., 2025.

¹ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: клиповое мышление, международная политика, мем, политический кризис, фрейм, фреймовая семантика

Благодарности. Исследование посвящается светлой памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Натальи Михайловны Васильевой.

Для цитирования:

Воронцова М. Д., Митрофанова О. А. Текущие политические тренды во Франции: исследование через мем-культуру // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 6–18. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-6-18>

Original research article

CURRENT POLITICAL TRENDS IN FRANCE: A STUDY THROUGH MEME CULTURE

M. Vorontsova*, O. Mitrofanova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: ritavorontsova@yandex.ru*

Received by the editorial office 06.03.2025

Revised by the author 18.09.2025

Accepted for publication 22.09.2025

Abstract

Aim is to analyze the influence of memes, as a new and promising means of communication, on the perception of political processes in France, their mechanisms of reflection and formation of public opinion about political events and personalities, as well as their role in political and professional diplomatic discourse.

Methodology. A comprehensive methodological approach was used, including quantitative and qualitative content analysis of the visual and textual components of memes collected from the popular social network Instagram¹ for the period from December 1, 2024 to January 7, 2025, which allowed us to identify key trends and motives that hinder or promote political engagement. Considerable attention was paid to critically analysing the context of memes' creation and dissemination, which contributed to a deeper understanding of their impact on political discourse.

Results. The analysis confirmed that memes play a multifaceted role in political and professional diplomatic communication, in the formation and dissemination of political narratives in the open digital space, serving not only as a means of sarcasm and satire, but also as a tool for active civic participation.

Research implications. The study reveals our understanding of the impact of digital technologies on the language and culture of political communication, political discourse, and professional diplomatic discourse. The results of this analysis can be used in practical French language classes.

Keywords: clique thinking, international politics, meme, political crisis, frame, frame semantics

Acknowledgments. This research is dedicated to the glowing memory of Natalia Mikhailovna Vasilieva, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor.

¹ A product of Meta, a company recognized as extremist and banned in the Russian Federation.

For citation:

Vorontsova, M. D. & Mitrofanova, O. A. (2025). Current political trends in France: a study through meme culture. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 6–18. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-6-18>

Введение

Взаимосвязь языка и культуры является одной из ключевых тем в лингвистике, и Наталья Михайловна Васильева внесла значительный вклад в разработку этой области [1].

С развитием интернета, социальных сетей и масс-медиа в целом, мемы стали неотъемлемой частью повседневной коммуникации и культурного ландшафта. Они представляют собой короткие, яркие формы коммуникации, которые способны передавать сложные идеи и эмоции в сжатом виде. Для понимания их влияния на язык и культуру не следует забывать о концепциях фрейма и фреймовой семантики, а также о феномене клипового мышления.

Фрейм – когнитивная структура, представляющая собой набор/«пакет» знаний и представлений о каком-либо событии, объекте или явлении [2, с. 43]. Каждый интернет-мем, как правило, активизирует определённый фрейм в сознании аудитории что позволяет мемам легко находить отклик у широкой публики, поскольку они используют уже существующие культурные и социальные коды.

Фреймовая семантика, в свою очередь, изучает, как значение слов и выражений зависит от контекста, в котором они используются [2, с. 42]. Мемы часто переосмысливают уже знакомые выражения и образы, связывая их с современными реалиями и проблемами.

И, наконец, термин «клиповое мышление», описывающий изменчивое и быстрое восприятие информации, также играет важную роль в распространении интернет-мемов. В эпоху развития искусственного интеллекта и изобилия информации, пользователи всё чаще воспринимают контент в «клипах» – коротких фрагментах, которые легко запоминаются. Мемы, как текстовые и визуальные

элементы, идеальны для клипового мышления, поскольку они предлагают мгновенную реакцию на социальные или культурные события.

Мемы возникают как реакция на различные события, явления и тренды, обрстая языковыми, визуальными и культурными коннотациями. Лингвистика как наука о языке и его использовании предоставляет инструменты для анализа особенностей структуры и функционирования интернет-мемов в дискурсе.

Концепт мема:**понятие, структура и анализ**

Что же из себя представляет мем? Так, французский электронный словарь Larousse даёт следующее определение мема: “*Mème (anglais meme, de *gene*, *gène*, et du grec *mimesis*, imitation) Concept (texte, image, vidéo) massivement repris, décliné et détourné sur Internet de manière souvent parodique, qui se répand très vite, créant ainsi le buzz¹.” Исходя из приведённого определения, конечная цель мема – создание «шумихи». Стоит отметить, что мем является единицей культурной информации, которая передаётся от человека к человеку, модифицируясь в процессе передачи. Одна из важнейших функций интернет-мема – освещение актуальных проблем и событий с помощью элементов юмора, иронии или сатиры. То есть, в конечном итоге, они создаются ради смеха “*qui se résume dans la formule pour rire*” [3, p. 33].*

Как справедливо отмечает в одном из своих исследований О. А. Зяблова: «Социальные сети наряду с блогами и подкастами уверенно закрепили позицию “прорывных медиа”, которые, в противоположность традиционным СМИ, предо-

¹ См.: *Mème* [Электронный ресурс] // Larousse : [сайт]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/mème/10910896> (дата обращения: 07.01.2025).

ставляют возможность пользователям самостоятельно творить публикации, в режиме реального времени вести диалог с заинтересованной аудиторией, общаться напрямую в неформальных условиях независимо от расстояния и места нахождения акторов... Очевидно, коммуникационные технологии и дискурсивная практика цифровой дипломатии влияют на формирование новой языковой реальности, приводят к возникновению новых рисков, так как возможности интернета используются не только для миротворческих целей, но и зачастую для распространения и пропаганды чуждой идеологии, «фейковой внешнеполитической информации» [4, с. 54, 57].

Схожее мнение по этому вопросу высказывает и Н. А. Ахренова: «В визуальном, невербальном образе, особенно в интернете, обывателю преподносится та картинка, которую ему необходимо принять как априорную. Таким образом, первичным становится не текстовый знак или символ, а продвигаемый зрительный образ, который ведет за собой текст, делая его воздействие особенно проникающим и всеобъемлющим» [5, с. 45–46].

В журналистской сфере мемы служат для критики, дополнительного комментария, развлечения или элемента пропаганды. Некоторые исследователи рассматривают мемы как современную версию комиксов, карикатур, сатирических плакатов.

Мемы – продукт коллективного труда. Чаще всего создаваясь не одним человеком, претерпевают трансформации, теряя своё авторство.

В ответ на современные запросы рынка появилась новая профессия – мемолог. Это специалист, который адаптирует мемы, исходя из потребностей заказчика, и публикует их в социальных сетях. Мемологов ещё называют пикчерами (от английского picture – «картинка»). Также появляются узконаправленные термины, например, «trumpavist: слово придумано для определения человека, который в

соцсетях распространяет мемы и твитты, осуждающие любые действия Доналда Трампа. Либеральные блогеры выражают им свою благодарность и уважение» [6, с. 130]. В двух других трудах авторы анализируют на лексическом уровне новую лексику, в частности, всевозможные дериваты от фамилии Трамп, которые наполняют английский и русский языки яркими, интересными неологизмами [7; 8].

Несмотря на распространённый тезис о том, что мемы являются продуктом коллективного труда и зачастую теряют своё авторство, данный вопрос требует более критического осмысления в контексте современных политических реалий. В условиях жёсткой медийной конкуренции и борьбы за повестку дня многие вирусные мемы создаются и продвигаются не столько стихийно, сколько в рамках скоординированных кампаний профессиональными командами политтехнологов, медиаменеджеров и специалистов по цифровому маркетингу [4].

Таким образом, мемы зачастую являются не только формой спонтанного народного творчества или гражданского участия, но и сложным инструментом политического влияния, элементом стратегии цифровой коммуникации, целью которой является формирование определённых эмоциональных реакций и управление общественным мнением. Это не отменяет их способности к вирусному распространению и адаптации, но указывает на двойственную природу данного феномена: за «маской» народного контента может скрываться хорошо продуманный и финансируемый месседж.

По структуре мемы можно классифицировать по следующим критериям:

– **по форме:** текстовые (цитаты, шутки), изображения (фото, графика) и видеомемы;

– **по контенту:** политические, социальные, культурные, развлекательные и др.;

– **по способу распространения:** вирусные, традиционные (репосты), адаптированные (модифицированные версии).

Прежде чем перейти к анализу интернет-мемов, хотелось бы уточнить несколько деталей, а именно, критерии отбора и объём выборки. Так, нами собраны самые яркие мемы, взятые из группы под названием bfmemes.com из сети Instagram в период с 1 декабря 2024 по 7 января 2025, что позволило охватить наиболее релевантные политические события указанного периода. Критерием отбора послужило наличие в меме отсылки к актуальным политическим событиям во Франции, упоминаний ключевых фигур (в частности, Э. Макрона, Ф. Байру, членов правительства, бывшего президента Франции Н. Саркози), а также использование популярных политических хэштегов, таких как #PolitiqueFR, #Macron, #France, #memesfrançais, #ActueFR. Объём выборки составил около 150 мемов, что является репрезентативным для проведения качественного анализа и выявления устойчивых тенденций. Для обеспечения достоверности выводов анализ носил смешанный характер: качественный анализ был направлен на выявление ключевых фреймов, нарративов и лингвистических приёмов, в то время как количественный анализ фиксировал частотность определённых тем, персонажей и оценочных суждений для подтверждения их значимости в общем массиве данных.

Конечно же, большинство мемов посвящены Эмманюэлю Макрону, президенту Франции. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В первом меме (рис. 1) автор отобразил всю боль французской политической действительности. В первых двух «шагах/этапах» говорится о назначении президентом Макроном премьер-министра, который на выборах занял 4-е место, лишь для того, чтобы распустить его правительство через 3 месяца (речь идёт о премьер-министре Мишеле Барнье, занимавшем данный пост с 5 сентября 2024 по 5 декабря 2024). На третьем и четвёртом этапе говорится о назначении под угрозой премьер-ми-

Рис. 1 / Fig. 1. «Клоунский мем» / Clown meme

Источник: @durand_alexandre // Instagram.

нистра, представленного 34 депутатами, чтобы вновь увидеть, как этому премьер-министру угрожает роспуск (дело в том, что Нацсобрание (парламент) Франции рассматривало вотум недоверия действующему премьер-министру Франсуа Байру 16 января 2025 года). Визуальная подача этого мема сводится к тому, что мы шаг за шагом видим, как Макрон наносит клоунский макияж (отсюда и название данного мема). Данный мем возник в 2019 году. Основная идея: нанесение клоунского макияжа на лицо (виртуально или метафорически) показывает чьё-то поведение как глупое или «кринжовое». Если вы наносите данный макияж, то по факту выставляете себя дураком.

Во втором меме (рис. 2) мы видим того же Э. Макрона, покрывшегося потом, потому что он должен выбрать из двух кнопок правильную. Весь юмор и

Рис. 2 / Fig. 2. Daily Struggle или «Две кнопки» / Daily Struggle or two buttons

Источник: @durand_alexandre // Instagram.

Justin Trudeau : *démissionne parce qu'il est confronté à une crise politique et à l'effondrement de sa popularité*
Macron :

Рис. 3 / Fig 3. Недовольный Макрон / Grumpy Macron

Источник: @memespolitiques // Instagram.

тупииковость ситуации заключены в том, что на обеих кнопках написано одно и то же (правый премьер-министр).

Третий мем связан с желанием французского народа увидеть новость об отставке Э. Макрона после известий об уходе премьер-министра Канады Джастин Трюдо: «Джастин Трюдо: подаёт в отставку поскольку он столкнулся с политическим кризисом и с падением популярности». Реакция Макрона представлена автором мема визуально, без каких-либо комментариев.

Нередко авторы мемов используют французский и английский языки одновременно (см. рис. 4).

В меме, представленном на рис. 4, обыгрывается новость о том, что с 1-го ноября 2024 года 230000 государственных служащих будут получать надбавку в 6 сантимов чистыми, во избежание выплат минимальной заработной платы. Реакция Макрона: «Заткнись и бери мои мелкие денежки». Важная деталь:

Рис. 4 / Fig. 4. Shut up – мем / Shut up mem

Источник: @bfmemes.tv // Instagram.

в подсознании у читателей усиливается культурный фрейм, который непосредственно связан с главным персонажем и антагонистом из популярного мультсериала Симпсоны (The Simpsons) – Чарльзом Монтгомери Бёрнсом. Использование автором сразу двух иностранных языков позволяет, с точки зрения кросс-культурной коммуникации, данному мему, во-первых, охватить более широкую аудиторию. Английский язык, являясь важнейшим интернациональным языком, обеспечивает доступ к международной аудитории, в то время как французский язык обращается к локальной или франкоязычной аудитории. Особенно это актуально в контексте франкоязычных стран, где английский язык также широко распространён. Во-вторых, смешение данных языков может усиливать юмористический эффект. Так, данная фраза “Shut up and take my petite monnaie!” сочетает в себе английский сленг с французским выражением, создавая комический контраст. Такой приём может вызывать улыбку у аудитории, знакомой с обоими языками. В-третьих, использование французского языка может подчёркивать культурную специфику мема, связывая его с конкретным социальным или политическим контекстом. В данном случае мем касается новости о повышении зарплат, что делает его актуальным для франкоязычной аудитории. И наконец, смешение языков может использоваться для выражения иронии или критики. В данном контексте сочетание “petite monnaie” может быть воспринято как саркастический комментарий к незначительному повышению зарплаты. Таким образом, использование одновременно английского и французского языков в мемах служит для расширения аудитории, усиления юмористического эффекта, подчёркивания культурной идентичности и выражения социальной критики.

С точки зрения лингвистики мем, приведённый на рис. 5, представляет собой пример игры слов и семантического сдви-

Рис. 5 / Fig. 5. Мем-отказ / Rejection meme

Источник: @bfmemes.tv // Instagram.

га (énergie – sans énergie), который используется для создания юмористического или иронического эффекта на тему экологических инициатив, энергетической политики, а также зелёной повестки. Основной акцент сделан на двух фразах “Sortir des énergies fossiles” (отказ от ископаемых источников энергии) и “Sortir fossiles sans énergie” (отказ от ископаемого топлива без энергии). Замена одного элемента фразы приводит к изменению смысла всего высказывания. В этом случае фраза, которая изначально имеет положительный контекст (переход к более экологичным источникам энергии), превращается в нечто абсурдное и бессмысленное, что может свидетельствовать о критике или скепсисе по отношению к обсуждаемой теме. Использование автором иронии и абсурда способствует вовлечению аудитории в дискуссию по данной проблематике.

2024 год выдался очень сложным для Франции. Так, Эммануэлю Макрону пришлось формировать четвёртое за год правительство, с чем и связан следующий мем (см. рис. 6 и 7).

Рис. 6 / Fig. 6. Постер к фильму «Дед Мороз–отморозок» (1982 г.) / Poster for the film “Santa Claus is a Stinker” (1982)

Источник: Дед Мороз – отморозок [Электронный ресурс] // Teleguide.info : [сайт]. URL: <https://teleguide.info/film58980.html> (дата обращения: 07.01.2025).

Рис. 7 / Fig. 7. Мем «Дед Мороз – отморозок» / Meme “Santa Claus is a Stinker”

Источник: @bfmemes.tv // Instagram.

С помощью данного мема (рис. 7) у французов активизируется в подсозна-

нии культурный фрейм, связанный со знаменитой и горячо ими любимой комедией *Le père Noël est une ordure* (рис. 6) (рус. «Дед Мороз – отморозок»). Автор мема заменил лица главных героев на министров, которых вновь переизбрали, несмотря на негативное отношение к ним со стороны французского народа.

Так, главный герой Феликс – классический клошар, промышляющий мелкими заработками и воровством (он же Дед Мороз – отморозок), – превратился во Франсуа Байру, первого министра Франции. Его беременной сожительницей Жозет (Шушу) в данном меме является Рашида Дати – министр культуры Франции и первая арабка во французском правительстве. Пьер и Тереза (Анемон) – сотрудники «телефона доверия». В фильме Пьер охарактеризован как педант, а Тереза (Анемон) – типичная «серая мышка», которая тайно в него влюблена. В меме этими персонажами стали Брюно Ретайо (министр внутренних дел Франции) и Аврора Берже (министр-делегат по вопросам равенства между женщи-

нами и мужчинами, борьбы с дискриминацией). Начальницу службы телефона доверия Мари-Анж Мюскан (серьезную и «правильную во всех отношениях» даму), застрявшую в лифте по дороге из офиса и тщетно пытающуюся вызвать помощь, воплощает в меме Элизабет Борн – министр национального просвещения, высшего образования и научных исследований Франции; с 4 июля 2022 по 8 января 2024 она занимала пост премьер-министра, и в народе её прозвали «мадам 49.3» за частое использование статьи конституции для принятия законопроектов в обход голосования парламента. Уже известный нам герой фильма Пьер позволил одному из клиентов службы, трансвеститу Кате, прийти вопреки правилам службы в офис, предложив успокоить его личной беседой. Роль Кати в меме отведена Мануэлю Вальсу – министру по делам заморских территорий в настоящее время (в прошлом он был министром внутренних дел Франции (15 мая 2012 – 31 марта 2014), затем премьер-министром Франции (31 марта 2014 – 6 декабря 2016)). Периодически в офисе появляются соседи снизу, в частности господин Зладко Прескович (эмигрант из страны «победившего социализма», возможно Болгарии), готовящий оригинальные блюда с ужасным запахом и вкусом. Данную роль в меме воплотил Жеральд Дарманен – государственный министр, Хранитель печатей и министр юстиции Франции (в 2017–2020 гг. был министром общественных средств, а в 2020–2024 гг. занимал пост министра внутренних дел).

Следующий мем (рис. 8) связан с вышеупомянутой нами Элизабет Борн. Во время своего назначения на пост министра национального просвещения, высшего образования и научных исследований Франции она заявила, что не сведуща в этих делах: «Я ничего не знаю, я заняла непонятно какое министерство».

Другой мем (см. рис. 9), связан с прошедшей в 2024 г. конференцией ООН по изменению климата, более известной как

Рис. 8 / Fig. 8. Мем «Ничего не знаю» / Meme “I don't know anything”

Источник: @memespolitiques // Instagram.

Рис. 9 / Fig. 9. Мем COP29 / Meme COP29

Источник: @durand_alexandre // Instagram.

СОР29, которая состоялась в Баку. Этот интернет-мем транслирует фрейм, связанный с экологией, если точнее иронию «зелёной повестки», в том числе отказ от авиаполётов делегациями и отказ от топлива. Подписи в меме: Fin de la COP29 (Окончание СОР29); départ des délégations officielles (отъезд официальных делегаций), départ des lobbies pétroliers (отъезд нефтяных лобби).

Несчастливым 2024 год выдался и для экс-президента Франции Николя Саркози. 18 декабря 2024 года Верховный суд Франции отклонил его апелляцию по делу о прослушивании телефонных разговоров, окончательно приговорив его к одному году тюремного заключения с обязательным ношением электронного браслета «за коррупцию и торговлю влиянием»¹. Беспрецедентное наказание для бывшего главы государства, поскольку Николя Саркози – один из первых бывших президентов Франции, получивших реальный тюремный срок, который он будет отбывать у себя дома. Последнее послужило отправной точкой для создания мема (рис. 10). Перевод текста мема Swarkozy (рис. 10): «На Рождество подарите ему самый красивый из браслетов Swarkozy»

Данный мем интересен, во-первых, своей визуальной подачей (напоминает рекламу бренда Swarovski), а во-вторых, используемой в нём лексемой Swarkozy, образованной путём телескопии Swarovski + Sarkozy (во французском языке такого вида слова называются mot-valise) [9; 10]. Мем содержит отсылки к культурным и политическим контекстам, что характерно для интертекстуальности. Наличие телескопного слова Swarkozy является аллюзией на Н. Саркози, что добавляет мему политический подтекст. Это позволяет аудитории, знакомой с данной ситуацией, декодировать данный фрейм.

¹ См.: Nicolas Sarkozy définitivement condamné à un an sous bracelet électronique [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3QeHTH> (дата обращения: 07.01.2025).

Рис. 10 / Fig. 10. Мем Swarkozy / Meme Swarkozy
Источник: @bfmemes.tv // Instagram.

Говоря о семиотике визуального и текстового взаимодействия, можно отметить, что визуальный элемент мема (изображение браслета) взаимодействует с текстом, создавая дополнительный смысл. Визуальный ряд в том числе усиливает иронию и сарказм, заложенные в текст.

Заключение

Таким образом, анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что интернет-мемы представляют собой интересный лингвистический феномен, который демонстрирует взаимодействие фреймов, фреймовой семантики и клипового мышления.

Установлено, что 68% проанализированных мемов прямо или косвенно связаны с фигурой президента Франции Эммануэля Макрона, а мемы, критикующие внутреннюю политику правительства, составляли около 59% выборки. Значи-

тельное внимание было уделено критическому анализу контекста создания мемов и их распространения, включая такие показатели, как вовлечённость, количество лайков и репостов, что способствовало более глубокому пониманию их воздействия на политический дискурс.

Благодаря взаимодействию лингвистической и образной составляющей, мемы обладают значительным потенциалом воздействия, отличаясь высокой степенью экспрессивности и эмоциональной насыщенности. С одной стороны, они допускают широкий спектр интерпретаций, что способствует их адаптивности, с другой – предоставляют обширные возможности для манипуляции общественным сознанием [11].

Мемы не только отражают современные социальные и культурные тренды, но и формируют новую форму общения, основанную на мгновенном обмене мыслями и эмоциями. Отсюда следует необходимость дальнейшего изучения мемов как важного элемента современного языка.

Бесспорно можно утверждать, что изучение текущих политических трендов во Франции через призму мем-культуры представляет уникальную возможность для анализа динамики политического дискурса в условиях цифровизации. Мемы, как феномен современных коммуникаций, не только отражают существующие общественные настроения, но и активно участвуют в формировании новых политических нарративов и идентичностей.

Анализ мемов выявил ключевые характеристики современной политической ситуации во Франции, включая поляризацию общества, изменение механизмов

публичного обсуждения и утрату доверия к традиционным институтам. Мемы оказываются эффективным инструментом выражения гражданской позиции, транслятором критики и формирования альтернативных смыслов, что подчёркивает их роль в демократическом процессе.

Более того, использование мемов в политической коммуникации демонстрирует, как меняется природа взаимодействия между политическими акторами и аудиторией в условиях глобального доступа к информации. Исследование подчёркивает необходимость внимательного отношения к визуальным аспектам политического дискурса и выделяет перспективы для будущих исследований в области лингвистики, дипломатического и политического дискурсов, а также в рамках практики цифровой дипломатии.

Исходя из вышеуказанного, мем-культура становится не только отражением политической реальности, но и активным игроком в процессе её создания и изменения, что обосновывает актуальность и значимость дальнейшего изучения данного феномена в контексте развития современного общества, а также формирования многополярного мира.

В дальнейшем, нами планируется более глубокое изучение данной темы путём расширения картины политических трендов во Франции, а именно анализа интернет-мемов, посвящённых позиции и риторике оппозиционных сил (Марин Ле Пен, Франсуа Байру и т. д.), а также мемов, отражающих реакцию на конкретные социальные и политические события (пенсионная реформа, миграционная политика, протестное движение *Bloquons tous* и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 473 с.
2. Зяблова О. А. Современные методологические принципы изучения терминологических систем: фреймовая терминология // Человек. Социум. Общество. 2024. № S1. С. 39–46.
3. Lecoq T., Lisarelli D. *Encyclopédie de la webculture*. Paris: Éditions Robert Laffont, 2011. 257 p.
4. Зяблова О. А. Коммуникативные особенности дискурсивной практики цифровой дипломатии // Начала Русского мира. 2024. № 4. С. 53–58.

5. Ахренова Н. А. Семиотический потенциал мультимодальных текстов развлекательного характера // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 24 июня 2022 г.). Москва: Военный университет, 2022. С. 42–53.
6. Коптелова И. Е. Трамп-свалка // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со Дня образования Академии ФСИН России (Рязань, 23 мая 2024 г.). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 127–132.
7. Коптелова И. Е., Коротеева К. Е. Trumping Trump Trumpety Trump // Язык как фактор культурной дипломатии: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 07 февраля 2017 г.). М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. С. 86–91.
8. Коптелова И. Е. Трампы и трампызмы // Язык. Культура. Коммуникация. 2017. № 1-2 (20). С. 166–172.
9. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. М.: URSS, 2018. 114 с.
10. Овчинникова Г. В. Словообразовательные и словопроизводственные процессы в формировании сан-антонионизмов Фредерика Дара // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 218–222. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-218-222.
11. Афанасьевская Н. В. Визуальная культура как часть межкультурной коммуникации // Язык как фактор культурной дипломатии: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 07 февраля 2017 г.). М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. С. 10–16.

REFERENCES

1. Vasilyeva, N. M. & Pitskova, L. P. (2025). *French language. Theoretical grammar, morphology, syntax*. Moscow: Yurait publ. (in Russ.).
2. Zyblova, O. A. (2024). Modern methodological principles of studying terminological systems: frame terminology. In: *Human. Society. Community*, S1, 39–46 (in Russ.).
3. Lecoq, T. & Lisarelli, D. (2011). *Encyclopédie de la webculture*. Paris: Éditions Robert Laffont.
4. Zyblova, O. A. (2024). Features of the cognitive-discursive practice of digital diplomacy. In: *The Beginnings of the Russian World*, 4, 53–58 (in Russ.).
5. Akhrenova, N. A. (2022). Semiotic potential of multimodal entertainment texts. In: *Military-humanitarian almanac: materials of the XVI International scientific conference on current problems of the theory of language and communication (Moscow, June 24, 2022)*. Moscow: Military University publ., pp. 42–53 (in Russ.).
6. Koptelova, I. E. (2024). Trump dump. In: *Philological and Pedagogical Aspects of Humanities Education in Non-Linguistic Universities: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Foundation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, May 23, 2024)*. Ryazan: The Academy of the FPS of Russia publ., pp. 127–132 (in Russ.).
7. Koptelova, I. E. & Koroteeva, K. E. (2017). Trumping Trump Trumpety Trump. In: *Language as a Factor in Cultural Diplomacy: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference (Moscow, February 7, 2017)*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation publ., pp. 86–91 (in Russ.).
8. Koptelova, I. E. (2017). Trump and trumpisms. In: *Language. Culture. Communication*, 1-2 (20), 166–172 (in Russ.).
9. Katagoshchina, N. A. (2018). *How words are formed in French*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
10. Ovchinnikova, G. V. (2020). Word-formation and word-production processes in the formation of san-antonionisms of Frederick Dar. In: *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2 (21), 218–222. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-218-222 (in Russ.).
11. Afanasevskaya, N. V. (2017). Visual culture as a part of cross-cultural communication. In: *Language as a Factor in Cultural Diplomacy: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference (Moscow, February 7, 2017)*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation publ., pp. 10–16 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронцова Маргарита Дмитриевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0006-9156-6940>; e-mail: ritavorontsova@yandex.ru;

Митрофанова Ольга Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры европейских языков Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0006-8267-0279>; e-mail: cnew@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Margarita D. Vorontsova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of European Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0006-9156-6940>; e-mail: ritavorontsova@yandex.ru;

Olga A. Mitrofanova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of European Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0006-8267-0279>; e-mail: cnew@inbox.ru

Научная статья
УДК 81'2
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-19-30

ЯЗЫКОВАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ

Денисенко В. Н., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация*

** Корреспондирующий автор, e-mail: rusoturisto07@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.05.2025

После доработки 22.05.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Аннотация

Цель. В данной статье рассматриваются паремии франкоязычных стран в лингвоаксиологическом аспекте. Цель исследования состоит в том, чтобы представить аксиологические доминанты паремий франкоязычных стран и выделить способы языковой маркированности. Предметом работы является паремиологический фонд франкоязычных стран, зафиксированный в лексикографических источниках.

Процедура и методы. Источниками материала авторской картотеки, включающей более 250 единиц и полученной путём сплошной выборки, послужили электронные базы франкоязычных паремий (Les proverbes par pays (L'Internaute); proverbes-francais). Для достижения цели использованы элементы лингвокультурологического и когнитивного анализа, описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного и контекстуального анализа.

Результаты. Исследование показало, что лингвоаксиологический потенциал паремий франкоязычных стран представлен преимущественно с помощью ядерных маркеров, эксплицитно и реже имплицитно номинирующих следующие аксиологические доминанты: «Знания», «Труд», «Здоровье», «Богатство», «Счастье», «Семья», «Красота», «Религия», «Слово», «Мудрость», «Еда», «Гостеприимство» (в марокканских паремиях). В ряде случаев данные ценности вступают в валентные связи и могут оцениваться с помощью сравнения друг с другом или эксплицитно выраженного образного сравнения.

Этноспецифичность реализуется посредством этнолингвомаркеров – номинаций представителей населения, животного мира, продуктов питания определённых регионов. Маркеры различных типов могут проявлять свойство аксиологического синкретизма, если указывают на прямую или ассоциативную связь с двумя или более ценностями.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в систематизацию франкоязычного паремиологического материала на основе применения авторской методики в аспекте выявления его аксиологического потенциала. **Практическая значимость** состоит в возможности использования результатов в лексикографической практике – при составлении словарей паремий франкоязычных стран.

Ключевые слова: лингвоаксиологический потенциал, лингвоаксиология, паремия, пословица, франкоязычные страны

Благодарности и источники финансирования. Материалы данной статьи составляют основу доклада на Международной научной конференции «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (Кубанский государственный университет).

Для цитирования:

Денисенко В. Н., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Языковая маркированность аксиологических доминант франкоязычных паремий // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 19–30. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-19-30>

Original research article

LINGUISTIC MARKEDNESS OF AXIOLOGICAL DOMINANTS OF FRENCH-LANGUAGE PAROEMIAS

V. Denisenko, O. Lomakina*, N. Nelyubova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: e-mail: rusoturisto07@mail.ru*

Received by the editorial office 15.05.2025

Revised by the author 22.05.2025

Accepted for publication 30.05.2025

Abstract

Aim. This article examines the paroemias of French-speaking countries from a linguaxiological perspective. The aim of the study is to present the axiological dominants of the proverbs of French-speaking countries and to highlight the methods of linguistic markedness. The subject of the work is the paroemiological fund of French-speaking countries, recorded in lexicographic sources.

Methodology. The sources of material for the author's card index, which includes more than 250 units and is obtained through continuous sampling, are electronic databases of French-language paroemias (Les proverbes par pays (L'Internaute); proverbes-francais). To achieve the goal, elements of linguacultural and cognitive analysis, descriptive-analytical and comparative methods, methods of component and contextual analysis are used.

Results. The study revealed that the linguaxiological potential of proverbs from French-speaking countries is represented primarily through core markers that explicitly and, less frequently, implicitly nominate the following axiological dominants: "Knowledge", "Labor", "Health", "Wealth", "Happiness", "Family", "Beauty", "Religion", "Word", "Wisdom", "Food", "Hospitality" (in Moroccan paroemias). In a number of cases, the specified values enter into valence relationships and can be assessed by comparing them with each other, as well as by means of an explicitly expressed figurative comparison.

Ethnic specificity is embodied through ethnolinguistic markers – nominations of representatives of the population, animal world and food products in certain regions. Markers of various types can exhibit axiological syncretism if they indicate a direct or associative connection with two or more values.

Research implications. The theoretical significance of the study is determined by its contribution to the systematization of French-language paroemiological material based on the application of the author's methodology to identify its axiological potential. The practical significance lies in the possibility of using the results in lexicographic practice – in compiling dictionaries of paroemias of French-speaking countries.

Keywords: linguaxiological potential, linguaxiology, paroemia, proverb, French-speaking countries

Acknowledgments. The materials of this article form the basis of the report at the International Scientific Conference “Interdisciplinary Aspects of Linguistic Research” (Kuban State University).

For citation:

Denisenko, V. N., Lomakina, O. V. & Nelyubova, N. Yu. (2025). Linguistic markedness of axiological dominants of French-language paroemias. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 19–30. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-19-30>

Введение

Фиксируя опыт народа, пословицы «содержат культурно обусловленное представление о ценностях, а также нормах социального поведения, принятых в данном лингвокультурном сообществе» [1, с. 127]. В обозначенном контексте актуальным представляется рассмотрение вариантов полинациональных языков, в частности, французского. Варианты французского языка, будучи самобытными образованиями, как правило, «развиваются в тесной связи с французским языком Франции и способствуют его обогащению и обновлению. В то же время сами они испытывают на себе нормализующие влияние со стороны центрального (собственно французского) варианта французского языка, причем дифференциация осуществляется главным образом в рамках общих тенденций развития французского языка и на основе общего материала» [2, с. 5–6].

Одной из магистральных тем современной паремиологии (при описании национальных фондов) является выделение национально специфического, которое представляет собой предмет изучения [3; 4; 5].

К франкоязычному паремиологическому фонду относятся, в первую очередь, общефранцузские пословицы. Однако во французском языке каждого региона есть типичные только для него паремии, представляющие обширный материал для изучения их лингвистической составляющей. Отдельные аспекты проблематики изучения ценностей в паремиях франкоязычных стран были изложены нами ранее [6, с. 129–137]. Анализ бельгийских

паремий с точки зрения лингвоаксиологии подробно представлен в трудах П. С. Сёминой [7]. Афрофранцузским фразеологизмам и пословицам посвящен ряд исследований Ж. Багана [8; 9].

Целью данной статьи является анализ лингвоаксиологического потенциала специфических паремий различных франкоязычных стран и регионов (Бельгии, Квебека, Марокко) с точки зрения языковой маркированности аксиологических доминант. Источниками материала авторской картотеки, включающей более 250 единиц и полученной путём сплошной выборки, послужили электронные базы франкоязычных паремий (Les proverbes par pays (L’Internaute)¹; proverbes-francais²). В ходе исследования были использованы элементы лингвокультурологического и когнитивного анализа, описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного и контекстуального анализа.

Лингвоаксиологический потенциал франкоязычных паремий: характеристика языковых маркеров

Совокупность средств репрезентации ценностно-оценочных отношений в паремиях для номинации ценностей и выражения оценки на разных уровнях языка мы называем лингвоаксиологическими маркерами, система которых

¹ Les proverbes par pays [Электронный ресурс] // L’Internaute : [сайт]. URL: <https://www.linternaute.fr/proverbe/pays/> (дата обращения: 10.04.2025).

² Proverbes-francais [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proverbes-francais.fr/> (дата обращения: 10.04.2025).

имеет ядерно-периферийную структуру (подробнее см. [10]). К ядру относятся три типа лексем, связанные непосредственно с обозначением аксиологических доминант: 1) компоненты, номинирующие ценности и связанные с ними понятия эксплицитно; 2) компоненты, номинирующие ценности и связанные с ними понятия имплицитно; 3) этнолингвомаркеры – этноспецифические компоненты при обозначении ценностей. К периферии мы относим лексемы общеоценочной семантики, выражающие оценку внеконтекстуально или в определённом контексте (4 тип) и грамматические (морфологические и синтаксические средства выражения оценки).

Ядерные маркеры первых трёх типов являются средствами репрезентации ценностей, а ценности, согласно Л. Б. Савенковой, представляют собой стержневые концепты паремий [11]. Периферийные средства выражают оценку, объектами которой являются либо сами аксиологические доминанты, либо представленные в пословицах ценностнопорождающие, или аксиогенные, по В. И. Карасику [12, с. 26], ситуации.

Поскольку «специфика ценностных концептов в языке определяется их диалектически противоречивой природой: с одной стороны, ценности полностью ориентированы на эмоциональные, этические и эстетические составляющие внутреннего мира человека, с другой – полностью определяются внешней – социальной или природной средой» [13, с. 212], – мы посчитали необходимым обратить внимание на средства создания экспрессивности в пословицах. К ним мы относим стилистические и фонетические (создающие специфическую ритмическую структуру пословиц) средства, способствующие запоминанию содержания паремий с помощью экспрессивной формы.

Совокупность лингвоаксиологических маркеров разного типа и их комбинаторика демонстрирует универсальное

и специфическое в выражении ценностей в паремиологическом фонде различных языков, а также вариантов полинациональных языков. Рассмотрим ряд пословиц франкоязычных стран. Ценность знаний и учения передаёт, в частности, марокканская пословица *Un homme sans instruction ressemble à un chien non dressé* 'Необразованный человек похож на необученную собаку' посредством маркеров первого типа и квебекская паремия *Pour apprendre à lire, il faut aller à l'école* 'Чтобы научиться читать, нужно ходить в школу'. В данных примерах эксплицитно представлены соответствующие концепты: *instruction* 'образование'; *apprendre (à lire)* 'учиться (читать)'; *école* 'школа'.

В первом примере используется анималистический образ *chien non dressé* 'необученная собака' как основа для сравнения, эксплицитно выраженного с помощью глагола *ressembler* 'быть похожим'. С данным животным, непредсказуемым и, следовательно, представляющим опасность, сравнивается человек без образования. Употребление отрицательной формы (грамматический маркер), выраженной с помощью предлога *sans* 'без' и отрицания *non* 'не', связано с выражением отрицательной оценки.

В квебекской паремии умение читать представлено как цель, то есть как ценность, для чего использован грамматический маркер – придаточное предложение с предлогом *pour* 'для'. В данной синтаксической структуре используется безличная конструкция *il faut* 'нужно', выражающая долженствование, побуждение к тому, чтобы учиться, приобретать знания в широком смысле, которые в данном случае символизируют умение читать. Паремия, таким образом, приобретает следующее значение, или пословичный конденсат, proverbialную идею [14, с. 59]: *чтобы получить полезные знания, научиться делать что-то важное, необходимы регулярные усилия и труд*, которые символически выражены с помощью выражения *aller à école* 'ходить в школу'. С

данной точки зрения пословица имплицитно передаёт ценность труда, а компонент *école* 'школа' обладает свойством аксиологического синкретизма, так как в контексте паремии семантически связан с двумя ценностями: «Знания» и «Труд».

Ценность здоровья обозначена в пословицах Марокко: *Le maître parmi les hommes est celui qui prend soin de sa santé* 'Хозяин среди людей – это тот, кто заботится о своём здоровье' и *Toute maladie peut être soignée, mais la sottise est incurable* 'Любую болезнь можно вылечить, но глупость неизлечима' – также с помощью маркеров первого типа (*santé* 'здоровье', *maladie* 'болезнь', *soignée* 'излечимая', *incurable* 'неизлечимая'), номинирующих понятия, относящиеся к семантическому полю «здоровье» и соответствующему ценностному концепту. В данных паремиях находим и лингвоаксиологические маркеры четвёртого типа. Так, положительной коннотацией обладают лексемы *maître* 'хозяин' и *prendre soin* 'заботиться': стать хозяином и управлять людьми будет тот, кто будет заботиться о своём здоровье, представляющем ценность. Местоимение *celui qui* 'тот, кто' в обобщающем значении выполняет функцию грамматического маркера, выражая то, что предложенный в пословице сценарий применим для каждого человека.

Во втором примере обобщающее значение выражено с помощью грамматического маркера *toute (maladie)* 'всякая (болезнь)', что передаёт идею возможности быть здоровым для каждого человека, так как любую болезнь можно вылечить. Данная паремия иллюстрирует тот факт, что разные аксиологические доминанты, отражённые в конкретных паремиях, могут вступать в валентные связи [10; 15], то есть отношения сопредельности. Сопредельные ценности мы определяем как «занимающие смежное положение по отношению к другим ценностям в их системе» [10, с. 115]. В рассматриваемом примере болезнь выступает как антиценность здоровья и вступает в валентную

связь с антиценностью «Глупость», которая обозначена эксплицитно с помощью маркера первого типа (*sottise* 'глупость'). Она хуже болезни, так как неизлечима, что подчёркивается с помощью приёма контраста. Совокупность аксиологических маркеров в данной паремии позволяет, таким образом, представить градацию двух антиценностей. В целом, в паремиях часто имеет место взаимопределение ценностей: базовые ценности могут быть представлены одна через другую [16, с. 312-313].

Упоминание нескольких аксиологических доминант в одном примере имеет место в паремии Квебека *Se coucher de bonne heure, se lever de bonne heure, amènent la santé, la richesse et le bonheur* 'Ранний отход ко сну и ранний подъём приносят здоровье, богатство и счастье', содержащей рекомендации, с помощью которых можно получить сразу три ценности, представленные с помощью маркеров первого типа *santé* 'здоровье'; *richesse* 'богатство'; *bonheur* 'счастье'. Аналогичное значение имеет также квебекская пословица *Les poules qui se lèvent tôt ramassent les plus gros vers* 'Куры, которые рано встают, собирают самых крупных червей' – тот, кто раньше приступает к делу, получает большую выгоду¹. Однако в данном случае используются лингвоаксиологические маркеры второго типа – метафорические образы-зоонимы: *poule* 'курица', которая рано встаёт, символизирует предприимчивого человека и *vers* 'черви', которые символизируют еду, пропитание, а также прибыль, достаток, обнаруживая, тем самым, свойство аксиологического синкретизма, поскольку имеется ассоциативная связь с двумя ценностными доминантами. В сочетании *les plus gros* 'самые крупные' (о червях) отметим маркер четвёртого типа: прилагательное *gros* 'крупный' с контекстуально выраженной

¹ См.: Proverbes québécois [Электронный ресурс] // Aventures Nouvelle-France: [сайт]. URL: <https://www.aventuresnouvellefrance.com/blog/proverbes-quebe-cois/> (дата обращения: 10.04.2025).

положительной коннотацией, которое употребляется в превосходной степени (грамматический маркер), что усиливает аксиологическую семантику пословицы.

По той же универсальной структурно-семантической модели построена французская пословица *Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt* 'Париж принадлежит тем, кто рано встаёт' (рус.: *кто рано встаёт, тому Бог подаёт*). В данных примерах представлены сопредельные ценности «Время», «Труд» и антиценность «Праздность», и в эквивалентах пословиц разных стран использованы различные образы. Семантический конденсат: *только усилия и приложенный труд позволяют покорять желаемые высоты*. Призыв к действию отражает деятельностную тенденцию (о культурах бытия и деятельностных культурах см., в частности: [17, с. 38–39]) квебекской, а также французской культуры, «где человек выполняет роль активного творца: как мы видим, во французской паремии, в отличие от приведённого русского смыслового аналога, отсутствует образ Бога, который человека облагодетельствует (в данном случае специфичный образ для передачи указанного содержания). Во французской паремии этноспецифичность подчёркивается с помощью обращения к образу столицы Франции Парижа, который люди стремятся покорять» [10, с. 176]. Отметим, что активная позиция деятеля нашла отражение в квебекской паремии *Il faut profiter de l'occasion qui se présente* 'Нужно пользоваться возможностью, которая представляется', где призыв следовать предложенному сценарию выражен с помощью грамматического маркера *il faut* 'нужно'.

В паремиях франкоязычных стран отражена аксиологическая доминанта «Семья». В марокканских пословицах, представляющих аксиогенные ситуации в контексте семейных отношений, выявлены лингвоаксиологические маркеры первого типа, указывающие на родственные связи, в первую очередь, между ро-

дителями и детьми: *L'oppression des parents est plus amère qu'un coup de sabre* 'Угнетение (со стороны) родителей горше, чем удар саблей'; *Mon coup de sabre est pour mon enfant, mais le coeur de mon enfant est comme une pierre* 'Моё сердце – для моего ребёнка, а сердце моего ребёнка – словно камень' (семантической конденсат данной паремии: *дети неблагоприятны*). Для передачи аксиологической семантики используются маркеры четвёртого типа: существительное отрицательной оценки *oppression* 'угнетение, подавление'; прилагательное отрицательной оценки *amère* 'горький' в форме сравнительной степени (грамматический маркер). В приведённых примерах используется образное сравнение. Грубое и деспотичное отношение родителей сравнивается с ударом сабли: *coup de sabre* – маркер второго типа, символизирующий антиценность «Смерть». Маркером второго типа является также единица *coeur* 'сердце', имплицитно представляющая ценность «Любовь». Каменное сердце ассоциируется с антиценностями «Равнодушие» и «Холодность» (детей по отношению к родителям).

Уважение к родителям и их роль подчёркивается и в бельгийской пословице, где термин родства также представляет собой маркер первого типа (*parents* 'родители'): *Calomnier ses parents, c'est se calomnier soi-même* 'Клеветать на своих родителей – значит клеветать на себя'. С помощью маркера четвёртого типа – оценочного глагола отрицательной семантики *se calomnier* 'клеветать (на себя)' – передаётся семантический конденсат: *причинять зло родителям – всё равно, что причинять зло самому себе*. Подчёркнём также, что в марокканских паремиях отражена необходимость иметь детей: *L'homme sans enfant est une tente sans pieux* 'Человек без ребёнка – это палатка без колышков'. В данной паремии находим образное сравнение бездетного человека с палаткой без колышков. В роли грамматического маркера выступает отрицательный предлог *sans* 'без'. Подразумева-

ется в данном случае значение: *с детьми хорошо, а без детей плохо*. В пословицах Марокко выражается сочувственное отношение к сиротам: *Ce qui appartient aux orphelins s'arrête dans la gorge de qui s'en empare* 'То, что принадлежит сиротам, застревает в горле у того, кто пытается этим завладеть'. Семантический конденсат данной паремии: *tom, кто обижает сирот, пострадает*.

В качестве сопредельной ценности в бельгийских пословицах о семье упоминается «Красота», представленная с помощью маркеров первого типа. *Il faut autre chose qu'un beau visage pour faire un bon ménage* 'Для хорошей семьи нужно не красивое лицо, а нечто другое'. Похожий смысл находим в квебекской пословице *La beauté n'apporte pas à dîner* 'Красота обеда не приносит' (сопредельная ценность «Еда»). Данные примеры передают семантический конденсат: *красота не приносит счастья в семье*. С помощью грамматических маркеров – безличной конструкции с обобщённым значением *il faut* 'нужно' в сочетании с выражением *autre chose* 'другое' и отрицательной формой глагола *apporter* 'приносить' – снижается ценность красоты и имплицитно подчёркивается важность других качеств: умения вести хозяйство и готовить.

В пословицах разных стран отражается ценность религии. В квебекских пословицах представлена тема греха и Божьей милости: *Péché avoué est à moitié pardonné* 'Признанный грех наполовину прощён'; *Dieu frappe d'une main, et récompense de l'autre* 'Бог бьёт одной рукой и награждает другой'. Лексемы данного семантического поля представляют собой маркеры первого типа: *péché* 'грех'; *Dieu* 'Бог'. Бог упоминается и в марокканских пословицах: *Personne ne sait ce qu'il y a dans le cœur d'un homme, sauf Dieu* 'Никто не знает, что на сердце у человека, кроме Бога'; *Qui mange devant un être affamé sans partager, que Dieu le prive de son gagne-pain* 'Того, кто ест на глазах у голодного, не делясь, пусть Бог лишит средств к существованию'. В дан-

ной паремии с помощью маркеров первого типа выражена сопредельная ценность «Еда»: *manger* 'есть'; *affamé* 'голодный'; *gagne-pain* 'средства к существованию' (букв.: 'заработок на хлеб'). Таким образом, в пословицах Марокко содержатся призывы к милосердию по отношению к обездоленным: сиротам, голодным. Восточная традиция марокканской культуры представлена ценностью гостеприимства по отношению к любому человеку, даже если он остаётся надолго: *L'invité est un invité même s'il reste un hiver et un été* 'Гость есть гость, даже если он остаётся на зиму и на лето'. Экспрессивность данной паремии подчёркивается с помощью повтора слова *invité* 'гость' и рифмы *invité – été* 'гость – лето'.

В пословицах стран, представляющих как восточные, так и западные культуры, отражается бережное отношение к слову. Призыв к молчанию содержат, в частности, марокканские паремии *Le silence est la sagesse de toutes les sagesse* 'Молчание – это мудрость всех мудростей'; *Regarde, vois, et tais-toi* 'Смотри, понимай и молчи'. В первом примере повтор маркера первого типа, обозначающего сопредельную ценность «Мудрость», в сочетании с прилагательным обобщающего значения *tout* 'весь' акцентирует важность молчания, которое также обозначено эксплицитно (маркер первого типа). Во втором примере предпочтительный сценарий действия выражен эксплицитно с помощью грамматического маркера – повелительного наклонения. Экспрессивность обеспечивается за счёт специфической ритмической организации, создаваемой за счёт рифмы *vois* зд.: 'понимай' – *tais-toi* 'молчи'.

В бельгийской паремии предпочтительность молчания выражена более смягчённо – с помощью конструкции с обобщающим значением посредством подлежащего-местоимения *qui* 'кто', подразумевающей, что данная ситуация касается всех (кто молчит): *Qui cause sème, et qui écoute récolte* 'Кто говорит, (тот) сеет, кто слушает – пожинает'. В данном

примере отметим практическую направленность и ориентированность на конкретный результат, связанные с принадлежностью квебекской культуры к культурам западного типа, в которых ценятся «индивидуальность, прагматизм, личная инициатива, конкуренция, соревновательность» [18, с. 41]. В паремии Марокко ценность молчания воспринимается скорее как вера в мудрость анонимного автора, что отражает восточную традицию, в которой порядок и ценностные ориентации, «установленные предками, считаются неизменными и не подлежащими пересмотру» [19, с. 202].

Из всех обозначенных выше типов лингвоаксиологических маркеров специфику культуры отдельных франкоязычных стран передают этнолингвомаркеры (маркеры третьего типа) – термин О. В. Ломакиной, под которым понимаются компоненты пословиц, фиксирующие культурную память, национальное своеобразие [20, с. 7]. В роли данных элементов могут выступать номинации представителей фауны, типичных для страны или региона. Например, компонент *caïman* ‘кайман’ встретился в пословице Мадагаскара: *Ne saluez pas un caïman; ce ne serait pas de l'amitié, mais de la servilité* ‘Не здоровайтесь с кайманом: это было бы не дружбой, а раболепием’. Упомянутое животное символизирует опасного и агрессивного человека, с которым нужно проявлять осторожность. Важность данного качества представлена посредством обращения к сопредельной ценности «Дружба». Антисценарий действия в аксиогенной ситуации представлен с помощью грамматического маркера – повелительного наклонения в отрицательной форме.

Похожий призыв к осторожности имеет место и в марокканской пословице *Dis bonjour à un bédouin, et tu auras perdu ton pain* ‘Поздоровайся с бедуином и лишишься своего хлеба’. Однако в ней используется компонент *bédouin* ‘бедуин’, также представляющий собой

этнолингвомаркер, так как он обозначает араба-кочевника в Северной Африке, на Аравийском полуострове, жителя пустыни. В функции грамматического маркера выступает утвердительная форма повелительного наклонения, однако подразумевается совет не здороваться с бедуином, которому, согласно пословице, нельзя доверять, так как можно потерять хлеб. В данном случае имеет место обращение к сопредельной ценности «Еда», к тому же к основному продукту питания – хлебу, обозначенному с помощью маркера первого типа. Этноспецифический компонент *indien* ‘индеец’, обозначающий коренных жителей Америки, в частности Канады, встречается в пословице Квебека *Il y a beaucoup de chefs mais pas beaucoup d'indiens* ‘Существует много начальников, но немного индейцев’.

Отметим отдельно маркеры третьего типа – гастрономические компоненты, связанные с пищевыми традициями франкоязычных стран и представляющие ценность «Еда». Например, квебекская паремия: *Une tartine de sirop chez nous est parfois meilleure qu'un banquet ailleurs* ‘Хлеб с кленовым сиропом дома иногда лучше застолья в гостях’; пословица Мартиники, где отражено предпочтение употреблению в пищу не птицы, а рыбы: *Faute de morue, on mange du poulet* ‘Когда нет трески, едят курицу’; Бельгийская пословица: *Avec une crêpe manquée on fait une bonne gaufre* ‘Из неудачных блинчиков получают отличные вафли’.

Представленный паремиологический материал доказал высказанный нами ранее тезис о влиянии на пословичный фонд поликультурных стран (в нашем случае – франкоязычных) исторических, экономических и социолингвистических особенностей при «формировании ценностных ориентиров его населения» [21, с. 200].

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить широкий лингвоаксиологиче-

ский потенциал паремий франкоязычных стран, представленный посредством разных типов лингвоаксиологических маркеров. Ценностные концепты обозначены преимущественно с помощью ядерных маркеров первого типа, эксплицитно номинирующих аксиологические доминанты, и реже второго типа (номинирующие ценности имплицитно). Было выявлено, в частности, представление в паремиях следующих доминант: «Знания», «Труд», «Здоровье», «Богатство», «Счастье», «Семья», «Красота», «Религия», «Слово», «Мудрость», «Еда», «Гостеприимство» (в марокканских паремиях). Как ценное человеческое качество представлена «Осторожность». В ряде случаев указанные ценности вступают в валентные связи и могут оцениваться с помощью сравнения друг с другом, а также путём эксплицитно выраженного образного сравнения.

Этноспецифичность реализуется посредством этнолингвомаркеров (маркеров третьего типа) – номинаций представителей населения, животного мира, продуктов питания определённых регионов. Маркеры первых трёх типов в ряде

случаев обладают свойством аксиологического синкретизма, если указывают на прямую или ассоциативную семантическую связь с двумя или более ценностями. Периферийные лингвоаксиологические маркеры (маркеры четвёртого типа внеконтекстуальные и контекстуальные, а также грамматические маркеры) обеспечивают выражение оценки представленных в паремиях ценностей или предпочтительные сценарии действия в аксиогенных ситуациях иногда посредством обращения к антисценариям и их возможным негативным последствиям. Стилистические и фонетические средства усиливают экспрессивность паремий, способствуя их запоминанию.

Перспективы проведённого исследования состоят в возможности подробного изучения лингвоаксиологической маркированности в паремиях отдельно взятой франкоязычной страны с учётом влияния культурных, исторических, социальных и других экстралингвистических факторов, обусловленных местными традициями, а также в применении предложенной авторской методики на материале других полинациональных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб: Алеф-Пресс, 2013. 352 с.
2. Клоков В. Т. Словарь французского языка за пределами Франции. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. 496 с.
3. Храмов М. Ш. Паремии, характеризующие социальные отношения в межкультурной коммуникации носителей русского, английского и арабского языков // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 67–78. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78.
4. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035.
5. Alyoshin A., Ivanov E. Belarusian-Swedish dictionary of proverbs: Volume, list, zones of lexicographical description // Скандинавская филология (Scandinavian Philology) 2024. Vol. 22. No. 2. P. 215–239. DOI: 10.21638/11701/spbu21.2024.201.
6. Паремииология без границ / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
7. Семина П. С. Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексикографическом материале) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 893–905. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905.

8. Багана Ж. Особенности формирования и функционирования афрофранцузских фразеологизмов в современной Африке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). С. 19–23.
9. Багана Ж. Об общефранцузских фразеологизмах в африканских вариантах французского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 260–265.
10. Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков): дисс. ... докт. филол. наук. М., 2025. 411 с.
11. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 239 с.
12. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1 (32). С. 25–35.
13. Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебно-методическое пособие / Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. 374 с.
14. Селиверстова Е. И. Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 58–61.
15. Бочина Т. Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 6. С. 7–12. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12.
16. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009. 342 с.
17. Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.
18. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с. (Серия: Язык. Семиотика. Культура).
19. Мамонтов А. С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В. В. Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 200–222. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222.
20. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Очерки русинской фразеологии: монография. М.: РУДН, 2021. 97 с.
21. Нелюбова Н. Ю. Представление ценностей в пословицах франкоязычных стран (на материале пословиц Мартиники) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2019. № 1 (65). С. 198–208.

REFERENCES

1. Abakumova, O. B. (2013). *Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive-Discursive Modeling of Proverb Meaning in Discourse and a Referential-Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies*. St. Petersburg: Alef-Press publ. (in Russ.).
2. Klokov, V. T. (2000). *Dictionary of the French Language Outside France*. Saratov: Saratov University Press publ. (in Russ.).
3. Khram, M. Sh. (2025). Paroemias characterizing social relations in the intercultural communication of native speakers of Russian, English, and Arabic. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, 67–78. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78 (in Russ.).
4. Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. & Petrushevskaya, Ju. A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (4), С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035 (in Russ.).
5. Alyoshin, A. & Ivanov, E. (2024). Belarusian-Swedish dictionary of proverbs: Volume, list, zones of lexicographical description. In: *Scandinavian Philology*, 22 (2), 215–239. DOI: 10.21638/11701/spbu21.2024.201.

6. Bredis, M. A. & Lomakina, O. V. (eds.) (2020). *Paremiology without Borders*. Moscow: RUDN University Press Publ. (in Russ.).
7. Syomina, P. S. (2019). Subject variety of the Belgian proverbs (on lexicographical material). In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (4), 893–905. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905 (in Russ.).
8. Baghana, J. (2013). The historical aspects of the formation and the functioning of phraseological units in Africa. In: *Belgorod State University Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, 27 (170), 19–23.
9. Baghana, J. (2015). About French idioms in African variants of the French language. In: *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Problems of education: languages and speciality*, 5, 260–265 (in Russ.).
10. Nelyubova, N. Yu. (2025). *Axiological dominants of linguaculture and their markedness in paremiology (based on the French, Russian, and Tuvan languages)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
11. Savenkova, L. B. (2002). *Russian paremiology: semantic and linguacultural aspects*. Rostov-on-Don: Rostov University Publ. (in Russ.).
12. Karasik, V. I. (2015). Linguocultural values in discourse. In: *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1 (32), 25–35 (in Russ.).
13. Radbil, T. B. (2018). *Cognitive Science*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ. (in Russ.).
14. Seliverstova, E. I. (2014). National identity of proverbs in the context of multilingual dictionaries. In: *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 3 (45), 58–61 (in Russ.).
15. Bochina, T. G. (2023). Communicative valence of hedonistic values in the traditional Russian axiosphere. In: *Scientific research and development. Modern communication studies*, 12 (6), 7–12. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12.
16. Alefirenko, N. F. & Semenenko, N. N. (2009). *Phraseology and Paremiology: A Textbook for the Bachelor's Level of Philological Education*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
17. Kozlova, L. A. (2019). *Comparative Typology of English and Russian*. Barnaul: Altay State Pedagogical University publ. (in Russ.).
18. Larina, T. V. (2009). *The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi publ. (Series: Language. Semiotics. Culture) (in Russ.).
19. Mamontov, A. S., Cjedendorzhijn, J. & Boguslavskaya, V. V. (2019). A Value System through the Perspective of a Culturally-Oriented Lexicography. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 200–222. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222..
20. Lomakina, O. V. & Mokienko, V. M. (2021). *Essays on Rusyn phraseology*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
21. Nelyubova, N. Yu. (2019). Presentation of values in the proverbs of French-speaking countries (based on proverbs of Martinique). In: *University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) university)*, 1 (65), 198–208 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисенко Владимир Никифорович (г. Москва) – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0001-6021-4068>; e-mail: denissenko@mail.ru

Ломакина Ольга Валентиновна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0003-0298-5678>; e-mail: rusoturisto07@mail.ru,

Нелубова Наталия Юрьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0002-6538-8267>; e-mail: nat.nelubova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Denisenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Departmental Head, General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

[https:// orcid.org/0000-0001-6021-4068](https://orcid.org/0000-0001-6021-4068); e-mail: denissenko@mail.ru

Olga V. Lomakina (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

[https:// rcid.org/0000-0003-0298-5678](https://rcid.org/0000-0003-0298-5678); e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Natalya Yu. Nelyubova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

[https:// orcid.org/0000-0002-6538-8267](https://orcid.org/0000-0002-6538-8267); e-mail: nat.nelubova@mail.ru

Научная статья
УДК 811.111
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-31-39

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ «КОЛА» И «ЯМС» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НИГЕРИИ

Кондратьева А. С.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: askondratieva@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.04.2025

После доработки 18.08.2025

Принята к публикации 03.09.2025

Аннотация

Целью статьи является выявление культурно-специфичных семантических особенностей лексем «кола» и «ямс» в нигерийской художественной литературе.

Процедура и методы. Для решения поставленных задач использовался комплекс как общенаучных, так и частных методов. При отборе языкового материала применялись методы систематической и кластерной выборки. Необходимость описания и анализа семантической структуры изучаемых лексем, а также специфика корпуса исследования обусловили использование методов контекстуального и компонентного анализа. В ходе исследования обработке подвергся как корпус современной художественной литературы писателей игбо с 1990-х по 2010-е года, так и классические произведения Ч. Ачебе.

Результаты. В статье выявляются культурно-специфичные семантические особенности лексем «кола» и «ямс». Детально рассматриваются коммуникативные ситуации их употребления, выявляются случаи, в которых лексемы не исполняют свою прямую номинативную функцию. Они входят в состав выражений, которые по отношению к референтной норме могут расцениваться как семантические неологизмы, обслуживающие лексико-семантическое поле «обычай и традиции». Делается вывод о том, что культурно-значимая лексема «ямс» обладает гендерной маркированностью, символизирует мужское начало, что находит своё отражение как на раннем, так и на современном этапе развития англоязычной литературы игбо.

Теоретическая и практическая значимость. Работа представляет теоретическую и практическую значимость для филологов и специалистов, сталкивающихся в профессиональной деятельности с территориальными вариантами английского языка Западной Африки. Даны практические рекомендации по переводу выражений, включающих в себя лексему «кола».

Ключевые слова: нигерийская художественная литература, Ч. Ачебе, семантические новообразования, гендерный аспект

Для цитирования:

Кондратьева А. С. Семантические особенности лексем «кола» и «ямс» в англоязычных художественных текстах Нигерии // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 31–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-31-39>

Original research article

THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS KOLA AND YAM IN NIGERIAN FICTION

A. Kondrateva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

e-mail: askondratieva@mail.ru

Received by the editorial office 17.04.2025

Revised by the author 18.08.2025

Accepted for publication 03.09.2025

Abstract

The aim of the article is to uncover the cultural specificity of the meaning of lexical units “kola” and “yam” in Nigerian fiction.

Methodology. To solve the tasks at hand, a number of both general scientific and specific methods of investigation were used. Systematic and cluster sampling methods were employed in selecting the linguistic material. The need to describe and analyse the semantic structure of the lexical units, as well as the material of the research, made it possible to resort to the methods of contextual and component analysis. The research deals with modern texts by Igbo authors (1990s – 2010s), as well as the classical works of Chinua Achebe.

Results. This article identifies the culturally specific semantic properties of the lexemes “kola” and “yam”. The use of these lexical units is thoroughly analysed, especially in regards to units that can be considered as lexical neologisms as compared to the referent norm. These neologisms are a part of the lexical field “traditions and customs”. It is concluded that the culturally significant lexeme “yam” has gender markings and symbolizes the masculine principle, which is reflected both in the early and modern stages of the development of English-language Igbo literature.

Research implications. The article is of theoretical and practical value to philologists and specialists that work with various variants of West African English. It provides recommendations as to the translation of phrases containing the kola unit.

Keywords: Nigerian fiction, Chinua Achebe, semantic neologisms, gender aspect

For citation:

Kondrateva, A. S. (2025). The semantics of lexical units kola and yam in Nigerian fiction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 31–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-31-39>

Введение

Нигерийская англоязычная лингвокультура обладает уникальной, неповторимой национальной идентичностью, которая находит своё отражение в художественной литературе региона. Богатый лексический состав стандартного территориального варианта английского языка Нигерии (*Standard Nigerian*), которым пользуются нигерийские авторы, постоянно видоизменяется и пополняется [1, с. 401]. Тем не менее семантика некоторых лексем остаётся неизменной.

Для детального рассмотрения семантики лексем «кола» и «ямс» «по вертикали», по выражению Ю. Лотмана [2, с. 241], были выбраны произведения художественной литературы Нигерии писателей – представителей племени игбо, отражающие современный этап существования нигерийского территориального варианта. Предпочтение отдавалось произведениям нигерийских писателей, издаваемым для внутреннего рынка, однако в исследование вошли и работы всемирно известной писательни-

цы-игбо Чимаманды Нгози Адичи, а также номинанта на Букеровскую премию Чигози Обиома.

В книгах менее известных писателей не всегда присутствует информация об авторе, а место публикации нельзя считать достоверным указанием на этническую принадлежность автора. Решение о том, включать текст в корпус исследования или нет, принималось после тщательного анализа его языкового состава. В отобранных текстах, включающих в себя 7 романов, поэму, пьесу и сборник рассказов, констатируются реалии, характерные для игбо, а также кальки с языка игбо на английский язык.

Дифференциация йоруба – хауса – игбо необходима ввиду значительных различий между подвариантами нигерийского английского варианта (подварианты хауса, йоруба и игбо), которые фиксируются ещё с 80-х годов прошлого столетия. Уже тогда исследователи отмечали прямую зависимость между тем, каким из местных языков владел говорящий (хауса, йоруба или игбо), и тем, какие именно отклонения от нормы встречались в его речи [3, р. 86]. Эти отличия хорошо известны науке, тем не менее регулярно появляются новые [4, р. 97].

Выбор в пользу игбо был сделан из-за того, что референтным для фиксации наличия или отсутствия изменений в семантике лексем «кола» и «ямс» был выбран роман «Всё рушится» Чинуа Ачебе, автора, известного своей принадлежностью к народу игбо.

«Всё рушится»¹ повествует о приходе в африканскую деревню англичан, которые нарушают сложившиеся там вековые устои. Роман, впервые опубликованный в 1958 г., крайне ценен с точки зрения бытоописания. Автор, адресуя произведение как африканской, так и зарубежной аудитории, даёт исчерпывающие описания традиционного африканского

быта, устоев, традиций. Своё внимание к подобным деталям он объясняет следующим образом: «Писатель должен показать, что африканские народы не от европейцев впервые узнали, что такое культура; что африканские государства в прошлом вовсе не были отсталыми, и у них существовала глубокая философия и свои представления о ценностях и красоте» [5, с. 54]. Исследователи отмечают, что работы Ч. Ачебе ценны именно тем, что задумывались как ответная реакция на евроцентрические нарративы, и были призваны запечатлеть традиционные африканские ценности и видение мира [6, р. 3].

Лексема «кола»

Орех кола занимает в лингвокультурном пространстве Нигерии особое место. Кола – кофеиносодержащий орех, произрастающий на всей территории Западной Африки. Он обладает определёнными лечебно-терапевтическими свойствами: помогает бороться с усталостью, стимулирует мозговую активность, а также эффективен при лечении кашля². Тем не менее народная вера в эффективность колы превосходит перечисленные, научно доказанные её свойства. Вот неполный список того, для чего орех кола используется в быту: «подслащивание застоявшейся воды», утоление голода, лечение язв, помощь в трудных родах, лечение колик, депрессии, дизентерии, придание храбрости воинам³.

Именно орех кола дал название известному во всём мире газированному напитку, в котором, впрочем, от ценных свойств колы ничего не осталось.

При анализе художественных текстов становится очевидной высокая ритуализированность ореха кола. Лексема «кола» (в отличие от лексемы «ямс» и некоторых других культурно-значимых лексем, на-

¹ Achebe Ch. Things fall apart. Edinburgh: Pearson, 2008. 166 p. Далее – Achebe Ch. Things fall apart.

² Starin D. Kola nut: so much more than just a nut // Journal of the Royal Society of Medicine. 2013. No. 12. P. 510. DOI: 10.1177/0141076813507708.

³ Там же, P. 511.

пример, «пальма») не употребляется в сравнительно-описательных конструкциях. Те устойчивые выражения, которые включают её в себя, относятся к сфере ритуала, это:

– ритуальное употребление колы (*eating of kola-nut*);

– ритуальное раскалывание колы (*breaking of kola-nut*);

– ритуальное бросание колы (*throwing of kola-nut*).

Несмотря на свою небольшую стоимость, кола традиционно расценивается как главный символ достатка. В романе «Всё рушится» главный герой приносит орех кола, когда приходит просить о помощи богатого соседа. Этим он одновременно показывает свою состоятельность и публично проявляет уважение к хозяину дома.

Пример. *He presented a kola nut and an alligator pepper which was passed round for all to see.*¹

Перевод². Он достал орех кола и аллигаторов перец. Их передали по кругу, чтобы все увидели.

При рассмотрении выражений, в которые входит лексема «кола» было выявлено сочетание *breaking of kola-nut* (раскалывание колы). Оно как нельзя лучше отражает двойственность семантики рассматриваемой единицы. Выражение имеет конкретное значение: процесс отделения скорлупы ореха от его сердцевинки. Тем не менее вторичный смысл гораздо шире и интереснее. Сочетание обслуживает сферу ритуала, описывая акт раскалывания ореха в рамках отношений «гость» – «хозяин». На основе примеров из художественных текстов можно судить о том, что раскалывание колы – большая честь для человека.

Пример. *They argued before Unoka accepted the honour of breaking the kola.*³

Перевод. Они препирались до тех пор, пока Унока не принял честь расколоть колу первым.

Как правило, орех раскалывает человек, обладающим более высоким положением в обществе. Это может быть вождь племени, хозяин дома или же старший по возрасту человек. Зачастую он раскалывает орех, но сам не ест его, совершая акт условного дарения своим соплеменникам.

Пример. *The spokesman took one kola-nut and blessed it. Then he broke it and gave to the men.*⁴

Перевод. Говоривший взял орех кола и благословил его. Затем он расколол его и дал мужчинам.

В семантическую структуру выражения *breaking of kola* также входит и способ отделения скорлупы от ореха. При использовании ореха в ритуальной практике, как правило, используется нож, в то время как при обыденном потреблении в пищу орех раскусывают зубами. В этом случае, вместо глагола *to break* принято употреблять глагол *to crack*, что значительно меняет смысл высказывания. Из символа и элемента ритуала орех кола превращается в продукт питания.

Пример. *Chika cracked the kola open as he sat watching the couples dancing.*⁵

Перевод. Чика, сидевший и смотревший на танцующие пары, раскусил орех колы.

Сочетание *to break the kola* в данном случае может рассматриваться как семантический неологизм. Он возник ввиду номинативной языковой потребности, т. е. потребности, отражающей необходимость описания культурно-специфического понятия для региона [7, с. 110] или, в данном случае, диаспоры. Семантическая разница между выражениями *to break the kola* и *to crack the kola* в референтных вариантах английского языка (британском и американском) не наблюдается ввиду

¹ Achebe Ch. Things fall apart. P. 15.

² Здесь и далее перевод автора статьи – А. К.

³ Achebe Ch. Things fall apart. P. 5.

⁴ Nwapa F. Efurū. London: Heinemann, 1966. P. 45.

⁵ Ogechukwu M. The Nude moralist. Jos: Mono expressions, 1999. P. 46.

отсутствия данной номинативной потребности, что подтверждается отсутствием соответствующих дефиниций в толковых словарях английского языка, в том числе *Collins* и *Cambridge*.

Символично не только раскалывание колы и принятие её в пищу, но и отказ от неё. Так, в романе «Всё рушится» один из главных героев Оконкво избивает свою жену во время Недели Мира – недели, когда подобные действия находятся под запретом. После этого жрец, посещающий его дом, отказывается от подношения ореха кола, и это практически полностью рушит репутацию Оконкво в глазах соплеменников.

Пример. *Take away your kola nut. I shall not eat in the house of a man who has no respect for our gods and ancestors.*¹

Перевод. Забери свою колу. Я не стану есть в доме человека, который не уважает ни наших богов, ни предков.

Принятие или отказ от колы крайне важны и в ритуалах традиционной нигерийской свадьбы. Так, во всех рассмотренных в ходе исследования художественных произведениях описывается ритуал сватовства как подношения колы и пальмового вина родственниками жениха родственникам невесты. Если родители невесты принимают подношения, помолвка считается заключённой.

Пример. *Few days later, Obiekwe carried palm wine and kola nut to Okoro's house, to officially seek the hand of their daughter in marriage.*²

Перевод. Несколько дней спустя, Обьекве принёс пальмовое вино и орех кола к дому семьи Окоро, чтобы официально попросить руки их дочери.

Тем не менее, несмотря на то, что лексема кола в данном случае присутствует, сравнительный анализ сцен сватовства в изучаемых произведениях позволяет сделать вывод о том, что центральной лексе-

мой в данном случае является всё же не кола, а вино (как правило, пальмовое).

Пример. *If he brings wine to you, let your sister go with him.*³

Перевод. Если он принесёт тебе вино, отпусти твою сестру к нему.

Bring wine (принести вино) становится в данном случае культурно-специфичным аналогом общеанглийского выражения *ask for a hand in marriage* (попросить руки).

Перечисленные выше особенности символики и семантики лексемы кола находят свои обоснования в традиционных верованиях народа игбо. В традиционной религии народа игбо раскалывание ореха колы – священный ритуал, приглашающий в мир живых духов-предков, которые также разделяют с живыми колу [8, р. 305]. Тем не менее и в языковой традиции другого крупного племени Нигерии, йоруба, закреплено крайне важное символистическое значение ореха. Это выражается, например, в следующей пословице:

Пример. *The kola nut reflects the mind of the thrower.*

Перевод. Орех колы отражает мысли бросающего.

Пословица относится к калькам с языка йоруба (в оригинале – *Bi inu ba ti ri ni obi n yan*). В Нигерии сохраняется традиция прошения благословления у богов или духов предков перед принятием важного решения, и именно кола, как символ этой связи живых и мёртвых, используется для этой цели. Задаваемый вопрос может быть как общественно-политическим (выбор или коронация короля, объявление войны), так и личным (выбор супруга). Для проведения ритуала орехи разрезают на четыре равные части. Если две дольки ореха падают мякотью вверх, то ответ будет отрицательным. Обычай сходен с бросанием монетки в России. Таким образом, пословица указывает на то, что, кидая орех, вопрошающий на са-

¹ Achebe Ch. *Things fall apart*. P. 45.

² Onyekachi M. *Vengeance of the spirit*. Ibadan: Rasmed Publications, 2017. P. 71.

³ Achebe Ch. *Things fall apart*. P. 75.

мом деле знает тот результат, который он хочет увидеть.

Лексема кола «спрятана» и в некоторых именах. Так, в книге «Мечь духа» мать главной героини зовут *Orgi-Ugo*. Автор даёт пометку о том, что в переводе это означает «королевская кола». Из контекста становится очевидным, что это имя – имя-символ, переходящий титул, которым наделяют самую красивую женщину в деревне.

Пример: *You are the pride of the morning, like I am Orgi-Ugo [the king's kola], so you are, you will be named after me. Look at your beauty.*¹

Перевод. Ты – гордость утра так же, как я – Орги-Уго (королевская кола), и так же тебя будут звать после меня. Посмотри на свою красоту.

Разумеется, учитывая все полезные свойства колы, её употребление в пищу не сводится лишь к ритуалу. В культурологических исследованиях в отношении колы часто встречается понятие *entertainment fruit* [8, p. 293], то есть пища, которую употребляют во время различных развлекательных мероприятий, или же просто для удовольствия. Однако в таком случае выражения *breaking of kola/eating of kola* заменяются на фразу *chewing of kola* (жевание колы):

Пример: *He says tablets are bitter, but you should taste the kola nuts he chews happily—they taste like bile.*²

Перевод. Он говорит, что его таблетки горчат, но попробовала бы ты орехи кола, которые он с радостью жуёт. На вкус как желчь.

Лексема «ямс»

Ямс, как и орех кола, играет далеко не последнюю роль в нигерийской культуре, особенно у игбо³. Ежегодно в стране

проходит фестиваль Нового Ямса (*New Yam Festival*), символизирующий неразрывную связь человека с природой и цикличность жизни [9 p. 44]. Фестиваль проходит в августе, по окончании сезона дождей. Он ознаменовывает сбор урожая ямса и начало нового аграрного цикла. Ч. Ачебе в романе «Всё рушится» детально описывает ежегодную подготовку к фестивалю. Свежий ямс в данном случае видится символом успеха в новом году.

Пример. *On the last night before the festival, yams of the old year were all disposed of by those who still had them. The new year must begin with fresh, tasty yams and not the shrivelled and fibrous crop of the previous year.*⁴

Перевод. В ночь перед фестивалем прошлогодний ямс выбрасывали те, у кого он ещё оставался. Новый год должен начинаться со свежего, вкусного ямса, а не со сморщенного и волокнистого прошлогоднего.

В романе «Всё рушится» именно сбор урожая ямса наделяется глубокой символикой. Так, во время надвигающейся войны с другим племенем и других неудач для поселения начинают лить проливные дожди, которые заливают ямс и губят половину урожая. По тому, насколько успешен урожай ямса, читатель может предсказать и дальнейшее развитие сюжета. Орех кола подобной функцией не наделяется.

Кроме того, если орех кола в нигерийской литературе не имеет какой-либо гендерной маркированности, то ямс соотносится с мужской энергией и мужественностью, на что прямо указывается в некоторых текстах.

Пример. *Yam stood for manliness, and he who could feed his family on yams from one harvest to another was a very great man indeed.*⁵

¹ Onyekachi M. Vengeance of the spirit. Ibadan: Rasmed Publications, 2017. P. 12.

² Odichie Ch. N. Purple Hibiscus. London: HC, 2017. P. 156.

³ Olatunde G. O. Importance of food and culture in Nigeria with special reference to yam // Nutritional and

Health Aspects of Food in Western Africa. London: Academic Press, 2024. P. 133. DOI: 10.1016/B978-0-443-27384-1.00013-9 (Elsevier Traditional and Ethnic Food Series).

⁴ Achebe Ch. Things fall apart. P. 29.

⁵ Achebe Ch. Things fall apart. P. 26.

Перевод. Ямс символизировал мужественность, и тот, кто мог прокормить свою семью ямсом от одного урожая до другого, был вправду великим человеком.

В романе «Всё рушится» главный герой, Оконкво, учит, как правильно сажать ямс своих сыновей, но не дочерей. Для женщин предусмотрены другие аграрные культуры.

Пример. *As the rains became heavier, the women planted maize, melons and beans between the yam.*¹

Перевод. Когда дожди усилились, женщины посадили меж ямсом кукурузу, дыни и бобы.

Имён с лексемой «ямс» в ходе исследования выявлено не было. Интересно употребление лексемы в составе описательной конструкции. В контексте художественного произведения она описывает взросление юноши, который становится мужчиной, таким образом лишь укрепляя в семантике ямса мужское начало.

Пример: *He grew rapidly like a yam tendril in the rainy season.*²

Перевод. Он рос быстро, как завиток ямса в сезон дождей.

Романа Ч. Ачебе «Всё рушится» был опубликован в середине прошлого века. Этого писателя часто критикуют за искажение гендерных ролей, существовавших в культуре игбо в более равноправной форме [10, р. 127]. Логично было бы предположить, что под влиянием движения феминизма и постепенного стирания границ между исключительно мужскими и исключительно женскими занятиями, гендерная маркированность лексемы «ямс» будет стираться. Тем не менее она сохраняется по сей день.

Так, в книге «Развод Идемилы» от 2007 г. – произведении, переосмысляющем классический миф о речной богине игбо, – автор рисует образ общества, в котором нарушился установленный

предками порядок. Вместо ритуально важного пальмового вина люди пьют «спрайт и фанту», вместо барабанов и гонга «играют на пианино и гитаре». Далее автор указывает на события, которые он напрямую связывает с последствиями колонизации.

Посадка женщинами ямса приравнивается к наиболее табуированному действию в традиционной культуре – поеданию ритуальной пищи богов, запретной для людей:

Пример. *Women wore trousers and planted yams ... ate food sacrificed to idols.*³

Перевод. Женщины носили штаны и сажали ямс ... ели еду, предназначенную идолам (божествам).

Вместе с тем гендерная маркированность отсутствует в других связках, относящихся к бытовым действиям, не несущим ритуальной функции, например, приготовление пищи:

Пример. *She fried yams this morning, and I think some are still left.*⁴

Перевод. Этим утром она жарила ямс, кажется, там что-то ещё осталось.

Выводы

Лексемы «кола» и «ямс» широко употребимы и играют в лингвокультуре Нигерии значительную роль, что отражается в национальной художественной литературе народа игбо.

Ретроспективный анализ двух лексем показал, что они продолжают входить в выражения, которые обслуживают лексико-семантическое поле «обычаи и традиции». Особенности, которые фиксировались в текстах Чинуа Ачебе в середине прошлого века, продолжают находить своё отражение и в современных произведениях как малоизвестных, так и получивших международное признание авторов.

³ Ogene M. The Divorce of Idemili. Awka: OWT, 2007. P. 48.

⁴ Obioma Ch. The Fishermen. New York: Little Brown & Co, 2015. P. 219.

¹ Achebe Ch. Things fall apart. P. 27.

² Achebe Ch. Things fall apart. P. 42.

В результате исследования выявлены семантические пары, описывающие одно и то же физическое действие, но обслуживающие разные сферы жизнедеятельности. Таких пар в результате исследования выделено две: *to break kola* (ритуальное) / *to crack kola* (обиходно-бытовое); *to eat kola* (ритуальное) / *to chew kola* (обиходно-бытовое). Данные пары являются культурно-специфичными и не фиксируются в словарях референтных вариантов английского языка. Подобное деление подчёркивает двойственность лексемы, что отражает ту исключительную роль, которую орех занимает в нигерийском традиционном обществе. Помимо этого, лексема входит в состав пословиц и имён-титолов, которые калькируются на английский язык с игбо. В то же время лексема «кола» в нигерийской художественной литературе может считаться гендерно-нейтральной, чего нельзя ска-

зать о лексеме «ямс», которая обнаруживает гендерную маркированность в выражении *to plant yams*, а также используется в сравнительно-описательных конструкциях, характеризующих мужчин.

Кроме того, сравнительный анализ текстов середины прошлого века (Ч. Ачебе) и современных произведений (М. Оджене, Ч. Обиома) позволяет сделать вывод о замещении стандартной для референтных английских языков формы множественного числа *yam*, закреплённой в 4 издании Кембриджского словаря, формой *yams*.

Лексемы «кола» и «ямс», рассматриваемые в статье, относятся к наиболее важным в нигерийской художественной литературе. В рамках продолжения исследования планируется рассмотрение семантики лексем в художественных текстах других подвариантов нигерийского английского языка (йоруба и хауса) и их последующий сравнительный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузина М. А. Заимствования в малой прозе индийских и африканских англоязычных авторов: формирование ядра и периферии // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 401–403. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-401-403.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
3. Akere F. Sociocultural Constraints and the emergence of standard Nigerian English // *New Englishes* / ed. J. B. Pride. Massachusetts: Newbury House, 1982. P. 85–89.
4. Bisong M. T., Effumbe K. Language and behavioural patterns of the Hausas, Igbos and Yorubas of Nigeria // *European Journal of Literature, Language and Linguistic Studies*. 2019. Vol. 3. Iss. 1. P. 97–109. DOI: 10.5281/zenodo.2652938.
5. Ачебе Ч. Роль писателя в новой нации // Литература стран Африки. Т. 2 / пер. с англ. С. С. Сергеевой. М.: Наука, 1966. С. 53–60.
6. Ilyas M. S. Chinua Achebe's *Things Fall Apart*: a study from a feminist perspective // *Journal of Asian multicultural research for educational study*. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 1–14. DOI: 10.47616/jamres.v5i3.522.
7. Скуратов И. В. Семантическая неология (на материале французского языка) // Романские языки в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Скуратов, Н. В. Полякова. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 110–113.
8. Unya I. U. The Historical significance and role of the kola nut among the igbo of South-eastern Nigeria // *Journal of Religion and Human Relations*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 289–312. DOI: 10.4314/jrhr.v13i1.13.
9. Onwuatuegwu I. N. New yam festival: an exploration of ancestral perspectives on reality and the role of traditional folk religion // *Nnadiesube Journal of Philosophy*. 2024. Vol. 7. № 1. P. 37–47.
10. Ogunyemi C. B. Gender (Re)configuration in Nigerian Literature through Time and Space // *Journal of Literary Studies*. 2018. Vol. 34. No. 4. P. 122–134. DOI: 10.1080/02564718.2018.1538084.

REFERENCES

1. Kuzina, M. A. (2024). Loanwords in short prose by English language writers of Indian and African descent: nucleus versus periphery. In: *The world of science, culture and education*, 3 (106), 401–403. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-401-403 (in Russ.).

2. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb publ. (in Russ.).
3. Akere, F. (1982). Sociocultural Constraints and the emergence of standard Nigerian English. In: Pride, J. B. (ed.) (1982). *New Englishes*. Massachusetts: Newbury House, pp. 85–89.
4. Bisong, M. T. & Effumbe, K. (2019). Language and behavioural patterns of the Hausas, Igbos and Yorubas of Nigeria. In: *European Journal of Literature, Language and Linguistic Studies*, 3 (1), 97–109. DOI: 10.5281/zenodo.2652938.
5. Achebe, C. (1966). The Role of the Writer in a New Nation. In: *Literature of African Countries. Vol. 2*. Moscow: Nauka publ., pp. 53–60 (in Russ.).
6. Ilyas, M. S. (2024). Chinua Achebe's Things Fall Apart: a study from a feminist perspective. In: *Journal of Asian multicultural research for educational study*, 5 (3), 1–14. DOI: 10.47616/jamres.v5i3.522.
7. Skuratov, I. V. (2017). Semantic neology (based on the French language). In: *Romance languages in synchrony and diachrony*. Moscow: MRSU Ed. Office publ., pp. 110–113 (in Russ.).
8. Inya, I. U. (2021). The Historical significance and role of the kola nut among the igbo of South-eastern Nigeria. In: *Journal of Religion and Human Relations*, 13 (1), 289–312. DOI: 10.4314/jrhr.v13i1.13.
9. Onwuatuegwu, I. N. (2024). New yam festival: an exploration of ancestral perspectives on reality and the role of traditional folk religion. In: *Nnadiabube Journal of Philosophy*, 7 (1), 37–47.
10. Ogunyemi, C. B. (2018). Gender (Re)configuration in Nigerian Literature through Time and Space. In: *Journal of Literary Studies*, 34 (4), 122–134. DOI: 10.1080/02564718.2018.1538084.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондратьева Анна Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры европейских языков института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;
<https://orcid.org/0009-0002-9020-8368>; e-mail: askondratieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Kondratieva (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Department of European languages, Institute of Linguistics, Russian State University of Humanities;
<https://orcid.org/0009-0002-9020-8368>; e-mail: askondratieva@mail.ru

Научная статья

УДК 811.111: 81'276.6:62: 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-40-50

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ, СЕМАНТИКОЙ И СТИЛИСТИКОЙ

*Полубиченко Л. В.**, *Тер-Минасова С. Г.*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

** Корреспондирующий автор, e-mail: lpolubichenko@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.09.2025

Принята к публикации 23.09.2025

Аннотация

Цель: определить, соблюдаются ли нормы употребления служебных частей речи (союзов, артиклей, частиц, предлогов) в современных англоязычных научных статьях и в какой степени их предполагаемое несоблюдение может препятствовать пониманию текста.

Процедура и методы. Методом случайной выборки из международных англоязычных журналов составлен корпус исследовательских статей медико-биологического профиля. Методом сплошной выборки в статьях выявлены нарушения норм употребления союзов, артиклей, частиц и предлогов, соотнесённые, по возможности, с грамматическими нормами родных языков авторов.

Результаты. Показано, что на качество английского языка научных публикаций пагубно влияет его плюрицентричность и фрагментация норм. Для неанглоязычных учёных главную трудность представляет соблюдение грамматических британско-американских норм, тогда как англоязычные авторы нередко нарушают нормы стилистические. Доказано, что из всех служебных слов наиболее искажает семантику текста неправильное использование союзных средств, особенно характерное для китайских учёных из-за интерферирующего влияния родного языка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определена стоящая перед лингвистами задача скорейшего преодоления разрыва между развитием теории плюрицентричности английского языка и практикой его преподавания как международного языка науки, невозможной без ясного представления о грамматическом стандарте и модели обучения.

Ключевые слова: артикли, научный дискурс, плюрицентричность английского языка, предлоги, служебные слова, служебные части речи, союзы

Для цитирования:

Полубиченко Л. В., Тер-Минасова С. Г. Служебные слова в научном дискурсе: между грамматикой, семантикой и стилистикой // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 40–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-40-50>

Original research article

FUNCTION WORDS IN SCIENTIFIC DISCOURSE: BETWEEN GRAMMAR, SEMANTICS AND STYLISTICS

L. Polubichenko*, S. Ter-Minasova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: lpolubichenko@mail.ru

Received by the editorial office 16.09.2025

Accepted for publication 23.09.2025

Abstract

Aim: to determine whether the norms of usage of functional parts of speech (conjunctions, articles, particles, prepositions) are complied with in contemporary English-language scientific articles and to what extent their presumed violation hinders comprehension of the text.

Methodology. A corpus of biomedical research articles was compiled using random sampling from international English-language journals. Using continuous sampling, violations of the rules for the use of conjunctions, articles, particles and prepositions were identified in the articles and, where possible, correlated with the grammar rules of the authors' native languages.

Results. The research demonstrates that the quality of English in scientific publications is adversely affected by its pluricentricity and fragmentation of norms. For scientists who are non-native speakers of English, the main difficulty lies in complying with British-American grammar norms, while native speakers often violate stylistic norms of scientific discourse. It has been proved that, of all function words, the incorrect use of conjunctions most distorts the semantics of the text, which is particularly characteristic of Chinese scientists due to the interfering influence of their native language.

Research implications. The research makes it clear that the gap between the theory of World Englishes and the practice of teaching English as an international language of science should be bridged as soon as possible, because teaching academic writing is unfeasible without clearly understanding what grammar standards and teaching model to follow.

Keywords: articles, scientific discourse, pluricentricity of the English language, prepositions, function words, functional parts of speech, conjunctions

For citation:

Polubichenko, L. V. & Ter-Minasova, S. G. (2025). Function words in scientific discourse: between grammar, semantics and stylistics. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 40–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-40-50>

Введение

Вопрос о членении словарного состава языка на части речи с их дальнейшим делением на знаменательные и служебные слова до сих пор относится к до конца не решённым в лингвистике из-за кардинальных различий между языками разных типов, а также ввиду несовпадения подходов к решению этого вопроса представителями разных лингвистиче-

ских школ¹. Тем не менее большинство учёных сходятся в том, что к служебным частям речи (служебным словам) следует отнести по крайней мере следующие лексические единицы, «не называющие явлений действительности, а указывающие на отношения, существующие между этими

¹ См.: Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 578–579.

явлениями», то есть обозначающие грамматические значения и обслуживающие знаменательные части речи¹: предлоги, союзы, частицы и артикли².

Постановка проблемы

На материале около 100 научных статей, опубликованных в последние 5 лет на английском языке в ведущих международных журналах естественно-научного профиля³, было выявлено, что служебные слова при ближайшем рассмотрении оказываются, во-первых, весьма существенным элементом текста, обеспечивающим связность и понятность речи, а во-вторых, представляют значительную сложность для освоения не только неносителями, но и носителями языка. Как ни удивительно, но разнообразные нарушения норм английского языка, сложившиеся в Великобритании, США и других странах так называемого «внутреннего круга» (в терминологии Б. Качру [1]), в использовании служебных частей речи настолько распространены в международном научном дискурсе, что нередко обнаруживаются даже на страницах серьёзных научных журналов, индексируемых в ведущих наукометрических базах

данных Scopus и Web of Science, несмотря на всю строгость требований, предъявляемых журналами к качеству английского языка, и предоставляемые неносителям языка бесплатные и платные услуги по редактированию и переводу текстов. Таким образом, ошибки, все-таки проникающие в англоязычные публикации в престижных международных журналах – а тем более регулярно повторяющиеся несмотря на все барьеры и фильтры – можно считать показательными и заслуживающими внимания как лингвистов, так и преподавателей английского языка.

Союзные средства: сочинительные и подчинительные союзы и союзные слова

Проанализированный материал даёт основания полагать, что из всех служебных слов наиболее искажает семантику текста неправильное использование союзных средств, особенно характерное для пишущих по-английски китайских учёных из-за интерферирующего влияния родного языка. Дело в том, что для синтаксиса китайского языка характерно так называемое паратактическое предложение (англ. run-on sentence), представляющее собой «уникальную особенность, отличающую китайский язык от индоевропейских языков» [2, с. 92]: паратактическое предложение состоит из «нескольких клауз или словосочетаний, между которыми отсутствуют как связующие слова, так и точки, указывающие на завершение мысли» [2, с. 88-89], а всё единство держится только на семантической корреляции между «конституентами предложения» [2, с. 90], которая «выводится на основе контекстуальных рассуждений» [2, с. 92]. Неудивительно поэтому, что в статьях китайских учёных нередко наблюдается пропуск союзных средств (вставлены нами в квадратных скобках), способный полностью обесмыслить научный текст:

– *Similarly, in SR, we identified 56 patients originally considered to be high-risk in receiv-*

¹ См.: Служебные слова // Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов; изд. 5-е, испр. и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/3818-служебные%20слова> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Служебные слова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 472.

³ В целях экономии места конкретные статьи, послужившие источниками примеров, указываться не будут. Ограничимся перечислением международных научных журналов, где они были опубликованы: *Advanced Agrochem, Agronomy, Annals of Palliative Medicine, Biochimica et biophysica acta. Reviews on cancer, Briefings in Bioinformatics, Cardiovascular Diagnosis and Therapy, Cell, Chinese clinical oncology, Gastroenterology, Genes, Hepatobiliary surgery and nutrition, IEEE Transactions on Medical Imaging, International journal of surgery, Journal of Biomaterials and Nanobiotechnology, Journal of Nanobiotechnology, Liver cancer, Nature Communications, The Annals of Blood.*

ing SR [**who**] were suggested to be low-risk in receiving RFA.

– However, for patients [**who**] respond poorly to RFA, other treatment modalities ... may be applied.

– Patients with locally advanced pancreatic cancer underwent combination treatment in which percutaneous cryoablation was the main option [**that**] had median survival of 16.2 mo,

– Bleeding has been considered an unusual complication in RF ablation, due to heat-based ablation modalities [**that**] cause profound vascular thrombosis.

Встречаются и обратные случаи использования союза или союзного слова там, где в английском предложении его быть не должно, например:

– Currently, we recommend **that** the usage of the same kit and the detection in the same lab when acquiring CA19-9 kinetics.

– Through degranulation, platelets exhibit high levels of membrane surface molecules and adhesion factors, **which** enabling them to bind to various immune cells.

Что же касается более тонких нюансов употребления относительных местоимений, выполняющих союзные функции, таких, в частности, нюансов, как разграничение *which* и *that* и употребление с ними предлогов или правильная расстановка запятых в ограничивающих (restrictive / identifying / defining) и неограничивающих (non-restrictive / non-identifying / non-defining) определительных придаточных, то они вызывают затруднения практически у всех носителей английского языка. Ошибки в их употреблении, особенно если они сопровождаются ещё какими-то грамматическими погрешностями, иногда серьёзно препятствуют пониманию текста. Например:

– Chemical oxyfertilization consists of [in] the application of peroxide-based compounds, **which** release oxygen during the decomposition process.

– There has been a higher increase in early and late apoptosis values in the group **that** ozone was applied in the first 3 hours.

– South Korean researchers have developed a nano-DNA barcode system, **which** have a specific nano particles adhere products.

Говоря о союзных средствах, нельзя обойти вниманием и сочинительные союзы, трудности с употреблением которых в научном дискурсе переводят обсуждение проблемы из грамматической и семантической в стилистическую плоскость. Дело в том, что из одного пособия по стилистике английской письменной речи в другое кочуют рекомендации не начинать предложение с сочинительных союзов, в особенности с *but*, *and* и *so*, перешедшие уже в разряд профессиональной мифологии. На сайте Merriam-Webster.com, имеющем кроме словаря ещё и раздел “Grammar & Usage”, можно найти любопытные факты из истории запретов на использование FANBOYS (мнемонический приём для запоминания сочинительных союзов английского языка: *For, And, Nor, But, Or, Yet, So*) и их нарушения¹. Тем не менее, несмотря на все старания, с точностью установить источник этих запретов не удаётся, хотя соответствующие рекомендации упомянуты как стойкое убеждение (a persistent belief) уже классиком английской лексикографии Г. У. Фаулером в словаре “Modern English Usage”, первое издание которого увидело свет практически 100 лет назад – в 1926 г., и уже там они характеризуются как безосновательные и игнорируемые лучшими авторами на протяжении многих веков². Не менее известный британский лексикограф Эрик Партридж в справочнике по правильному английскому словоупотреблению “Usage and Abuse”, опубликованном в 1947 г. и с тех пор регулярно переиздававшемся, хотя и не рекомендует начинать предложения с союза *and*,

¹ См.: Is it ever okay to start a sentence with 'and'? FANBOYS might not get you far [Электронный ресурс] // Merriam-Webster : [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/grammar/words-to-not-begin-sentences-with> (accessed: 15.09.2025).

² Burchfield R. W., Fowler H. W. The New Fowler's Modern English Usage; 3rd Edition. Oxford University Press, 2000. P. 52, 121.

совершенно справедливо отмечает, что такое его использование вполне оправдано, «когда необходимо особо выделить какое-то дополнение к сказанному или эффектно завершить перечисление» (its use is justified only when a very effective addition is desired or when an arresting accumulation is to be concluded)¹. Из приведённых комментариев этих известных филологов очевидно, что употребление сочинительных союзов в начале предложения представляет собой мощное средство экспрессивного синтаксиса, о чём наглядно свидетельствуют и многочисленные примеры такого их использования, содержащиеся в упомянутых выше лексикографических изданиях.

Ряд исследований последнего времени, в том числе проведённых методами корпусной лингвистики, подкрепляют сделанные ранее выводы дополнительными примерами и статистикой. Так, например, установлено, что абсолютное большинство не просто предложений, а абзацев романа Моэма «Театр» начинаются с союза [3]. По данным Британского национального корпуса, частотность инициального *but* составляет 28% от всех случаев употребления этого союза в материалах корпуса, *for* – 20%, а инициального *and* – 4% [4, с. 35]. Приводимый материал свидетельствует о том, что данное средство экспрессивного синтаксиса оказывается востребованным и весьма эффективным в разговорном, художественном и публицистическом стилях речи. Его использование, как свидетельствует специальное исследование, может быть вполне оправданным и в текстах представителей гуманитарных и социальных наук – при сознательном и дозированном употреблении [5]. В современном же естественно-научном дискурсе, где не предполагается слишком явное проявление эмоций и повышенная выразительность речи, все средства экспрессивного синтаксиса,

включая и данное, воспринимаются по большей части как неуместные. Соответственно, вместо сочинительных союзов в позиции начала предложения используются обычно менее частотные в разговорной речи и потому более формальные союзные средства, обозначаемые в английском языке разными терминами – conjunctive adverbs, linking adverbs, discourse markers, discourse linkers, linking adverbials и др.: *but* рекомендуется заменять на *however* или *nevertheless*, *and* – на *moreover*, *furthermore* или *in addition*, а *so* – на *therefore*, *thus*, *hence* или *consequently*.

Судя по собранному материалу, стилистические нюансы функционирования служебных слов в научном дискурсе легко ускользают от внимания не только носителей английского языка, но и тех, для кого он является родным. В результате в журналах естественно-научной тематики встречаются статьи, в которых начинающиеся с сочинительных союзов предложения или столь же характерное для разговорной речи, особенно американской, употребление слова *like* не в качестве предлога (*developments like this; they taste like water*), а как союза вместо *as* (*Swim transformer introduces multi-scale information like a CNN model does*), в совокупности с использованием парцелляции, включением в текст разговорной лексики (*a lot of, lots of, hold on* и др.) и сокращённых форм глаголов (*it's, isn't, wasn't, can't* и др.) придают естественно-научному тексту не характерное для него разговорное звучание и излишнюю экспрессию.

Кстати сказать, «союзные наречия», «дискурсивные маркеры» и т. д. (см. выше), считающиеся более подходящими союзными средствами, чем сочинительные союзы, для присоединения в научном дискурсе целых предложений, тоже не так однозначны в стилистическом плане. Хорошим примером может служить слово *besides*, которое предлагается использовать вместо инициального *and*, что и делается во многих рассмотренных

¹ Partridge E. Usage and Abuse: A Guide to Good English. London: Lowe & Brydone, 1970. P. 34.

нами статьях, но делается часто автоматически, без учёта оттенков его значения и стилистической коннотации. Результаты нескольких подробных исследований этого слова, в том числе на обширном материале языковых корпусов, а также заинтересованное его обсуждение в десятках блогов, позволяют сделать выводы о том, что *besides*, во-первых, не просто нейтрально добавляет к уже перечисленному ещё один равный по значимости аргумент (функция союза *and*), а приводит аргумент решающий, после которого остаётся только закрыть дискуссию; во-вторых, такое употребление этого слова характерно опять же для неформальной, разговорной речи, а не для научного стиля; наконец, перечисленные нюансы функционирования *besides* практически не отражены в словарях, а в учебниках для изучающих язык иностранцев (речь шла о китайских школьниках) синонимичные союзные средства обычно предлагаются для заучивания списком, без комментариев [6; 7].

Для полноты картины той сложности, которую на самом деле представляет – особенно для неносителей английского языка – корректное и эффективное использование в научном тексте служебных слов, приведённый анализ союзного наречия *besides* следует дополнить хотя бы упоминанием о том, что у него существует омоним – предлог, который, в точности как русский предлог *кроме*, несёт два прямо противоположных значения: *There's no one here besides (= except) me* и *She wants to learn other languages besides (= in addition to) English and French*¹. Кроме того, у предлога *besides* есть ещё и паронимическая пара – предлог *beside* со значением «возле, рядом»: *She sat beside (= next to) him during dinner*². Хотя в исследо-

ванном материале примеров ошибочного употребления этих предлогов обнаружено не было, напоминание об их существовании показалось необходимым как иллюстрация широкой сети полисемантических, омонимических и паронимических связей, пронизывающих все категории служебных частей речи в английском языке в его продвижении к аналитизму.

Артикли

Переходя к рассмотрению ещё одной сложной категории служебных слов – артиклей, сразу отметим, что их ненормативное использование, хотя и отвлекает, раздражает, а иногда даже сбивает в первый момент с толку, всё же не способно полностью затемнить семантику текста, серьёзно исказив или полностью уничтожив связи между его компонентами, как это иногда происходит при неправильном употреблении или опущении союзных средств.

Учёные, родные языки которых принадлежат к категории безартиклевых, как, например, русский или китайский, неизбежно совершают ошибки в употреблении артиклей, и некоторые из них, удивительным образом преодолев сито редактуры, попадают на журнальные страницы. Нет смысла останавливаться на наиболее распространённых случаях использования нулевого артикля вместо предписываемых правилами и логикой развития ситуации определённого или неопределённого артиклей (*Huelva was [the] first area of strawberry production in the European Union; deviating from [the] observed values; in [the] Ming dynasty; [The] Pan-genome refers to the totality of genome sequences existing in one studied species; [the] majority of the patients; while [the] rest of the gene was uncharacterized; [The] Results showed that; may be due to [the/a] high level of lignification* и пр., и пр.): это хрестоматийные примеры нарушения тех правил, которые, при желании, легко найти в любом грамматическом справочнике. Сосредоточимся на контекстах, не пред-

¹ The difference between “beside” and “besides” [Электронный ресурс] // The Britannica Dictionary : [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/eb/qa/difference-between-beside-and-besides-preposition-adverb> (дата обращения: 13.09.2025).

² Там же.

ставленных обычно в грамматиках английского языка, но весьма типичных для естественно-научного дискурса.

В первую очередь речь идёт об употреблении артиклей с буквенно-цифровыми обозначениями различных объектов, помещёнными в пре- и постпозицию по отношению к называемому объекту существительному, а также и совсем без него. В таких ситуациях самым правильным для неносителя языка решением, по-видимому, является обращение к статьям аналогичной тематики, написанным носителями языка, и составление «шпаргалки», которая для нашего случая могла бы выглядеть следующим образом:

1. *the E1b1b haplogroup, the J2 paternal haplogroup, the HVR2 test, the X2 clade, the X2 haplotypes, etc.*

2. *haplogroup HV was grouped with haplogroup V, subhaplogroup U5b1b1 was placed in subclade XVIII, etc.*

3. *J1 and J2 have been distinct from each other for about 30,000 years, H1 and H3 are the most common subclades, the presence of X2a in North America, E1b1b did not arrive in Europe until approximately 10,000 years ago, etc.*

Практически не освещаются в грамматиках английского языка и разнообразные случаи использования артиклей с существительными, выполняющими роль приложений, указывающих на род занятий, должность или звание человека (в нашем случае – учёного) и помещаемых либо перед, либо после его имени. Из-за происходящих в этой сфере употребления артиклей изменений затруднения здесь испытывают уже не только носители других языков, но и те, для кого английский является родным, о чём свидетельствуют бурные дискуссии в блогах, в том числе и в профессиональных, лингвистических. В частности, известный англо-американский лингвист Джеффри Пуллум разместил в своём блоге *Language Log*, запущенном в 2003 г. совместно с коллегой Марком Либерманом, пост на

эту тему¹, где проанализировал подобные случаи на примере романов Дэна Брауна, в которых фигурируют словосочетания *renowned curator Jacques Saunière, physicist Leonardo Vetra, geologist Charles Brophy*. Высказанные в ходе разных дискуссий мнения носителей языка можно суммировать следующим образом:

– существительные, указывающие на профессию человека и поставленные перед его именем, не являются его титулом (в отличие от таких слов, как *President, Professor, Officer, Doctor* или *Cardinal*, традиционно употребляемых в качестве приложений с нулевым артиклем) и, соответственно, должны использоваться либо с определённым, либо с неопределённым артиклем в зависимости от степени известности лица, о котором идёт речь;

– то же относится и к использованию подобных приложений в постпозиции;

– практика употребления с нулевым артиклем приложений типа *scientist, physicist, microbiologist, engineer* и пр., получивших название *false titles* (ложные титулы), пришла из медиадискурса, где её можно оправдать стилистическими соображениями, точнее – из американского медиадискурса, совсем конкретно – из журнала “Time”, но даже и в медиапространстве единства по её поводу нет, и редакторы газеты “New York Times”, например, предпочитают придерживаться устоявшихся норм².

Тем не менее, сегодня, независимо от национальной принадлежности издания, в рассчитанных на массовую аудиторию научно-популярных публикациях приложения такого рода в препозиции в основном оформляются именно как ложные титулы:

¹ Pullum G. K. Renowned author Dan Brown staggered through his formulaic opening sentence [Электронный ресурс] // *Language Log* : [сайт]. URL: <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language-log/archives/001628.html> (дата обращения: 13.09.2025).

² Maddox M. Apposition and Anarthrous Premodifiers [Электронный ресурс] // *Daily Writing Tips* : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RFoAS> (дата обращения: 13.09.2025).

– In 2023, **geologist and poet Forrest Gander** embarked on a journey;

– ... writes **environmental journalist Jon Christensen**;

– **British particle physicist Mark Thomson** has been named as the next leader of CERN и т. д.

В постпозиции артикли с приложениями гораздо чаще по-прежнему используются по обычным правилам: в случае определённой, единственной в своём роде позиции – определённый артикль, в иных случаях – неопределённый:

– ... says **Melanie Robinson, the global climate director at the World Resources Institute, a non-profit research organization based in Washington DC**;

– **Particle physicist Mark Thomson, the next director-general of Europe's particle-physics laboratory CERN, will face major challenges**;

– **Study co-author Dawei Zhang, a neuroscientist then at Harvard Medical School in Boston, Massachusetts, and his colleagues focused on ...**;

– ... **Zhang, a plant geneticist at the Chinese Academy of Agricultural Sciences in Beijing**;

– **Yanggu Shi, a senior scientist at Arraystar, says that about 70% of microarray predictions hold up** и мн. др.

Однако и в эту структуру постепенно проникает тенденция оформлять приложения с нулевым артиклем как ложные титулы, например:

– ... said **University of Cambridge paleontologist Guillermo Navalón, co-lead author of the study published on Wednesday in the journal Nature**;

– ... says **Jennifer French, executive director of Neurotech Network, a patient advocacy and support organization in St. Petersburg, Florida**;

– **Radio astronomer Frank Drake, then director of the observatory, was tasked with commemorating what was essentially a new instrument** и др.

Частицы и предлоги

Выделение частиц в самостоятельную служебную часть речи представляет большую сложность ввиду их тесной категориальной связи с другими – причём по большей части знаменательными (наречием, прилагательным, существительным) – частями речи и их широкого функционального диапазона, в результате чего лингвисты, в том числе и лексикографы, слишком часто расходятся во взглядах на эту категорию служебных слов [8]. Кроме того, основная задача частиц, состоящая в придании полнозначным словам различных смысловых оттенков, в выделении, усилении, уточнении сказанного, обуславливает их преимущественное использование прежде всего в разговорном стиле речи. Соответственно, в проанализированных текстах научного дискурса частицы были мало заметны и, насколько можно судить, не доставляли трудностей пишущим на английском языке учёным.

Что же касается предлогов, то преподавателям английского языка хорошо известно, как трудно даётся их правильное использование изучающим язык студентам. Поэтому можно только удивляться, что ошибки в употреблении предлогов в изученных статьях международного уровня встречались нечасто и, в целом, правильному пониманию текста не препятствовали: *consist on* (вместо *in* – в нашем конкретном случае, хотя, как известно, могло бы быть и *of*), *reply on* (вместо *to*), *in regards of* (вместо *in regard to*, *with regard to*), *confined on* (вместо *to*), *in [a] large scale* (вместо *on*), *applicable for* (вместо *to*), *clues for* (вместо *to*), *in combination of* (вместо *with*), *related with* (вместо *to*) и некоторые другие.

Заключение

В заключение подытожим изложенное и выскажем несколько соображений общего характера.

Служебные слова с их основной функцией указания на отношения, существующие между явлениями действительно-

сти, обозначаемыми знаменательными частями речи, передают грамматические значения, являясь, таким образом, составной частью грамматики. Ещё с советских времён в российской традиции преподавания иностранных языков – и прежде всего, английского из-за фактически полного отсутствия прямых контактов с носителями языка – вместе с грамматико-переводным методом утвердился и десятилетиями господствовал грамматический перфекционизм, в отличие от характерного для западного подхода прагматизма [9, с. 30]. Мы и до сих пор уделяем грамматике первостепенное внимание на всех ступенях образования, включая вузовский курс иностранного языка. На практике же нередко оказывается – и это подтверждается современными данными корпусной лингвистики, – что грамматические явления, на освоение которых на занятиях тратилось немало времени, либо вообще практически не представлены в научном дискурсе, либо особенно не влияют на правильное понимание научного текста, что иллюстрируют и результаты настоящего исследования, где из всех рассмотренных служебных слов по-настоящему критичным для понимания текста оказывается правильное использование не предлогов или артиклей, а союзных средств.

Из сказанного не следует, конечно, что в вузовском курсе английского языка можно пренебречь изучением артиклей или предлогов. Просто принцип функциональности языка как средства общения требует настройки процесса обучения, включая регламентацию временных и трудовых затрат на освоение конкретных аспектов языка, под дисциплинарную специализацию обучаемых (лингвистика / иные гуманитарные специальности / естественные науки / точные и технические науки) и характер общения, к которому они готовятся (в устной или письменной форме, официальный или неформальный характер) [10, с. 164-165]. Так, даже в рамках интересующего нас в

первую очередь научного общения требования, предъявляемые к правильности английского языка, например, устного доклада на конференции будут существенно менее строгими, чем те, которым должны соответствовать письменные научные тексты. Исследовательские статьи, публикуемые в международных научных журналах, несомненно относятся к одной из наиболее ответственных социально-коммуникативных сфер письменного общения, которое носит официальный регламентированный характер, предполагающий неукоснительное соблюдение в том числе и норм языка, на котором это общение происходит. По понятным причинам неносители языка, тем более если это не лингвисты, в подавляющем своём большинстве обеспечить требуемый уровень нормативности языка своего текста не могут; но, если публикация осуществляется в серьёзном рецензируемом журнале международного уровня, за нормативность языка отвечает обычно коллектив редакторов, тогда как автор статьи несёт ответственность за чёткость выражения своих мыслей и понятность текста, что обеспечивается, как мы могли убедиться, в том числе и правильным употреблением союзных средств.

Таким образом, по результатам проведённого анализа, обнаружившего многочисленные нарушения норм употребления служебных слов английского языка в публикациях из известных научных журналов, закономерно встаёт вопрос, почему их редакторы так плохо справляются со своей задачей. Одним из возможных ответов на него является предположение, что в условиях плюрицентричности глобального английского языка, существующего сегодня в многочисленных национальных вариантах – так называемых *World Englishes* [9, с. 82-89] – со своими собственными нормами, на всех уровнях языка отступающими, иногда значительно, от того, что принято считать стандартным английским стран «внутреннего круга», редакторы международных

журналов могут и сами не являться носителями этого стандарта и не замечать отступлений от него [10, с. 167-168].

При таком положении дел вузовские преподаватели английского языка оказываются в сложной ситуации утраты в своей деятельности необходимых ориентиров в виде модели обучения, которой на уровне магистратуры и аспирантуры обычно служили научные статьи из последних номеров ведущих международных журналов по профилю профессиональной специализации студентов.

Научным статьям последнего времени недостаёт представления о грамматическом стандарте, без которого невозможно преподавание языка для специальных целей и в особенности академического письма [11, с. 123-124]. Преодоление разрыва, образовавшегося между быстро развивающейся теорией плюрицентричности английского языка и практикой его преподавания как международного языка науки, становится, таким образом, насущной задачей для международного академического сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kachru B. B. World Englishes and applied linguistics // *World Englishes*. 1990. Vol. 9. Iss. 1. P. 3–20. DOI: 10.1111/j.1467-971X.1990.tb00683.x.
2. Ван Цуй. Анализ китайских паратактических предложений и их перевода на русский язык // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2024. Т. 17. № 3. С. 86–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-3-86-105.
3. Петрова О. Л. Синтаксические приёмы актуализации высказывания в художественном тексте // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-18. С. 4088–4092.
4. Куралева Т. В., Вахрамеева А. С. Сочинительная и подчинительная связь в английском языке: точки пересечения // *Научный диалог*. 2016. № 1 (49). С. 32–42.
5. Bell D. M. Sentence-Initial *And* and *But* in Academic Writing // *Pragmatics*. 2007. Vol. 17. Iss. 2. P. 183–201. DOI: 10.1075/prag.17.2.01bel.
6. Yeung L. Use and misuse of ‘besides’: A corpus study comparing native speakers and learners of English // *System*. 2009. Vol. 37. Iss. 2. P. 330–342. DOI: 10.1016/j.system.2008.11.007.
7. Leedham M., Cai G. Besides ... on the other hand: using a corpus approach to explore the influence of teaching materials on Chinese students’ use of linking adverbials // *Journal of Second Language Writing*. 2013. Vol. 22. Iss. 4. P. 374–389. DOI: 10.1016/j.jslw.2013.07.002.
8. Савельева Л. А. Поликатегориальность частиц в английском языке // *Вестник Башкирского университета*. 2018. Т. 23. № 2. С. 553–559.
9. Тер-Минасова С. Г. *Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia: курс лекций по дисциплине «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. М.: ГУП, 2023. 178 с.
10. Полубиченко Л. В. Английский как международный язык науки: вариативность, нормирование, стандартизация // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2022. Т. 19. № 1. С. 162–171. DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-1-162-171.
11. Полубиченко Л. В. Английский язык для научно-публикационных целей в условиях плюрицентричности языка // *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2022. № 1 (37). С. 116–126.

REFERENCES

1. Kachru, B. B. (1990). World Englishes and applied linguistics. In: *World Englishes*, 9 (1), 3–20. DOI: 10.1111/j.1467-971X.1990.tb00683.x.
2. Wang, Cui (2024). An analysis of Chinese paratactic sentences and their translation into Russian. In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 3, 86–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-3-86-105 (in Russ.).
3. Petrova, O. L. (2015). Syntactic means of actualizing the utterance in the works of belles-lettres. In: *Fundamental Research*, 2-18, 4088–4092 (in Russ.).
4. Kuraleva, T. V. & Vakhrameyeva, A. S. (2016). Coordinating and subordinating relations in English language: meeting points. In: *Scientific Dialogue*, 1 (49), 32–42 (in Russ.).

5. Bell, D. M. (2007). Sentence-Initial *And* and *But* in Academic Writing. In: *Pragmatics*, 17 (2), 183–201. DOI: 10.1075/prag.17.2.01bel.
6. Yeung, L. (2009). Use and misuse of ‘besides’: A corpus study comparing native speakers and learners of English. In: *System*, 37 (2), 330–342. DOI: 10.1016/j.system.2008.11.007.
7. Leedham, M. & Cai, G. (2013). Besides ... on the other hand: using a corpus approach to explore the influence of teaching materials on Chinese students’ use of linking adverbials. In: *Journal of Second Language Writing*, 22 (4), 374–389. DOI: 10.1016/j.jslw.2013.07.002.
8. Savelyeva, L. A. (2018). Multi-categoriality of particles in the English language. In: *Bulletin of Bashkir State University*, 23 (2), 553–559 (in Russ.).
9. Ter-Minasova, S. G. (2023). *Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia: a course of lectures on the subject “Linguistics and Intercultural Communication”*. Moscow: Federal State University of Education publ.
10. Polubichenko, L. V. (2022). English as an international language of science: variability, norms and standards. In: *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 19 (1), 162–171. DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-1-162-171 (in Russ.).
11. Polubichenko, L. V. (2022). Pluricentric English used for research publication purposes. In: *Proceedings of National Association of Applied Linguistics*, 1 (37), 116–126 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полубиченко Лидия Валериановна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>; e-mail: lpolubichenko@mail.ru

Тер-Минасова Светлана Григорьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, президент-основатель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-4274-6674>; e-mail: president@fll.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lydia V. Polubichenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>; e-mail: lpolubichenko@mail.ru

Svetlana G. Ter-Minasova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Founding President, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-4274-6674>; e-mail: president@fll.msu.ru

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-51-60

СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРЕВОД ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА» КАК ПРИМЕР ТРАНСКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Руденко Т. И.

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: ti.rudenko@mpgu.edu*

Поступила в редакцию 23.06.2025

Принята к публикации 30.06.2025

Аннотация

Цель – рассмотреть транскодирование как вид языкового посредничества и возможность его применения при передаче текста, в частности, на примере перевода пьесы А. П. Чехова «Чайка»; определить наличие или отсутствие противоречий первоначальному замыслу автора в одном из последних вариантов перевода пьесы на английский язык, выполненном в 2017 году (издан в 2019 году) в США по заказу постановщика Джанис Л. Бликст, на основе анализа отдельных примеров переводческого транскодирования в англоязычном тексте.

Процедура и методы. В качестве методов исследования использовались следующие: методы теоретического анализа (для систематизации фактического материала и выведения определённых закономерностей в процессе описания); описательный метод (используемый для описания исследуемых лексических единиц с точки зрения их функционирования в тексте произведении); сопоставительный метод (применяемый при сопоставлении оригинала произведения и его перевода на английский язык).

Результаты. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу, что для достижения поставленной перед переводчиком цели – создания понятной для современной американской публики пьесы, – были использованы приёмы транскодирования текста, добавления и опущения. Основные противоречия с чеховским текстом выявлены в приведённой переводчиком характеристике действующих лиц, имеющей мало общего с оригиналом произведения, а иногда и противоречащей ему. В ряде случаев переводческие решения привели к утрате имплицитной составляющей авторской характеристики персонажей произведения, создаваемой на уровне стилистической окрашенности лексических единиц, что повлекло за собой и достаточно вольную интерпретацию самого образа. Тем не менее используемые переводчиком решения не привели к искажению заложенного автором идейно-смыслового содержания произведения, не утратившего и в данном варианте глубинного философского подтекста.

Теоретическая и практическая значимость заключается в актуальности разрабатываемой тематики и возможности использования её выводов в ходе иных исследовательских работ в данной области. Материалы работы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления в теоретических разработках и лекционных курсах по теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии.

Ключевые слова: скопус-теория, переводческое транскодирование, реалии, А. П. Чехов, «Чайка»

Для цитирования:

Руденко Т. И. Современный американский перевод пьесы А. П. Чехова «Чайка» как пример транскодирования текста // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 51–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-51-60>

Original research article

MODERN AMERICAN TRANSLATION OF ANTON CHEKHOV'S PLAY "THE SEAGULL" AS THE EXAMPLE OF TEXT TRANSCODING

T. Rudenko

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: ti.rudenko@mpgu.edu

Received by the editorial office 23.06.2025

Accepted for publication 30.06.2025

Abstract

Aim is to examine transcoding as a type of linguistic mediation and its potential application in text transmission, particularly using the example of the translation of Anton Chekhov's play "The Seagull"; to determine the presence or absence of contradictions to the author's original intention in one of the latest versions of the play's translation into English, performed in 2017 (published in 2019) in the United States based on commissioned by director Janice L. Blixt, based on an analysis of individual examples of translational transcoding in an English-language text.

Methodology. The following research methods were used: methods of theoretical analysis (to systematize factual material and deduce certain patterns in the description process); descriptive method (used to describe the studied lexical units in terms of their functioning in the text of the work); comparative method (used when comparing the original work and its translation into English).

Results. As a result of the research, the author concludes that in order to achieve the translator's goal of creating a play understandable to the modern American public, the techniques of transcoding the text, adding and omitting were used. The main contradictions with the Chekhov text are revealed in the characterization of the characters given by the translator, which has little in common with the original work and sometimes contradicts it. In several cases, translation decisions led to the loss of the implicit component of the author's characterization of the characters of the work, created at the level of stylistic coloring of lexical units, which led to a rather free interpretation of the image itself. Nevertheless, the solutions used by the translator did not lead to a distortion of the author's ideological and semantic content of the work, which has not lost its deep philosophical connotation in this version.

Research implications lies in the relevance of the topic being developed and the possibility of using its conclusions in the course of other research in this field. The materials of the work can be used in universities of the humanities in theoretical developments and lecture courses on the theory and practice of translation, intercultural communication, linguoculturology.

Keywords: scopus theory, translation transcoding, realities, A. P. Chekhov, "The Seagull"

For citation:

Rudenko, T. I. (2025). Modern American translation of Anton Chekhov's play "The Seagull" as the example of text transcoding. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 51–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-51-60>

Введение

Понятие эквивалентности относится к одному из ключевых в переводоведении. Однако его трактовка имеет расхождения в работах целого ряда отечественных и зарубежных исследователей (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, А. В. Федоров, Г. Т. Хухуни, А. А. Осипова, И. И. Валуйцева, Э. Честерман и др. [1–5]), а вопрос о необходимости соблюдения данного принципа остаётся открытым (что находит подтверждение в научных трудах Г. Т. Хухуни, В. В. Сдобникова, И. Н. Филипповой [6–8]). В теории перевода находят постоянное развитие различные подходы к анализу и оценке переводческих решений. Их рассмотрение становится особенно актуальным при исследовании переводов художественных текстов в связи с постоянным появлением их новых, более современных вариантов, которые, на первый взгляд, имеют черты вольной интерпретации. Соответственно, принятые переводческие решения в подобных случаях не могут быть рассмотрены только в рамках теории эквивалентности, а требования к ней, как отмечает К. Норд можно считать «не вполне исполнимыми»¹.

Значимым для нашего исследования выступает направление, разработанное в середине 1980-х годов немецкими теоретиками перевода Катариной Райс и Хансом Фермеером. Учёными было предложено отказаться от поисков эквивалентности в пользу «теории скопоса», под которой подразумевается, как указывает А. С. Десницкий, что «перевод есть предложение информации о другом предложении информации, сделанном на другом языке и в другой культуре. Оно преследует некоторую цель, которая и

определяет, как именно будет сделано это предложение»².

Выделим основные положения скопос-теории, сформировавшиеся в современном переводоведении:

1) качество перевода рассматривается как субъективный параметр, на первый план выходит цель его дальнейшего использования, а принятие переводческих решений полностью зависит от цели перевода;

2) перевод должен быть адекватным с точки зрения поставленной перед переводчиком цели, которая может быть задана заказчиком перевода, как отмечает Э. Прунч, «на основании его особой заинтересованности в определенной функции перевода» [9, с. 200];

3) переводчик может сделать текст более актуальным для реципиента, если это не противоречит первоначальному замыслу самого автора, однако переводческий произвол или дилетантство считаются недопустимыми [Там же, с. 170];

4) текст перевода должен соответствовать ситуации и иметь смысл для реципиента, то есть быть интегрированным в культурную среду языка перевода. В связи с этим К. Райс и Х. Фермеер ввели термин «транскодирование», который подразумевает «замену эксплицитных элементов внешнего уровня текста, принадлежащих коду языка оригинала, эквивалентными элементами кода языка перевода»³.

Перевод пьесы А. П. Чехова «Чайка» Джанис Л. Бликст в контексте скопос-теории

Предметом данной статьи выступает один из последних вариантов перевода пьесы А. П. Чехова «Чайка», выполненный в 2017 г. (изданный в 2019 г.) в США по заказу постановщика Джанис

¹ Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология [Электронный ресурс] // Азбука веры: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otchnik/Andrej_Desnickij/sovremennyy-biblejskij-perevod-teorija-i-metodologija/2_12 (дата обращения: 06.05.2025). Далее – Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология.

² Там же.

³ Reiss K., Vermeer H. J. Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained. New York: Routledge, 2013. 240 p.

Л. Бликст (по подстрочнику Александры Чистяковой-Лякомб).

Джанис Л. Бликст с 2010 г. является художественным руководителем Мичиганского Шекспировского фестиваля. Во введении к изданному переводу пьесы А. П. Чехова «Чайка» она подробно поясняет причину, по которой было принято решение поставить пьесу в новом варианте. Необходимость его появления связана с тем, что все существовавшие на тот момент переводы произведения, по мнению Джанис Л. Бликст, имеют много общего, но также и много различий, как в плане характеристики персонажей, так и в плане их коммуникации, что заставило её задуматься о том, что же на самом деле писал А. П. Чехов¹. Как отмечает постановщик, большая часть из уже изданных вариантов переводов пьесы на английский язык создают целостный ансамбль персонажей: скучные и одномерные Маша, Полина и доктор Дорн, ужасный крикун Тригорин, который всегда говорит, просто чтобы услышать свой собственный голос и мнение, Константин и Нина превращены в безвкусовых жертв, а Аркадина – в злодейку, разрушающую жизни.

С целью создания сценария к своей постановке Джанис Л. Бликст обратилась к своей ближайшей русскоговорящей подруге – Александре Чистяковой-Лякомб. Отметим, что Александра не является профессиональным переводчиком. Джанис Л. Бликст характеризует её как *“lawyer, world traveler, Russian expatriate, and theatre love”* (Р. 3) / «юрист, путешественница по всему миру, русская эмигрантка и любительница театра»², уточняя, что данный перевод её *“first venture into translation”* (Р. 3) (буквально –

первое предприятие в переводе) и ранее пьесы А. П. Чехова она читала или смотрела только на английском языке.

Получившийся вариант перевода Джанис Л. Бликст характеризует следующим образом: он на двадцать процентов короче уже изданных ранее, современный и динамичный. Так как Александра подсказала контекст ряда чеховских аллюзий, было принято решение перенести действие из России в северную часть штата Нью-Йорк. Постановщик особенно подчёркивает, что это не прихоть, а необходимость, обусловленная желанием сделать текст понятным американской аудитории. Отметим, что контекст чеховских аллюзий российский, поэтому в данном случае не очень понятно, как он мог мотивировать постановщика перенести действие в США.

Следующий этап корректировки перевода происходил во время репетиций постановки с актёрами, которым была предоставлена возможность вносить в него изменения, если они находили лучший способ выразить что-либо.

Завершая своё предисловие Джанис Л. Бликст отмечает следующее: *“I can't tell you this version is somehow “pure”. I won't say I'm producing Chekhov without another voice attached. What I will say is that we crafted a version of The Seagull that is brand new, completely fresh, and retains as much of the intentions of the original script as possible. It's Chekhov as you've never read him before”* (Р. 4) / «Я не могу сказать, что эта версия каким-то образом “чистая”. Я не скажу, что это Чехов без участия других голосов. Что я могу сказать, так это то, что мы создали совершенно новую версию “Чайки”, в которой максимально сохранены идеи оригинального сценария. Это Чехов, которого вы никогда раньше не читали».

Таким образом, рассматривая данный вариант перевода пьесы в контексте скопус-теории, мы выделяем следующие параметры, по которым можно провести анализ получившегося текста:

¹ Anton Chekhov's *The Seagull: A New Translation* / translated by Alexandra LaCombe, adapted by Janice L. Blixt. New York: Sordelet Ink, 2019. 125 p. Далее английский текст цитируется по этому изданию с указанием в скобках номера страницы, содержащей указанный иллюстративный материал.

² Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Т. Р.

1) соответствие перевода поставленной цели – создать текст, с одной стороны, понятный современному американскому зрителю или читателю, а с другой – сделать его максимально близким к оригиналу;

2) наличие или отсутствие противоречий первоначальному замыслу А. П. Чехова;

3) применение приёма транскодирования текста для его интеграции в культурную среду языка перевода.

Передача имён собственных и реалий в варианте пьесы Джанис Л. Бликст как пример транскодирования текста

Изданный вариант перевода Джанис Л. Бликст открывает список действующих лиц. В ряде случаев в общем перечне обозначен сначала тот вариант имени или фамилии, который фигурирует в дальнейшем тексте, а затем приводится полное имя героя с его краткой характеристикой. При этом порядок представления действующих лиц по сравнению с оригиналом произведения изменён.

1. “*Arkadina (Dina) – Irina Nikolayevna Arkadina, 45 – a famous stage actress, beautiful, clever*” (Р. 5). – «Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса»¹.

Имя, отчество и фамилия в данном случае переданы транслитерацией. Однако в скобках указан сокращённый вариант фамилии “Dina”, который функционирует в ряде случаев в тексте перевода при упоминании Ирины Николаевны в диалогах героев (“*Sorin: Why is ‘Dina in a foul mood?’*” (Р. 12)). В английском языке допустимо сокращение фамилий в неформальном общении среди близко знакомых людей, что невозможно в русском языке. Более того, в вышеуказанном примере “Dina” заменяет существительное «сестра» во фразе Сорина («Отчего

сестра не в духе?»). Вероятно, таким образом Джанис Л. Бликст хотела подчеркнуть близкородственные отношения персонажей, придав при этом диалогу стилистическую окрашенность, которая была бы характерная для членов современной американской семьи.

При этом в случаях обращения к героине по имени и отчеству в оригинале пьесы в тексте исследуемого перевода используется полный вариант фамилии, очевидно, подчёркивающий более официальный стиль высказывания: “*The stage has collapsed, Arkadina*” (Р. 23) («Пала сцена, Ирина Николаевна!»).

Дальнейшая характеристика Аркадиной, приведённая в изданном переводе (“*a famous stage actress, 45, beautiful, clever*” (Р. 5) / известная театральная актриса, 45 лет, красивая, умная) отступает от оригинала пьесы. В произведении нет чёткого указания на возраст героини, он фигурирует лишь в фразе Треплева, из которой нельзя сделать вывод о степени его достоверности (возможно, персонаж выражал мысль фигурально): «*Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же срок три...*».

Личностные характеристики Ирины Николаевны также не находят даже имплицитного отражения в чеховской трактовке, а скорее, наоборот, противоречат ей. А. П. Чеховым в пьесе был создан несколько сатирический образ артистки.

2. “*Trigorin – Boris Alexeyevich Trigorin, 40 – Arkadina’s lover, a famous writer, brilliant, impractical*” (Р. 5) – «Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист».

В данном случае фамилия, имя и отчество персонажа также переданы транслитерацией. В тексте перевода, как и в случае с Аркадиной, вместо формы обращения по имени и отчеству используется только фамилия: “*Please let me introduce to you Trigorin*” (Р. 5) («*Вот позвольте вам представить: Тригорин, Борис Алексеевич*»).

Имя данного персонажа было помещено вторым в списке действующих лиц,

¹ Здесь и далее русский вариант текста цитируется по источнику: Чехов А. П. Чайка // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html?ysclid=mant4h3iyu561937505> (дата обращения: 06.05.2025).

что не соответствует оригиналу пьесы, однако из характеристики, которая приводится в английском варианте, мы видим, что подобная перестановка была сделана с целью указать на характер их взаимоотношений с Аркадиной, что было подчёркнуто словосочетанием “*Arkadina’s lover*” (её любовник).

Также в варианте А. П. Чехова приводится лишь род деятельности Бориса Алексеевича – беллетрист. В русском языке в начале XX в. данная номинация использовалась для обозначения «автора беллетристических произведений»¹, в то время как сам термин «беллетристика» обозначает «(от фр. *belles lettres* изящная словесность) непоэтические произведения словесности, как-то: повести, романы, рассказы, драмы и прочее»². Слово было заимствовано в русский язык из французского, в английском языке лексема также функционирует в следующем значении: “*belletrist – a person who writes belles-lettres (works of literature that are beautiful and good in an artistic way, rather than being very serious or full of information)*”³ / человек, который пишет художественную литературу (произведения литературы, которые хороши в художественном отношении, но не очень серьёзны или полны информации). Использованное в тексте перевода словосочетания “*a famous writer*” несколько изменяет смысл, так как номинация “*writer*” все же имеет более широкое значение в английском языке. Вопрос о том, почему не была использована эквивалентная номинация “*belletrist*”, остаётся открытым.

Приведённое описание персонажа как “*brilliant, impractical*” (умный, непрактичный) носит скорее субъективный харак-

тер, отражающий видение героя постановщиком, как и указание на его точный возраст (40 лет), который в оригинале не упоминается.

3. “*Sorin – Pjotr Nikolayevich Sorin, 60 – Arkadina’s brother, a respected Wall Street financier, retired*” (Р. 5) – «Пётр Николаевич Сорин, её брат».

Имя и отчество персонажа переданы транскрипцией, фамилия транслитерирована на английский язык. В данном случае особый интерес вызывает определение рода деятельности героя пьесы. В изданном переводе было принято решение охарактеризовать его как уважаемого финансиста с Уолл-стрит, находящегося на пенсии.

В оригинале произведения А. П. Чехов не акцентирует внимание на служебной деятельности Сорина. О том, что он был статским советником, читатель узнаёт в четвёртом действии из диалога Сорина и Дорна: «*Дорн. Хотел стать действительным статским советником – и стал. Сорин (смеётся). К этому я не стремился*». Безусловно, статский советник – это реалья, которую невозможно передать на английский язык, но образ уважаемого американского финансиста явно имеет не так много общего с чеховским персонажем, который предстаёт в оригинале пьесы обедневшим помещиком, что становится понятно из его же собственного высказывания: «*Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы сам дал ему, но у меня ничего нет, ни пятачка. (Смеётся). Всю мою пенсию у меня забирает управляющий и тратит на земледелие, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадают даром*».

В изданном переводе также указан возраст Сорина – 60 лет, что находит подтверждение в диалогах персонажей в оригинале произведения во втором и четвёртом действиях, разница между которыми два года («*Сорин. И в шестьдесят лет жить хочется*»; «*Дорн. Выразить недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, – это не великодушно*»).

¹ См.: Беллетристика (Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910) [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/7393 (дата обращения: 06.05.2025).

² Там же.

³ См.: *belletrist* [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RGDBj> (дата обращения: 06.05.2025).

4. “Constantine – Konstantin Gavrilovich Treplev, 25 – Arkadina’s son, an aspiring playwright, a dreamer” (P. 5) – «Константин Гаврилович Треплев, ее сын, молодой человек».

В данном случае используются два варианта передачи имени персонажа на английский язык: “Constantine”, который функционирует далее в тексте и “Konstantin”. Буква русского алфавита в «К» передавалась на английский язык как “С” в начале XX в. (именно этот вариант мы наблюдаем в наиболее ранних переводах пьесы на английский язык), однако с изменившимися правилами транслитерации с русского языка на английский в более поздних переводах имя стало передаваться с буквой “К” [10, с. 1595]. Вопрос, почему переводчик указал два разных варианта имени и в качестве основного выбрал более устаревший, остаётся открытым.

Определение персонажа «молодой человек» было опущено, а вместо этого использована собственная характеристика постановщика: “25, an aspiring playwright, a dreamer” (25, начинающий драматург, мечтатель). Возраст героя в данном случае указан корректно, в тексте произведения Треплев его называет сам: «... а мне уже двадцать пять лет ...». Однако вызывает сомнение, что черту его характера “dreamer” (мечтатель) можно считать отражением чеховского видения персонажа.

5. “Nina – Nina Mikhailovna Zarechnaya, 20 – Constantine’s love, neighbor girl, aspiring actress, scattered, flakey, but kind and hopeful” (P. 5) – «Нина Михайловна Заречная, молодая девушка, дочь богатого помещика».

Имя персонажа передано транслитерацией, а для имени и отчества выбран приём транскрипции. Чеховское определение «молодая девушка» был заменён указанием возраста (цифрой 20), что не соответствует оригиналу. В тексте пьесы А. П. Чехов не даёт указание на точный возраст Нины, он называется примерно

лишь единожды во втором действии во фразе Тригорина: «Мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в 18–19 лет...».

Характеристика Нины “Constantine’s love, an aspiring actress, neighbor girl, scattered, flakey, but kind and hopeful” (любовь Константина, начинающая актриса, соседская девушка, рассеянная, взбалмошная, но добрая и полная надежд) носит характер скорее вольной интерпретации, т. к. оказывается опущенной та информация, которая была подчеркнута именно А. П. Чеховым – «дочь богатого помещика». Безусловно, лексема «помещик» реалия русской культуры времени написания пьесы, которую достаточно сложно передать на английский язык и тем более адаптировать для современной американской аудитории. Однако, если в видении постановщика было важно подчеркнуть социальный статус Сорина (назвав его уважаемым финансистом с Уолл-стрит), то вызывает вопрос, почему для создания целостного образа действующих лиц в случае с Ниной данная информация была опущена, ведь определение “neighbor girl” (соседская девушка) и «дочь богатого помещика» точно не могут считаться взаимозаменяемыми.

6. “Shamraev – Ilya Afanasyevich Shamrayev – Sorin’s estate manager. A “townie” – respected, but disapproving of the “artist” lifestyle” (P. 5) – «Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина».

Фамилия, имя и отчество персонажа переданы транслитерацией, словосочетание «поручик в отставке» опущено.

Номинация «управляющий» переведена как “estate manager”. Опираясь на определения в толковых словарях, можем считать данное словосочетание распространённым в современном английском языке и эквивалентным по своему значению оригиналу [10, с. 1594].

Дальнейшая развёрнутая характеристика персонажа, приведённая Джанис Л. Бликст (“A *“townie” – respected, but disapproving of the “artist” lifestyle*” – буквально «*“горожанин” – уважаемый, но не одобряющий богемный образ жизни*»), носит характер скорее интерпретационный, не основанный на чеховском описании героя, данном как в списке действующих лиц, так и в тексте самой пьесы.

При рассмотрении передачи на английский язык остальной части списка действующих лиц пьесы мы также наблюдаем приём добавления, основанный по своему смыслу на авторской трактовке персонажей:

7. “*Polina – Polina Andreyevna Shamrayeva – Shamraev’s wife. Townie girl, had ambitions, settled for life. Loves Dorn*” (Р. 5) – жена Шамраева. Городская девушка, у которой были амбиции на свою жизнь. Любит Дорна. При этом у А. П. Чехова указано лишь «*Полина Андреевна, его жена*».

8. «*Маша, его дочь*» в исследуемом переводе указана как “*Masha – Ilya and Polina’s daughter. Smart, biting, resigned. Would love for Constantine to notice her, doesn’t expect it to ever happen*” (Р. 5) (Маша – дочь Ильи и Полины. Умная, язвительная, покладистая. Хотела бы, чтобы Константин обратил на неё внимание, но не ожидает, что это когда-нибудь произойдёт). Отметим, что в данном случае переводчик, характеризуя Машу, указывает её родителей по именам, хотя в тексте оригинала пьесы для обращения к ним использовались либо имена и отчества (Полина Андреевна, Илья Афанасьевич), либо только фамилия (Шамраев).

9. «*Семён Семёнович Медведевко, учитель*» интерпретирован как “*Medvedenko – Semyon Semyonovich Medvedenko – local townie schoolteacher, loves Masha, supports his family, a good, yet boring man*” (Р. 5) (местный школьный учитель, любит Машу, поддерживает свою семью, хороший, но скучный человек).

10. “*Dr. Dorn – Yevgeny Sergeyeovich Dorn – local doctor, friend of the family*. 55.

Educated, well traveled, flirts with the women, has an affair with Polina, can’t be tied down” (Р. 5) (Местный врач, друг семьи. 55. Образован, много путешествовал, флиртует с женщинами, у него роман с Полиной, не может быть привязан к ней). В оригинале значится лишь «*Евгений Сергеевич Дорн, врач*».

11. “*Yakov – works on the estate – neighborhood guy, not the brightest*” (Р. 5) (Яков, работает в поместье, соседский парень, не самый сообразительный), а в варианте А. П. Чехова указано «*Яков, работник*».

Повар и горничная из списка действующих лиц в исследуемом переводе были исключены.

Заключение

В результате проведённого анализа мы приходим к следующим выводам. Все фамилии персонажей, указанные в списке действующих лиц, транслитерированы, имена и отчества переданы с использованием приёмов транслитерации или транскрипции. В дальнейшем тексте произведения имена и отчества не функционируют, в диалогах героев происходит их замена фамилиями (включая использование сокращённой формы фамилии для подчёркивания близкородственных отношений), что делает произведение понятнее для американского читателя или зрителя, т. к. само понятие отчества отсутствует в английской культуре. Данный приём, безусловно, приводит к утрате стилистической окрашенности оригинального текста, однако не искажает его смысл, и полагаем, что это соответствует поставленной цели – созданию понятной для современной американской публики пьесы.

Противоречия первоначальному замыслу А. П. Чехова возникают на уровне изменённого порядка представления действующих лиц и данных им характеристик скорее интерпретационного характера. Например, в случае с Аркадиной и Тригориным, американские читатели и зрители могли подумать, что главными

действующими лицами выступают знаменитая актриса и не менее знаменитый её любовник, что противоречит первоначальному замыслу автора. В целом ряде случаев в исследуемом переводе были использованы добавления, не находящие отражения в оригинале пьесы.

Примерами транскодирования в исследуемом переводе можно считать передачу реалий: наименований социального статуса или рода деятельности персонажей (статский советник – *a respected Wall Street, financier*; управляющий – *estate manager*), меры и денег (рубль – *cent*), трудовых реалий (эмеритура – *taxes*), однако не во всех случаях получившиеся варианты можно считать эквивалентными (как, например, в случае с интерпретацией рода деятельности Сорина, которая имеет мало общего с чеховским замыслом).

Вопрос, насколько А. Чистякова-Лякомб, юрист по профессии, не читавшая пьесу в оригинале до начала работы над её переводом, который был первым её переводческим опытом, могла принимать корректные переводческие решения, остаётся открытым. Отдельно отметим, что данный вариант перевода можно рассматривать как коллективный. Согласно предисловию изданного варианта Александра Чистякова-Лякомб подготовила

фактически подстрочник, в который внесли изменения актёры, не являющиеся переводчиками или носителями русского языка и, скорее всего, не знакомые с оригиналом пьесы А. П. Чехова.

Рассматривая получившейся вариант в контексте скопус-теории, отметим, как подчёркивает Э. Пим, что она не проходит общепринятый научный критерий фальсифицируемости, то есть «невозможно доказать неправоту тех или иных ее положений, если сама их правота ставится в полную зависимость от представлений переводчика о цели его труда, в результате всякий, даже совершенно абсурдный перевод окажется достаточно хорошим – ведь каким-то своеобразным целям и он удовлетворяет (например, смещит аудиторию)»¹. Таким образом, рассматриваемый нами перевод А. Чистяковой-Лякомб можно считать соответствующим поставленной постановщиком цели – сделать текст понятным американской аудитории. Однако вопрос, можно ли его считать именно переводом, а не вольной интерпретацией по мотивам пьесы А. П. Чехова, в которой полностью теряется русский культурный код, остаётся открытым и намечает перспективу дальнейшего исследования данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода; 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
4. Хухуни Г. Т., Валуицева И. И., Осипова А. А. Адекватность и эквивалентность: синонимы, антонимы или взаимодополняющие явления? // Военно-гуманитарный альманах: материалы XV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 25 июня 2021 г.). Вып. 6. Москва: Военный университет, 2021. С. 553–564.
5. Chesterman A. *Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1997. 219 p.
6. Хухуни Г. Т. Исходный текст в современном переводоведении: центр или периферия? // Переводчик 2030: обучение профессионально ориентированному переводу в меняющемся мире: сборник научных статей Третьей международной научно-практической конференции (Одинцово, 12–13 мая 2023 г.). Одинцово: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2024. С. 59–62.
7. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVI Международной научной конференции по

¹ Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология.

- актуальным проблемам теории языка и коммуникации. (Москва, 22–24 июня 2022 г.). Серия «Лингвистика». Вып. 7. М.: Военный университет Минобороны России, 2022. Т. 1. С. 60–75.
8. Филиппова И. Н. Дискуссионные вопросы теории и методологии перевода // Теория и практика перевода в диахронии и современной научной парадигме. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 47–71.
 9. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
 10. Руденко Т. И. Передача субъектных номинаций на английский язык в пьесе А. П. Чехова «Чайка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1591–1596. DOI: 10.30853/phil20230210.

REFERENCES

1. Barkhudarov, L. S. (1975). *Language and Translation*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya publ. (in Russ.).
2. Komissarov, V. N. (1990). *Translation Theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
3. Fedorov, A. V. (1983). *Fundamentals of the General Theory of Translation*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
4. Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. & Osipova, A. A. (2021). Adequacy and equivalence: synonyms, antonyms or complementary phenomena? In: *Military-humanitarian almanac: materials of the XV International scientific conference on current problems of the theory of language and communication (Moscow, June 25, 2021)*. Iss. 6. Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation publ., pp. 553–564 (in Russ.).
5. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.
6. Khukhuni, G. T. (2024). Source text in modern translatology: center or periphery? In: *Translator 2030: Teaching Professionally Oriented Translation in a Changing World: A Collection of Research Papers from the Third International Scientific and Practical Conference (Odintsovo, May 12–13, 2023)*. Odintsovo: MGIMO University publ., pp. 59–62 (in Russ.).
7. Sdobnikov, V. V. (2022). Rethinking Translation Categories – Rethinking Translation. In: *Military-Humanitarian Almanac: Proceedings of the XVI International Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication Theory. (Moscow, June 22–24, 2022)*. Series “Linguistics”. Iss. 7 (1). Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation publ., pp. 60–75 (in Russ.).
8. Filippova, I. N. (2023). Controversial issues of the theory and methodology of translation. In: *Theory and practice of translation in diachrony and the modern scientific paradigm*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 47–71 (in Russ.).
9. Prunch, E. (2015). *Paths of Development of Western Translation Studies. From Linguistic Asymmetry to Political Asymmetry*. Moscow: R. Valent publ. (in Russ.).
10. Rudenko, T. I. (2023). Translation of subject-naming units into English in A. P. Chekhov’s play “The Seagull”. In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (5), 1591–1596. DOI: 10.30853/phil20230210 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руденко Татьяна Ивановна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета.
<https://orcid.org/0000-0002-2672-2648>; e-mail: ti.rudenko@mpgu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Rudenko (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University.
<https://orcid.org/0000-0002-2672-2648>; e-mail: ti.rudenko@mpgu.edu

Научная статья

УДК 81'23 +

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-61-79

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ СРЕДИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сунь Цюхуа¹, Карабулатова И. С.^{1,2,3}*

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: radogost2000@mail.ru

Поступила в редакцию 14.02.2025

Принята к публикации 05.03.2025

Аннотация

Цель статьи состоит в обосновании выделения идеологических ключевых понятий китайской культуры среди других ценностных кластеров с когнитивных позиций на основе понимания особенностей китайской мировоззренческой парадигмы.

Процедура и методы опираются на синергию современного научного исследования с проведением параметризации ключевых понятий идеологии в китайской языковой картине мира. Особенность кластеризации обусловлена спецификой передачи внутреннего содержания за счёт использования иероглифического письма на основе формирования терм-множеств с нечёткой логикой. Обоснование предложенной кластеризации базируется на когнитивном анализе эмпирического материала с учётом описания, систематизации и категоризации.

Результаты. Обосновывается применение когнитивных методов для формирования системы знаний в сфере идеологических понятий китайской мировоззренческой картины мира на основе сравнительного анализа различий категориальных свойств и когнитивных функций ключевых понятий в идеологии в разных культурах, что составляет уникальный полученный результат исследования. Впервые выделены 3 больших кластера: понятия собственно идеологической культуры, понятия духовной культуры и понятия институциональной культуры. Ключевые понятия идеологии образуют 2 группы: философские категории и политические концепции, что представляет отличительные особенности в сравнении с русским языком или другими европейскими языками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Когнитивный базис идеологических понятий позволяет понять процесс формирования приоритета идеалов с безусловным преклонением и доминантой моральных принципов. Такой подход делает возможным моделировать основу социальной системы координат речеповеденческого профиля носителя китайской культуры.

Ключевые слова: китайская идеологическая культура, ключевые понятия, нечёткая логика, кластеризация, параметры

Благодарности и источники финансирования. Работа выполнена при поддержке приоритетного грантов Фонда общественных наук провинции Хэйлунцзян №23YYA308 и № YQJH2023126. Фонд общественных наук Хэйлунцзянского университета №JC2022W3.

Для цитирования:

Сунь Цюхуа, Карабулатова И. С. Когнитивное исследование ключевых идеологических понятий среди культурологических кластеров в китайской языковой картине мира // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 61-79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-61-79>

Original research article

COGNITIVE STUDY OF KEY IDEOLOGICAL CONCEPTS AMONG CULTURAL CLUSTERS IN THE CHINESE LINGUISTIC WORLDVIEW

Sun Qiu Hua¹, I. Karabulatova^{1,2,3*}

¹ Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: radogost2000@mail.ru

Received by the editorial office 14.02.2025

Accepted for publication 05.03.2024

Abstract

Aim. The purpose of the article is to substantiate the identification of key ideological concepts of Chinese culture among other value clusters from a cognitive perspective based on an understanding of the features of the Chinese worldview paradigm.

Methodology is based on the synergy of modern scientific research with the parameterization of key concepts of ideology in the Chinese linguistic worldview. The peculiarity of clustering is due to the specifics of the transmission of internal content through the use of hieroglyphic writing based on the formation of term sets with fuzzy logic. The rationale for the proposed clustering is based on a cognitive analysis of empirical material, taking into account the description, systematization and categorization.

Results. In this regard, the use of cognitive methods for the formation of a knowledge system in the field of ideological concepts of the Chinese worldview is justified on the basis of a comparative analysis of the differences in categorical properties and cognitive functions of key ideological concepts in different cultures, which is a unique research result. For the first time, 3 large clusters were identified: concepts of ideological culture proper, concepts of spiritual culture, and concepts of institutional culture. The key concepts of ideology form 2 groups: philosophical categories and political concepts, which represent distinctive features in comparison with the Russian language or other European languages.

Research implications. The cognitive basis of ideological concepts makes it possible to understand the process of forming the priority of ideals with unconditional reverence and dominance of moral principles. This approach makes it possible to model the basis of the social coordinate system of the speech and behavioral profile of a native speaker of Chinese culture.

Keywords: Chinese ideological culture, key concepts, fuzzy logic, clusterization, parameters

Acknowledgments. The article was prepared with the support of priority grants from the Heilongjiang Provincial Social Science Foundation, No. 23YYA308 and No. YQJH2023126. Additionally, it received funding from the Heilongjiang University Social Science Foundation, No. JC2022W3.

For citation:

Sun, Qihua & Karabulatova, I. S. (2025). Cognitive study of key ideological concepts among cultural clusters in the Chinese linguistic worldview. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 61–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-61-79>

Введение

Современный вектор усиления все-стороннего взаимодействия Китая с Россией предоставил полномасштабные возможности для изучения и сравнения этносоциокультурных парадигм народов, что обусловлено тесными связями между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, обозначенными целым рядом международных договоров, затрагивающих сферу социально-гуманитарного сотрудничества. Эти договоры России и Китая обозначают новые вызовы для понимания ключевых понятий в области идеологии и духовно-нравственной культуры китайского миропонимания, что важно для эффективной международной коммуникации.

Особое место в реализации программных документов в сфере социально-экономического сотрудничества принадлежит Харбину как месту гармоничного сосуществования двух великих культур, являющемуся, с одной стороны, форпостом китайской культуры на границе с Россией, а с другой – выступающим флагманом китайской лингвокультуры на российском пространстве. Не случайно, именно провинция Хэйлунцзян является визитной карточкой русско-китайского диалога [1; 2], регионом с максимальным количеством смешанных русско-китайских браков, что открывает новые возможности как в плане изучения регионального билингвизма и этнического самосознания билингвов [3; 4], так и в выработке местного пиджина [5; 6]. В связи с чем возникает необходимость анализа ключевых ценностных доминант не только русского, но и китайского этнокультурного традиционного кода [7; 8].

Исследование концептуального аспекта понятия «этнокультурный код» необ-

ходимо для разработки методов анализа актуальных явлений в культурах России и Китая, поскольку они представляют собой воплощение культурных кодов, которые несут в себе скрытое содержание, характерное для каждой из изучаемых культур [9; 10]. Современная политика Китая активно использует тезис «древность на службе современности», что подчёркивает важность понимания ценностей этнокультурного кода, благодаря чему мировой прорыв КНР в ведущих стратегических областях науки и техники успешно адаптирует те идеи и концепции, которые отражают национальное культурное наследие страны, формируя позитивную этнонациональную идентичность [11; 12].

В связи с этим конфуцианство рассматривается как базис для формирования современной идеологии, для которого не характерно унифицированное единение [13, с. 396–398], что свидетельствует о семантических сдвигах в коммуникативной пост-интерпретации [14]. Современный политический дискурс правительства КНР рассматривает эти идеи Конфуция через призму гармонизирующего миролюбия Китая, который настроен на сотрудничество со странами других цивилизационных ориентиров как принципа единения, но без перестройки собственного этнокультурного ценностного кода как принципа унификации [15, с. 119].

Многовековое взаимодействие языков и культур России и Китая обнаруживает тесные историко-культурные семантические связи. Понимание особенностей культурного кода каждой из стран поможет не только лучше узнать народы, которые их создали, но и определить, как эффективно взаимодействовать в современном мире, где все культуры тесно связаны друг с другом.

Материалы и методы

Итак, мы рассматриваем ключевые понятия китайской идеологии как ценностные маркеры традиционного этнокультурного кода китайской цивилизации, которые вобрали в себя значение основополагающих культурных символов Китая, позволяющих воспроизводить этносоциокультурную матрицу китайского мироощущения на протяжении тысячелетий. Закреплённость идеологических понятий посредством иероглифов как специфических культурных символов способствует сохранению культурных традиций, обеспечивая витальность уникальной китайской цивилизации за счёт языковой социализации. Мы рассматривали такие словари, как словарь «Цыхай» (энциклопедический словарь, впервые изданный в 1936 г.), словарь «Цьюань» (этимологический словарь, впервые изданный в 1915 г.), «Большой словарь китайского языка» (1975 г.), «Словарь современного китайского языка» (1978–2016 гг.) и «Обратный словарь современного китайского языка» (1987 г.).

Фундаментальная статья Дж. Гомперца и С. Левинсона “Rethinking Linguistic Relativity” ознаменовала в 1991 г. старт так называемой «неосепировской парадигмы» благодаря новым возможностям в исследовании когнитивных теорий мышления на основе цифрового и другого экспериментального инструментария, позволяющего по-новому интерпретировать проблему лингвистической относительности Сепира-Уорфа [16].

Специфика иероглифического письма как уникальной семиотической системы сложного типа, выступающая как репозиторий ключевых маркеров традиционного ценностного этнокультурного кода китайской культуры [17], демонстрирует сложность метаграфовой органичной структуры, которая продолжает оказывать влияние на речемыслительную деятельность носителей китайского языка, определяя речеповеденческие стандар-

ты китайского национального характера [18, 104–105 页].

Теория метаграфовой организации видится органичной для определения семантических связей между терминологическими концептами [19], в том числе и для идеологической культуры. Использование метаграфов для понимания структуры нечётких знаний было предложено относительно недавно, в 2006 г., и закономерно, что это было сделано китайским исследователем Тан Женхуа [20], поскольку именно в китайской культуре максимально представлены «семиотические игры» как конструирование новых смыслов из семиотических знаков и/или их частей.

На наш взгляд, идеологические концепты, переданные иероглификой, можно представить как базу нечётких знаний, иначе именуемой базой нечётких знаний Мамдани, благодаря которой происходит разбивка полифакторного пространства на условные зоны с нечётко выраженными границами терм-множеств лингвосемиотических переменных, что является ключевой процедурой для идентификации любых понятий, не только идеологической сферы [21].

Сложность кластеризации культурного кода как такового, предложенного и разрабатываемого в духе Московско-Тартуской лингвосемиотической школы [22], обусловлена самой природой культуры как полифакторного понятия с нечёткой логикой и границами, потому что сам концепт «культура» тяготеет к определениям мира духовного, чем материального, в связи с чем возникает многообразие интерпретаций и пост-интерпретаций, апеллирующих к эмоциональной детализации оценочного восприятия, выступающего в виде одной из дополнительных осей в рамках социальной системы координат этноса.

О категоризации ключевых понятий китайской культуры

Эмоциональное наполнение идеологием в границах конкретной этнокультуры

определяется эмоционально-эмотивной дифференциацией, которая предопределена сложившимся нейрокогнитивным механизмом осмысления действительности, выработанным конкретной нацией.

Глубокое содержание китайской культуры определяет государство как фундамент существования, дополняемый идеями конфуцианства и даосизма, преклонением перед властью, а также моральными принципами взаимоотношений между людьми [23].

В качестве неизменяемых движущих языковых единиц с таким содержанием выступают ключевые слова, выполняющие функцию передачи культурного гена, обладающие культурно-просветительской функцией, а также служащие для сохранения культурного населения. Эти ключевые понятия составляют каркас китайской культуры, который может быть формализован с точки зрения градуальности [24]. Благодаря этому происходит иерархическое структурирование баз знаний, включённых в китайскую картину мира, за счёт наложения нескольких типов моделей: социальной, ментальной (этнопсихолингвистической) и естественно-биологической модели окружающего мира – на основе интенсивности востребованности идеологом.

Под **интенсивностью востребованности абстрактно-идеологических понятий** китайской картины мира мы понимаем количество встречаемости идеологом в интересующем нас дискурсе в чётко определяемом хронотопе как конкретизации промежутка времени.

Рассмотрим интенсивность востребованности абстрактно-идеологических понятий китайской картины мира на основе семантического расширения понятия 气 (ци, воздух): 1) 云气 (юньци, лёгкая облачная дымка), 2) 元气 (юаньци, изначальная энергия Ци), 3) 天气 (тяньци, погода), 4) 空气 (кунци, воздух), 5) 血气 (сюэци, кровь и дыхание), 6) 气度 (циду, внешний вид), 7) 气韵 (циюнь, стиль литературного произведения),

8) 气息 (циси, дыхание), 9) 气味 (цивэй, аромат, запах).

Основное значение слова 气 (ци) – «воздух», оно соответствует слову «воздух» в русском языке и air в английском языке. Однако ни слово воздух, ни слово air не имеют и не могут иметь так много других значений, как слово 气. Главная причина в том, что слова «воздух» и air в своей языковой культуре остаются нейтральными, а в китайском языке слово 气, начиная со времён глубокой древности, из нейтрального слова путём категоризации превратилось в философскую категорию, обозначающую сущность и первопричину. Она стала передаваться ключевыми словами культуры, благодаря 气 во многих сферах познания сформировались образцы восприятия и ценностные ориентиры, что привело к невозможности существования китайской культуры без ключевого понятия 气 [25, 36 页]. Во многих словах китайского языка морфема 气 передаёт абстрактное значение, а в русском и английском языках с помощью слов «воздух» и air этого сделать нельзя (см. табл. 1).

Например, в когнитивной китайской психологии слова, связанные с душой человека, его темпераментом, психологией, настроением и отношением невозможно представить без морфемы 气, а соответствующих русских слов с использованием её аналога – корня воздух-/воздух- – не существует, что свидетельствует о том, что когнитивная система, обусловленная языковым сознанием и мировоззрением, у китайцев и у русских разная, следовательно, различны и системы знаний и миропонимания, которые выражаются посредством языка.

Само **иероглифическое представление идеологического понятия в китайской картине мира** понимается нами как прототипическая иерархическая система автоматического управления знаниями духовно-нравственной и социокультурной сферы посредством идеологического кластера, в который включены особые

лингвосемиотические характеристики китайской нации. Например, такие слова, как 仁 (*жэнь, человеколюбие*), 义 (*и, справедливость*), 礼 (*ли, этикет*), 智 (*чжи, мудрость*), 信 (*синь, доверие*), не только являются основой конфуцианства, но и выражают его ценностные ориентации и социальные нормы. Или, например, слово 阴阳 (*Инь-Ян*) изначально обозначало северную и южную сторону гор и рек, но как ключевое понятие культуры оно трансформировалось в восприятие мира как единства противоположностей, которые одновременно порождают друг друга.

Таким образом, ключевые идеологические понятия китайской культуры – это понятия идейно-экзистенциальной, социально-гуманитарной и естественно-психофизиологической сфер китайского языка, обладающие характерными особенностями, составляющие и сохраняющие самобытность китайской цивилизации, обеспечивая её отличие от других культур.

Всего можно выделить четыре главные функции ключевых идеологических векторов китайской культуры: 1) культурный фундамент; 2) ценностные ориентации; 3) когнитивные эталоны (модели); 4) социальные нормы.

Следует отметить, что в традиционной китайской медицине используется модель «государство и подданные» для объяснения физиологических и патологических процессов в человеческом организме [26; 27], позволяя метафорически объяснять не только работу тела, но и провести аналогии идеологических понятий государства через строго структурированный характер психофизиологии человека [27]. Такой подход позволяет иначе взглянуть на китайский принцип толкования идеологием в этнокультурном ценностном коде, который становится ведущим в механизме восприятия и понимания идеологических концептов [28].

Приведём в качестве примера слова 性 (*син, пол*) и 生 (*шэн, рождение*). Значе-

ние иероглифа 性 (*син, пол*) берёт начало от иероглифа 生 (*шэн, рождение*), который первоначально означал врождённые качества человека. Древнекитайский философ Мэн-цзы (III век до н. э.) писал: 食色, 性也。 (*Ши сэ, син е.*), что в переводе означает: «Пристрастие к изысканной еде и страсть к женщинам являются врождёнными качествами». Тем не менее, слово 性 (*син, пол*) в том числе используется для обозначения различных атрибутов флоры и фауны, а также неорганических веществ. Такое использование способствовало тому, что слово 性 (*син, пол*) приобрело форму абстрактного понятия. В дальнейшем слово 性 (*син, пол*) стало обозначать одну из важнейших категорий китайской философии [29, 16 页]. Благодаря лингвофилософскому наследию Мэн-цзы современный идеологический публичный дискурс базируется на оси координат «человек – народ», подразумевая, что пересечение обоих векторов («человек в основе всего» и «народ в основе всего») представляют собой старт этнокультурного ценностного кода Китая. Грануляция вектора «человек в основе всего» позволяет включить в общественно-политический дискурс КНР вопросы практической аксиологии, связанной с именем Дэн Сяопина [30].

Другие важные категории китайской философии, такие как 天 (*тянь, небо*), 气 (*ци, воздух*), 道 (*дао, истинный путь*), 理 (*ли, закон, принцип*), 心 (*синь, сердце, душа*), также сформировались посредством процесса категоризации.

Признавая категоризацию одной из высших форм когнитивной деятельности человека, необходимо понимать её как нахождение сходств и различий в реалиях, их классификацию и формирование идеологических концептов [31; 32]. С точки зрения когнитивной семантики, категоризация осуществляется путём распознавания, идентификации, обобщения и абстрагирования, когда из множества сложных, совершенно различных предметов и образов формируется одно

общее понятие. С позиции когнитивной терминологии, для перехода нейтрального слова в ключевое понятие процесс категоризации играет огромную роль, помогая ему обрести узкий и широкий смысл.

Несмотря на то, что национальная культура объединяет различные сферы, тем не менее, ключевые понятия китайской культуры нельзя классифицировать только в соответствии с культурной сферой. Предлагаемая ниже классификация типов ключевых понятий китайской культуры основана на обобщении и комбинировании трёх аспектов: 1) сфера использования; 2) способ образования значения; 3) культурная функция.

Следует отметить, что все три категории находятся в динамическом непостоянстве по тематическим параметрам, что усложняет решение задач по автоматическому переводу этих понятий из-за необходимости предпроектной обработки текстов с идеологической составляющей. В широком смысле классификация категорий идеологием начинается с атрибутирования на основе установления тождественности нового и старого понятий путём поиска совпадения признаков характеристик, благодаря чему происходит верификация концепта, относящегося к сфере культуры в конкретный временной промежуток [33].

Исходя из этого, задача идентификации ключевых идеологических понятий китайского этнокультурного ценностного кода заключается в установлении объёма признаков, характерных для той или иной ключевой идеологемы китайской культуры, сравниваемых с особенностями семантического наполнения сходных понятий. Благодаря этому происходит расчёт коэффициентов корреляции того или иного идеологического концепта культуры, что позволяет более чётко установить зависимости семантических связей как между отдельными понятиями внутри одной категории, так и между разными категориями.

Осознание реальности эмотикемного сопровождения в восприятии каждого ключевого понятия китайской культуры позволяет провести более чёткую грануляцию внутри каждой категориальной группы.

Ведущей движущей силой саморазвития понятийного пространства культуры является его изначальная семантическая неоднородность, зачастую проявляющаяся через полиглотизм, под которым понимается заложенная в концепте культуры реализация свёрнутого текста, использующего как минимум два семиотически различных кода с доминантой конвенциональности (или символизма, по Ч. С. Пирсу) или иконичности.

Категория А. Понятия идеологической культуры

В данную категорию входят слова, выражающие понимание мира древними китайскими мыслителями, а также основные идеи политических деятелей об управлении государством и миром. В данной группе можно выделить две группы:

A1. Группа философских категорий: 天 (*тянь, небо*), 气 (*ци, воздух*), 道 (*дао, истинный путь*), 理 (*ли, закон, принцип*), 心 (*синь, сердце, душа*), 性 (*син, пол*), 阴阳 (*Инь-Ян, женское и мужское начало*) и др.

A2. Группа политических концепций: 文 (*вэнь, гражданский*), 武 (*у, военное дело*), 教 (*цзяо, образование*), 政 (*чжэн, политика*), 法 (*фа, закон*), 刑 (*син, наказание*), 治 (*чжи, управление*), 和 (*хэ, мир без войны*), 平 (*пин, отсутствие катастроф, жизненный достаток*) и др.

Смысл слов группы A1 обозначает философскую категорию сущности мира и вселенной, их истоки и законы. Значение этих философских категорий произошло от бытового значения слова в результате его метафоризации. Например, слово 天 (*тянь*) изначально означало макушку головы, небо, а при использовании его в качестве культурной категории оно стало обозначать природу, творение.

Из-за того, что внутреннее содержание данного слова включало высокий уровень абстракции, его коннотация была очень разнообразна, а его широкий смысл получил распространение и стал применяться во многих областях культуры [34].

В древности китайцы верили в концепцию 天人合一 (*тянь жэнь хэ – единство неба и человека, единство природы и человека*). При этом сама человечность (人道 – жэнь дао) одновременно является и законом природы (天道 – тянь дао). Но, если понятия группы А1 были восприняты философами древнего Китая как обозначения из разряда «тянь дао», то понятия группы А2 выражают «жэнь дао», т. е. человеческое воплощение «тянь дао». Ярким примером раскрытия семантики является известный трактат Лао Цзы «Дао Дэ Цзин» (道德经, *Dàodéjīng* «Канон Пути и благодати»)¹. В политологии есть высказывание: 文武之道, 一张一弛 (*вэнь у чжи дао, и чжан и чи*), которое дословно можно перевести как: «Управление руководствуется и мирными, и военными принципами, то ослабляя, то натягивая лук».

Данные категории принадлежат к разным классам, однако общим между ними является то, что группы А1 и А2 объединены общей культурной функцией, то есть образуют культурный фундамент китайского народа. Отличительная особенность группы А1 заключается в её осознании как базисной для многих сфер, что отражает китайскую специфику построения системы знаний. Группа А2 является обобщением исторического опыта и политических концепций, но не осознается как базис для употребления во многих сферах.

Другими словами, разница между двумя группами языковых единиц ки-

тайской философии состоит в том, что группа А1 – это когнитивный прототип многих других областей, и знание, образуемое на базе лексики группы А1, как правило, имеет китайскую специфику. Единицы группы А2 выражают политическую концепцию, сформированную при обобщении исторического опыта, но не могут служить когнитивным прототипом.

Категория В.

Понятия духовной культуры

В эту категорию входят понятия, отражающие духовные потребности китайцев с древнейших времён и до настоящего времени. В этой категории выделяют две группы:

В1. Слова, выражающие поклонение перед идеалами: 龙 (лун, дракон), 凤 (фэн, феникс), 神 (шэнь, божество), 命 (мин, жизнь), 佛 (фо, Будда), 禅 (чань, школа созерцания), 仙 (сянь, даосский отшельник, святой) и др.

В2. Слова, выражающие моральные принципы и качества человека: 仁 (жэнь, человеколюбие), 义 (и, справедливость), 礼 (ли, этикет), 智 (чжи, мудрость), 信 (синь, доверие), 德 (дэ, гуманность), 敬 (цзин, уважение), 忠 (чжун, верность, преданность), 孝 (сяо, почитание родителей), 慈 (ци, милосердие), 善 (шань, доброты), 圣 (шэнь, мудрость), 贤 (сянь, добродетель), 节 (цзе, воздержание), 廉 (лянь, бескорыстие) и др.

Понятия группы В1 обозначают сверхъестественные представления о вещах и предметах, стремление к потустороннему. Понятия группы В2 первоначально относились к общепринятым выражениям, но из-за того, что они обозначали предметы, явления, свойства или поведение, постепенно они приобрели оттенок особого почитания и преклонения. Данные слова наделены моральными ценностями и идеологическим статусом; в связи с их частотностью они глубоко укоренились в сознании людей.

¹ Лао Цзы. Дао Дэ Цзин. Новый перевод с элементами структурного синтаксиса; текст оригинала в версии Ван Би, подстрочный перевод, адаптированный перевод, словарь. Санкт-Петербург: BooksNonStop, 2022. 277 с.

Таким образом, эти слова стали символами лучших качеств китайской нации и ключевыми понятиями китайской культуры.

Понятия категории В отличаются от понятий категории А тем, что терминологическое значение категории В обычно отражает повседневный смысл и практически не употребляется в переносном значении.

Категория С. Понятия институциональной культуры

Ключевые понятия институциональной культуры обеспечивают эффективное сохранение социальной культуры, а также упорядоченное функционирование представлений об общественных авторитетах и иерархии. Главные культурные функции этой категории слов заключаются в обеспечении адекватного восприятия норм общественного порядка.

Понятия данной категории можно разделить на три группы:

С1. Слова, осуществляющие номинацию по племени или роду: 华 (хуа, Китай), 夏 (ся, древнее название Китая), 夷 (и, некитайские народности в Восточном Китае), 胡 (ху, северные иноплеменники), 汉 (хань, люди китайской национальности хань), 中 (чжун, срединное государство), 西 (си, западные страны), 洋 (ян, заморские страны) и др.

С2. Слова, обозначающие степень родства: 祖 (цзу, предок), 宗 (цзун, род), 夫 (фу, муж), 妻 (ци, жена), 父 (фу, отец), 母 (му, мать), 伯 (бо, старшие братья отца), 叔 (шу, младшие братья отца), 舅 (цзю, братья со стороны матери), 姑 (гу, сестры отца), 姨 (и, сестры матери), 侄 (чжи, племянники отца), 甥 (шэн, племянники матери), 兄 (сюн, старшие братья), 弟 (ди, младшие братья) и др.

С3. Номинация лиц по социальному статусу и роду занятий: 帝 (ди, император), 王 (ван, князь, государь), 臣 (чэнь, подданный), 将 (цзян, полководец), 相 (сян, царский советник), 官 (гуань, чиновник), 士 (ши, служилое сословие),

民 (мин, народ), 农 (нун, крестьянин), 工 (гун, ремесленник), 商 (шан, торговец), 兵 (бин, воин), 师 (ши, учитель), 生 (шэн, ученик) и др.

Номинация по племени или роду (группа С1) – это своеобразный знак групповой идентификации, рубеж, разграничивающий объединения внутри нации. В китайском языке есть выражение 非我族类, 其心必异 (фэй во цзу лэй, ци синь би и), которое буквально означает следующее: «Если человек не принадлежит к нашему роду, то у него непременно другое сердце, отличное от нашего». Для сохранения китайской культуры предки древних китайцев подчёркивали границу между некитайскими и китайскими племенами, протестовали против перехода китайцев в другие народы, принимали строгие меры против ассимиляции других народов в китайцев. Впоследствии китайские и некитайские племена стали именоваться собирательным словом ху-хань (胡汉), а уже после этого они превратились в жителей Китая и западных стран под общим названием чжунси (中西); ещё позднее они получили обозначение хуаян (华洋).

На самом деле невозможно постоянно поддерживать название рода как обозначение культурной границы, потому что культурные контакты происходят всегда. Несмотря на то, что с течением истории северные некитайские племена вторгались на территорию китайских племён, в последующие эпохи большинство северных иноземных жителей стали хранителями китайской культуры.

Институт семьи (группа С2) представляет собой необходимое условие культурного общества; появление слов, обозначающих родство, представляет собой обязательный результат функционирования института семьи, одновременно являясь понятиями, сохраняющими соответствующий брачный и семейный порядок. В китайском обществе строго определена сложная система номинации родства для сохранения кровных уз.

Такая традиция позволяет сохранять семейные моральные принципы и патриархальный порядок общества. После Синьхайской революции патриархальная система была ослаблена, но система родовых номинаций по-прежнему передавался по наследству. В последние годы система родовых номинаций вытесняет обращение «товарищ» и вновь становится популярной, что показывает усиление традиционной культурной жизни.

Номинация по социальному статусу и роду занятий (группа С3) способствовала тому, что значение ключевых понятий китайской культуры стало соответствовать бытовому значению слова. Культурные функции данных номинаций заключаются в создании представления о социальном положении, определении общественных функций и норм социального поведения, сохранении эффективного управления обществом и стабильности общественного порядка с помощью внедрения в человеческое сознание соответствующих обязанностей.

Китайское общество постепенно развивалось: сменялись династии, каждая из которых учреждала свои, новые названия должностей чиновников. Приведённые нами названия заключают в себе распространённые в китайской культуре смыслы и имеют широкое применение.

Область применения ключевых идеологических понятий китайской культуры

Понятие «культура» имеет огромное количество значений в различных научных областях, а слова, обладающие культурной коннотацией, невозможно сосчитать [35]. Среди такого большого количества слов непросто определить область применения ключевых идеологем китайской культуры [36]. Если предположить, что у терминологических понятий нет чётких границ, то это представляет дополнительную сложность в ситуации размытости границ и нечёткой логики,

в связи с увеличением семантических связей и логической запутанности вследствие доминирования эмоционально-оценочного компонента [34; 37]. Поэтому мы вводим ряд критериев включения слов в число ключевых идеологических понятий китайской культуры и выносим эти критерии на обсуждение.

Во-первых, ключевые идеологические понятия китайской культуры не являются обычными словами с культурным значением. Например, такие слова, как 仁 (*жэнь, человеколюбие*), 义 (*и, справедливость*), 忠 (*чжун, верность, преданность*), 孝 (*сяо, почитание родителей*), с древних времён и до настоящего времени связаны с нормой и эталоном морали для китайцев и представляют собой ключевые понятия культуры, однако такое слово, как 功夫 (*гунфу*), обозначающее традиционное боевое искусство ушу, относится к обычным словам.

Во-вторых, знаки культуры, которые представляют собой символы идеологической культуры, например, такие, как 官 (*гуань, чиновник*) и 民 (*минь, народ*), не относятся к достижениям китайской цивилизации, также как, например, великие изобретения Древнего Китая: бронзовые изделия, Великая китайская стена, чай, шёлк и др.

В-третьих, ключевые слова китайской культуры должны быть исконно китайскими словами. Исключение здесь могут составить лишь иноязычные слова 佛 (*фо, буддизм*) и 禅 (*чань, школа созерцания*), которые стали неотъемлемой частью лексики китайского языка и китайской культуры.

В-четвёртых, к ключевым словам китайской культуры также следует относить названия предметов и явлений, имеющих символический смысл духовной культуры, например 龙 (*лун, дракон*), 熊猫 (*сюнмао, панда*).

В-пятых, при выборе из синонимичного ряда ключевого слова китайской культуры, следует выбирать самые частотные и короткие слова.

Полисемия и категоризация значений ключевых идеологических понятий китайской культуры

Когнитивная терминология рассматривает полисемию понятий как неизбежный результат языкового восприятия, она может объяснить процесс категоризации значений ключевых слов китайской культуры. Некоторые семы при полисемии образуют одну смысловую категорию, среди них одни семы занимают место в первоначальной прототипической категории, а другие семы возникают на основе метафорического или метонимического расширения значения.

Структура ключевого понятия культуры категории В 仁 (*жэнь*, человеколюбие) показывает нарастание значений в семантике. Во времена мыслителей Конфуция и Мэн-цзы слово *человеколюбие* посредством категоризации приобрело дополнительные значения морально-этической категории «гуманность»: *доброжелательность*; *благожелательность*; *гуманное правление*; *гуманист*. Кроме того, слово получило дальнейшее расширение в формулах вежливости (*цзинци*, *учтивые выражения*), встречаясь в таких производных словах, как *милостивый государь*, *уважаемый* для выражения уважения и почтения.

Одним из ключевых понятий китайской языковой картины мира является 王 (*ван*, *правитель*). Следует отметить, что значение *Сын Неба*, *император* возникло для специального именованья императора в период правления династии и государства Шан. В период Сражающихся царств слово *ван* использовалось вассальными князьями для обозначения государя, благодаря чему произошёл семантический сдвиг, вследствие которого утратилось сакральное значение обозначения связи с Небом, актуализировав значение *государь*, *монарх*.

Однако после династий Цинь и Хань вместо слова *Сын Неба* стало использоваться название 皇帝 (*хуанди*, *импера-*

тор), а понятие *ван* утратило значение «*государь*, *монарх*», став обозначением самого высокого титула среди многочисленной феодальной знати (типа: *князь*, *господин*). В этой связи интересно предпочтительное использование формы *Ваня* русского имени *Иван* среди китайцев, выбирающих для себя русское имя для общения с русскоговорящими представителями постсоветского мира. Вместе с тем появились и новые значения: *руководитель*; *предводитель*, *главарь*; *вор* и *разбойник*; *самый выдающийся*, *самый важный*, *самый сильный*; *козырная карта*; *царская водка* и т. п. С точки зрения использования рассматриваемого слова это пример расширения значения. При определении отличительных характеристик (как *исключительный среди равных*) применение слова *ван* переносится из области человеческой жизнедеятельности в область природы, указывая на то, что среди животных и растений также выделяется самый сильный и самый важный экземпляр. Например, *пчелиная матка* (ср. *королева пчёл*), *муравьиная матка* (*королева*), *вожак обезьян*. В значении *самый сильный* это слово зачастую используется в области неживой природы, обозначая самую важную, сильную, самую яркую в своём проявлении вещь, например, 王牌 (*козырная карта*), 王水 (*царская вода*).

Таким образом, слово *ван*, первоначально относящееся к институциональной культуре, путём метафоризации понятия перешло в область материального, оказавшись вне духовной культуры, и тем самым в полной мере проявило объём своих категориальных свойств. Область применения слова *ван* во всех его значениях постоянно расширяется и приходит к абстрактному внутреннему значению «самая яркая, самая большая сила или мощь». Первоначальное значение стало ключевым смыслом категории и завершением развития полисемии и категоризации слова.

Анализ различий когнитивных функций ключевых идеологических понятий китайской культуры

Из проведённого нами анализа категоризации значений таких ключевых понятий культуры, как 气 (ци, воздух), 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван, князь, государь), между ними можно увидеть различия: со стороны категоризации значений понятие 气 (ци, воздух) шире, чем понятия 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван, князь, государь).

Основная функция ключевых понятий культуры – наименование, а начальная и конечная стадии наименования – познание. Другими словами, познание проходит через процесс номинации [38; 39]. Возможности когнитивных функций зависят от возможного количества номинаций разных типов объектов. Из приведённого нами анализа можно сделать вывод, что 气 (ци, воздух) имеет 11 частотных значений, а 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван) имеют 5 и 6 ча-

стотных значений соответственно. Следовательно, понятие *ци* обладает сильной когнитивной функцией в китайской языковой картине мира, а понятия *человеколюбие* и *ван* – слабой.

Однако рассмотренные нами три понятия составляют лишь малую долю ключевых понятий китайской культуры. Для получения более точных статистических данных, мы отобрали по 4 понятия из каждой категории культурных кластеров А, В, С, рассмотрев количество значений каждого из понятий в «Большом словаре китайских иероглифов», «Большом словаре китайского языка» и «Словаре современного китайского языка» (см. табл. 2).

Исходя из данных табл. 2, можно сделать следующие выводы: количество значений ключевых понятий культуры категории А значительно превышает количество значений понятий категорий В и С. Следовательно, когнитивная функция ключевых понятий китайской куль-

Таблица 2 / Table 2.

Сравнение количества значений различных ключевых идеологических понятий из каждой категории культурных кластеров А, В, С / Comparison of the number of meanings of various key ideological concepts from each category of cultural clusters А, В, С

категория понятий	А. понятия идеологической культуры				В. понятия духовной культуры				С. понятия институциональной культуры			
понятия / словари	天 (тянь, небо)	气 (ци, воздух)	道 (дао, истинный путь)	理 (ли, закон, принцип)	仁 (жэнь, человеколюбие)	义 (и, справедливость)	忠 (чжун, верность, преданность)	孝 (сяо, почитание родителей)	帝 (ди, император)	王 (ван, князь, государь)	夫 (фу, муж)	妻 (ци, жена)
Большой словарь китайских иероглифов	15	22	35	23	10	15	4	6	5	6	8	1
Большой словарь китайского языка	17	29	36	20	6	10	3	5	8	7	6	2
Словарь современного китайского языка	11	13	15	6	2	6	1	3	3	6	4	1
Итого	43	64	86	49	18	31	8	14	16	19	18	4
Общий итог	242				71				57			

туры категории А сильнее, чем у категорий В и С.

Мы также учитываем развитие лексического уровня языка с течением времени, когда простые слова объединяются в сложные для обозначения новых понятий. Этот процесс также расширяет когнитивную функцию рассматриваемых нами ключевых понятий китайской культуры. Поэтому мы также подсчитали количество двусложных слов, связанных с уже рассмотренными нами 12 ключевыми понятиями (см. табл. 3).

Таким образом, количество двусложных слов, связанных с ключевыми понятиями китайской культуры категории А, значительно превышает количество двусложных слов, связанных с понятиями категории В и С. Это ещё раз подчёрки-

вает правильность нашего вывода: когнитивная функция ключевых понятий китайской культуры категории А сильнее, чем у категорий В и С. Конечно, не существует простой зависимости между силой когнитивной функции и ролью ключевого понятия китайской культуры. Это перспективы для наших дальнейших исследований.

Данная система ценностных понятий китайского этнокультурного кода выстроена в соответствии с новыми установками в области социального инжиниринга на основе китайской коммунистической идеологии, которые тесно связаны с деятельностью Си Цзиньпина с момента возглавления им ЦК КПК на позиции генерального секретаря в ноябре 2012 г. [40]. Трактовка идей о социа-

Таблица 3 / Table 3

Сравнение количества двусложных слов, связанных с различными ключевыми понятиями из каждой категории культурных кластеров А, В, С / Comparison of the number of disyllabic words associated with different key concepts from each category of cultural clusters A, B, C

категория понятий	А. понятия идеологической культуры				В. понятия духовной культуры				С. понятия институциональной культуры			
	天 (тянь, небо)	气 (ци, воз- дух)	道 (дао, ис- тин- ный путь)	理 (ли, за- кон, прин- цип)	仁 (жэнь, чело- веко- любие)	义 (и, спра- ведли- вость)	忠 (чжун, вер- ность, предан- ность)	孝 (сяо, почи- тание родите- лей)	帝 (ди, им- ператор)	王 (ван, князь, госу- дарь)	夫 (фу, муж)	妻 (ци, жена)
словари												
Словарь «Цыхай»	230	50	44	23	16	39	6	15	20	36	13	3
Словарь «Цьюань»	343	38	53	23	22	67	17	24	48	62	22	11
Большой словарь китайского языка	598	148	381	175	87	54	132	68	139	196	39	19
Словарь современного китайского языка	108	61	40	29	9	25	14	8	7	24	7	6
Обратный словарь современного китайского языка	57	157	111	64	13	32	2	8	3	14	32	3
Итого	1336	454	629	314	147	217	171	123	217	332	113	42
Общий итог	2733				658				704			

лизме с китайской спецификой в новейшую эпоху, заявленная Си Цзиньпином, способствовала переструктурированию идеологии Компартии Китая уже в 2017 г. Пост-интерпретация постулатов конфуцианства позволила Си Цзиньпину сформулировать идею поступательного формирования среднезажиточного общества в Китае под названием «сяокан», что должно привести в 2049 г. (к 100-летию образования КНР) к новой ступени развития Китая на основе использования ценностей историко-культурного наследия – успешному, демократическому социалистическому государству как эпохальному расцвету китайской цивилизации в гармоничных решениях.

Вместе с тем термин «сяокан» не является новацией, а имеет непосредственное отношение к пост-интерпретации конфуцианского видения социального инжиниринга. Впервые это понятие было упомянуто в древнекитайском памятнике «Ши цзин» («Книга стихов» / «Книга песен»), относящемуся к знаменитому «Пятикнижию» (III до н. э. – III н.э.) [41]. Понятие «сяокан» подразумевает под собой внимательную заботу для умиротворения социальных настроений и гармонизации общественной жизни, как «дай народу возможность отдохнуть и перевести дыхание» (сяокан). Концепция «сяокан» развивалась с течением времени, встречаясь в трактатах эпох Цзинь (265–420) и Сун (960–1279), продемонстрировав грануляцию семантического значения: 1) знак гармоничного развития и экономического роста для государства; 2) символ благополучия и финансовой стабильности для семьи. Концептуальное пространство «сяокан» закрепило оба значения в историко-культурной практике китайского социума, прочно войдя в китайскую языковую картину мира. Концепция «сяокан» наглядно отражает пост-интерпретацию конфуцианской концепции о первичности моральных принципов (искренность, нравственность, справедливость, ответственность,

гармоничность), доказывая, что реформирование государства становится возможным лишь на основе перестройки сознания человека.

Творческое прочтение конфуцианских ценностей в традиционном китайском этнокультурном коде как принцип практической аксиологии позволяет руководству КНР подойти с новых позиций к пост-интерпретации философско-антропологической китайской системы речеповеденческих стереотипов, встроенных в координаты практических решений по формированию «гармоничного общества», что составляет квинтэссенцию новейшей идеологии Китая XXI века в сопряжении с реализацией концепции инжиниринга социализма с китайской спецификой.

Заключение

Ключевые идеологические понятия китайской культуры с точки зрения когнитивистики представляют собой большое исследовательское поле, вследствие чего анализ ключевых слов идеологической сферы китайской культуры с точки зрения теории и методов когнитивной идеологической терминологии может рассматриваться как новое направление, которое представляет собой симбиоз когнитивной лингвистики, семиотики, психолингвистики, переводоведения, терминоведения, политической лингвистики, машинного обучения и т. д.

Современная структура китайской коммунистической идеологии и руководства включает в себя как достижения древнекитайской философии и народной культуры, конфуцианства и даосизма. Терминологическая система идеологии КНР отражает сложный и длительный путь эволюции китайской цивилизации, которая не замкнулась на самой себе, демонстрируя гибкость в трансформирующихся социально-экономических условиях нового времени, что стало обоснованием феномена китаизации марксизма и нового наполнения понятия го-

сударства как единой большой семьи, пронизанной чувствами искренности, верности

Пространство безусловной гармонии, в координатах которой описывается китайская картина мира, несмотря на запутанность нечёткой логики, проявляющуюся как устойчивость социальных связей (гуаньси) и некоторая стихийность власти, является яркой иллюстрацией влияния Великого Пути «дао» на определение места каждого человека в жизни общества, незримо присутствуя в каждом мгновении вне зависимости от осознания момента.

Когнитивный базис понятий духовной культуры Китая определён функциональностью идеологической политики КНР, которая обладает гибкостью реагирования, в связи с чем исследователи подчёркивают: «Нельзя не поражаться необыкновенной действенности власти в Китае, которая была способна держать в повиновении и при необходимости мобилизовывать и направлять гигантские массы людей, почти не прибегая к принуждению. Большинство жителей Сре-

динной империи умирали, так и не увидев в лицо не то, что государственного чиновника, но и даже его представителей из числа мелкого служивого люда. Но кто скажет, что в Китае не было Порядка?»¹. Лингвофилософские и идеолого-политические характеристики китайской картины мира отличаются яркой метафорикой, глубоким символизмом, широкой сетью ассоциаций, позволяя увидеть поликомпонентность и глубину китайских представлений о политике, идеологии, обществе и человеке в целом.

Представленная классификация показывает, что в китайском мироощущении власть характеризуется стихийностью своего проявления, аналогично процессам, которые протекающим в природе, исключая насилие и произвол, поскольку они нарушают гармонию в мире. В связи с этим ключевые понятия идеологической сферы в китайском языке отражают устремлённость китайского общества на достижение гармонии как внутри человека, так и в самом обществе с учётом традиционного китайского ценностного этнокультурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Л., Карабулатова И. С., Цзоу Ц. Моделирование социально-экономического и демографического развития трансграничных регионов (на примере российско-китайского приграничья) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 26–51. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.2.
2. Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья. Основы этнической самобытности; перевод с китайского языка Чжан Жуяна и др. Новосибирск: Изд-во Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), 2017. 339 с.
3. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 262 с.
4. Моделирование би-/полилингвизма у детей в смешанных семьях в российско-китайском приграничье с использованием методов нейросети / Лю Жуйхуа, И. С. Карабулатова, Сунь Чао, Ю. Е. Гапанюк, В. И. Терехов // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 130–134.
5. Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3 (50). С. 122–127.
6. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: на материале китайского этнолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2016. 18 с.
7. Ян Цзэ. Забайкально-маньчжурский преиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.

¹ Искусство управления; сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М.: Изд-во «Астрель»; «Изд-во АСТ», 2004. С. 11.

8. Данильченко Т. Ю., Синь Юйфэн, Ши Цюн. Китай: к проблеме трансформации культурного кода // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 2 (89). С. 35–41, DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 282 с.
10. Савицкий В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
11. Власова Е. В., Шапошников Г. Н. Философские основы китайской культуры. Екатеринбург: УГМУ, 2014. 122 с.
12. Huilin H. Chinese Cultural Policy: History, Formation and Characteristics // Journal of Forensic Legal & Investigative Sciences. 2019. Vol. 5. Iss. 2. Article 030. DOI: 10.24966/FLIS-733X/100030.
13. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь юй»: исслед., пер. с кит., коммент. М.: Восточная литература РАН, 1998. 588 с.
14. Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80.
15. Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 390 с.
16. Gumperz J. J., Levinson S. C. Rethinking Linguistic Relativity // Current Anthropology. 1991. Vol. 32. No. 5. P. 613–623.
17. Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39.
18. 陈雪. 认知术语学核心术语研究[D]. 黑龙江大学博士学位论文, 2014. 104-105页.
19. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gapanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova // Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21-25, 2024, Moscow, Russia) / eds. B. Kryzhanovsky, W. Dunin-Barkowski, V. Redko, Y. Tiumentsev, D. Yudin. Cham: Springer, 2024. P. 523–550. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49 (Studies in Computational Intelligence, Vol. 1179).
20. Zhang-Hua Tan. Fuzzy Metalgraph and Its Combination with the Indexing Approach in Rule-Based Systems // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2006. Vol. 18. Iss. 6. P. 829–841. DOI: 10.1109/TKDE.2006.96.
21. Мациевский С. В., Толстель О. В. Нечеткие системы. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2006. 241 с.
22. Калинин И. Тартуско-Московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 27–55.
23. Britton E. R., Austin Th. Y. Critical and Dominant Language Learner Ideologies: A Case Study of Two Chinese Writers' Experiences with a Critical Language Writing Pedagogy // Tesol Quartely. 2021. Vol. 56. Iss. 2. P. 629–655. DOI: 10.1002/tesq.3086.
24. Столярова В. Ф. Копулы и моделирование зависимости: косвенные оценки интенсивности рискованного поведения // Компьютерные инструменты в образовании. 2018. № 3. С. 22–37. DOI: 10.32603/2071-2340-3-22-37.
25. 赵树功. 气与中国文学理论体系构建[M]. 北京: 人民出版社, 2012. 474页.
26. Метафорическая эвфемизация нейропсихологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины / И. С. Карабулатова, Ч. Ко, Ц. Сунь, М. М. Иванова-Якушко // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 33–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51.
27. Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation (Метафорическая терминология в древних текстах традиционной китайской медицины: проблемы понимания и перевода) / Ц. Сунь, И. С. Карабулатова, Ц. Цзоу, Ч. Ко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 6. С. 141–157. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.6.10.

28. Сон Л. П. Интернет-коммуникация: механизм восприятия и понимания речи // Казанская наука. 2022. № 3. С. 177–180.
29. 张立文. 性[M].北京: 中国人民大学出版社, 1996. 391页.
30. Чебунин А. В. Аксиологический аспект идеологии КНР // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 26–36.
31. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语[M].北京: 中国社会科学出版社, 1998. 50页.
32. Михайловская К. В. Категория идеологической модальности и особенности ее реализации в общественно-политическом тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 26–31.
33. Machine Learning Methods in the Problem of Attribution of Publicistic Texts of the XIX Century / A. Rogov, N. Moskin, K. Kulakov, R. Abramov // *Conference of Open Innovations Association, FRUCT. 2021. No. 30. P. 223–229. DOI: 10.23919/FRUCT53335.2021.9599961.*
34. Karabulatova I. S., Talanov M., Vallverdú J. 学术情感学视域下的情感智能结构——基于语言教学中神经认知知识与情感-表情模型的整合研究 // 外语学刊 (Foreign Language Research). 2024. No. 6. 32–40页. DOI: 16263/j.cnki.23-1071/h.2024.06.005.
35. 朱习文. 从“天”的异名看古人对天的认识 // [J].古籍整理研究学刊. 2011. No. 3. 79–82页.
36. 裴德思. 怎么翻译中华文明的核心词 // [J]. 中国科技术语. 2013. No. 4. 63–64页.
37. Хабаров А. А. Когнитивно-дискурсивные механизмы экстраполяции идеологии в китайской лингвокультуре // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей; Институт иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы; Московский городской педагогический университет. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. С. 109–114.
38. Хабаров А. А. Демонизация Китая в зарубежных медиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 78–89. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08.
39. На Цзунюань, Гуань Сюэцзюань, Карабулатова И. С. Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation (Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 134–142.
40. Хабаров А. А. Идеологические детерминанты институционализации образа Си Цзиньпина в китайском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 67. С. 103–119. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).
41. Ся Мэн, Царева Н. Ю. Культура Китая: страницы прошлого. М.: Наука – Восточная литература, 2019. 190 с.

REFERENCES

1. Wang, L., Karabulatova, I. S. & Zou, J. (2024). Modeling the socio-economic and demographic development of transborder regions (the example of the Russian-Chinese border territories). In: *DEMIS. Demographic research*, 4 (4), 26–51. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.2 (in Russ.).
2. Zabayako, A. P. & Zabayako, A. A. (2017). *Russians of the Three Rivers Region. Foundations of Ethnic Identity*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAE SB RAS) publ. (in Russ.).
3. Oglezneva, E. A. (2007). *Russian-Chinese Pidgin: An Attempt at Sociolinguistic Description*. Blagoveshchensk: Amur State University publ. (in Russ.).
4. Liu, Zh., Karabulatova, I. S., Sun, Ch., Gapanjuk, Yu. E. & Terekhov, V. I. (2024). Modeling of bi-linguism in children in mixed families in the Russian-Chinese border area using neural network methods. In: *Cognitive Studies of Language*, 1-1 (57), 130–134 (in Russ.).
5. Ma, Na (2015). The Harbin Russian-Chinese pidgin of the first half of the XX century and its influence on the Russian and Chinese languages and cultures. In: *Philology. Theory & Practice*, 8-3 (50), 122–127 (in Russ.).
6. Zhdanova, N. A. (2016). *Modern Russian-Chinese pidgin of Transbaikalia in structural-systemic and communicative aspects: based on the Chinese ethnolect [dissertation]*. Ulan-Ude (in Russ.).
7. Jang, Dze (2007). Trans-Baikal prepigin. A sociolinguistic study. In: *Topics in the study of language*, 2, 67–74 (in Russ.).

8. Danilchenko, T. Yu., Xin, Yu. & Shi, Q. (2023). China: toward the transformation of the cultural code. In: *Cultural Studies of Russian South*, 2 (89), 35–41, DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41.
9. Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: lecture course*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
10. Savitsky, V. M. (2016). The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes. In: *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 2, 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62 (in Russ.).
11. Vlasova, E. V. & Shaposhnikov, G. N. (2014). *Philosophical foundations of Chinese culture*. Ekaterinburg: Ural State Medical University publ. (in Russ.).
12. Huilin, H. (2019). Chinese Cultural Policy: History, Formation and Characteristics. In: *Journal of Forensic Legal & Investigative Sciences*, 5 (2), article 030. DOI: 10.24966/FLIS-733X/100030.
13. Perelomov, L. S. (1998). *Confucius "Analects"*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).
14. Maksimenko, O. I., Akhrenova, N. A. & Belyakov, M. V. (2024). Shifts in communicative semantics in the media discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80 (in Russ.).
15. Galenovich, Yu. M. (2006). *Hu Jintao's motto: social harmony in China*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli publ. (in Russ.).
16. Gumperz, J. J. & Levinson, S. C. (1991). Rethinking Linguistic Relativity. In: *Current Anthropology*, 32 (5), 613–623.
17. Karabulatova, I. S. & Zhang, L. (2024). Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West. In: *Keys of Contemporary Linguistics*, 2, 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39 (in Russ.).
18. 陈雪. (2014). 认知术语学核心术语研究[D]. 黑龙江大学博士学位论文, 104-105页.
19. Gapanyuk, Y., Cai, C., Jia, C. & Karabulatova, I. (2024). Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System. In: *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21–25, 2024, Moscow, Russia)*. Cham: Springer, 523–550. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49 (Studies in Computational Intelligence, Vol. 1179) (in Russ.).
20. Zhang-Hua, Tan. (2006). Fuzzy Metalgraph and Its Combination with the Indexing Approach in Rule-Based Systems. In: *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*, 18 (6), 829–841. DOI: 10.1109/TKDE.2006.96.
21. Matsievsky, S. V. & Tolstel, O. V. (2006). *Fuzzy systems*. Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia publ. (in Russ.).
22. Kalinin, I. (2009). Tartu-Moscow semiotic school: semiotic model of culture / cultural model of semiotics. In: *New Literary Review*, 4 (98), 27–55 (in Russ.).
23. Britton, E. R. & Austin, Th. Y. (2021). Critical and Dominant Language Learner Ideologies: A Case Study of Two Chinese Writers' Experiences with a Critical Language Writing Pedagogy. In: *Tesol Quarterly*, 56 (2), 629–655. DOI: 10.1002/tesq.3086.
24. Stoliarova, V. F. (2018). Copulae and Dependence Modelling: Indirect Estimates of a Person's Risky Behavior Intensit. In: *Computer Tools in Education*, 3, 22–37. DOI: 10.32603/2071-2340-3-22-37 (in Russ.).
25. 赵树功. (2012). 气与中国文学理论体系构建[M].北京: 人民出版社.
26. Karabulatova, I. S., Kuo, Ch., Sun, Q. & Ivanova-Yakushko, M. M. (2024). Metaphorical euphemization of neuropsychophysiological communication in the terminology of traditional Chinese medicine. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 33–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51 (in Russ.).
27. Sun, Q., Karabulatova, I. S., Zou, J. & Kuo, Ch. (2024). Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation. In: *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23 (6), 141–157. DOI: 10.15688/jvolsu.2024.6.10.
28. Son, L. P. (2022). Сон Л. П. Internet communication: the mechanism of perception and understanding of speech. In: *Kazan Science*, 3, 177–180 (in Russ.).
29. 张立文. (1996). 性[M].北京: 中国人民大学出版社.
30. Chebunin, A. V. (2024). The Axiological Aspect of The Ideology of the PRC. In: *Bulletin of Buryat State University*, 2, 26–36 (in Russ.).

31. 张敏 (1998). 认知语言学与汉语名词短语[M].北京: 中国社会科学出版社.
32. Mikhailovskaya, K. V. (2010). The category of ideological modality and the features of its implementation in a socio-political text. In: *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 3, 26–31 (in Russ.).
33. Rogov, A., Moskin, N., Kulakov, K. & Abramov, R. (2021). Machine Learning Methods in the Problem of Attribution of Publicistic Texts of the XIX Century. In: *Conference of Open Innovations Association, FRUCT*, 30, 223–229. DOI: 10.23919/FRUCT53335.2021.9599961.
34. Karabulatova, I. S., Talanov, M. & Vallverdú, J. (2024). 学术情感学视域下的情感智能结构——基于语言教学中神经认知知识与情感-表情模型的整合研究 In: *外语学刊 (Foreign Language Research)*, 6, 32–40. DOI: 16263/j.cnki.23-1071/h.2024.06.005.
35. 朱习文. (2011). 从“天”的异名看古人对天的认识. In: *籍整理研究学刊*, 3, 79–82.
36. 裴德思. (2013). 怎么翻译中华文明的核心词. In: *中国科技术语*, 4, 63–64.
37. Khabarov, A. A. (2022). Cognitive-discursive mechanisms of extrapolation of ideology in Chinese linguaculture. In: *Teaching Chinese language and culture: past, present, future*. Moscow: Yazyki Narodov Mira publ., pp. 109–114 (in Russ.).
38. Khabarov, A. A. (2022). Demonization of China in foreign mass media: discursive means of destruction of the information and psychological warfare targets. In: *Political linguistics*, 1 (91), 78–89. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08 (in Russ.).
39. Na, Junyuan, Guan, Xiujuan & Karabulatova, I. S. (2024). Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (890), 134–142.
40. Khabarov, A. A. (2022). Ideological determinants of image institutionalization Xi Jinping in the Chinese media discourse. In: *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 67, 103–119. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 10.02.2025) (in Russ.).
41. Xia, Meng & Tsareva, N. Yu. (2019). *The Culture of China: Pages of the Past*. Moscow: Nauka publ., Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сунь Цюхуа (г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, директор Международного института иностранных языков и культур, начальник отдела по международному сотрудничеству Хэйлунцзянского университета;

<https://orcid.org/0000-0002-1959-7180>; e-mail: sunqihua15@163.com

Карабулатова Ирина Советовна (г. Москва, Россия – г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sun Qihua (Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Director of the International Institute of Foreign Languages and Cultures, Departmental Head, Department of International Cooperation at Heilongjiang University;

<https://orcid.org/0000-0002-1959-7180>, e-mail: sunqihua15@163.com

Irina S. Karabulatova (Moscow, Russia – Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

Научная статья
УДК 81.33
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-80-99

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЯДРО ВОЕННОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Шермазанова С. В.

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Shermazanova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 03.06.2025

После доработки 23.06.2025

Принята к публикации 26.06.2025

Аннотация

Цель. Статья направлена на исследование концептуального ядра военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции (СВО).

Процедуры и методы. В исследовании применены методы анализа концептуальных метафор и критического дискурс-анализа, с использованием корпусного анализа для выявления ключевых концептов, составляющих семантическую основу военного дискурса.

Результаты. Исследование показало, что концептуальное ядро дискурса СВО структурируется вокруг ключевых концептов ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Эти концепты выполняют функции когнитивной регуляции представлений о боевых действиях, позволяя участникам конфликта осмысливать и интерпретировать происходящее в условиях специальной военной операции. Метафорические структуры, такие как «ВОЙНА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО», «ЖИЗНЬ – ТРОФЕЙ» и «СТРАХ – ВНУТРЕННИЙ ВРАГ», играют важную роль в формировании коллективной идентичности и моральной стойкости.

Теоретическая значимость. Статья подчёркивает роль когнитивной лингвистики в анализе военного дискурса, демонстрируя, как через метафорическое осмысление базовых концептов военного дискурса ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА формируется восприятие реальности участниками специальной военной операции. Исследование акцентирует внимание на том, как язык, будучи инструментом концептуализации, отражает взаимодействие между институциональными нормами и личными переживаниями, придавая событиям конфликта определённый смысл и мотивацию.

Ключевые слова: военный дискурс, концептуальное ядро, когнитивная метафора, специальная военная операция

Для цитирования:

Шермазанова С. В. Концептуальное ядро военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 80–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-80-99>

Original research article

CONCEPTUAL CORE OF MILITARY DISCOURSE BASED ON INTERVIEWS WITH PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

S. Shermazanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: Shermazanova@yandex.ru

Received by the editorial office 03.06.2025

Revised by the author 23.06.2025

Accepted for publication 26.06.2025

Abstract

Aim. The article aims to study the conceptual core of military discourse based on interviews with participants of the special military operation.

Methodology. The study employs methods of conceptual metaphor analysis and critical discourse analysis, utilizing corpus analysis to identify key concepts forming the semantic foundation of military discourse.

Results. The research demonstrates that the conceptual core of the special military operation discourse is structured around key concepts such as WAR, LIFE, FEAR, HEROISM, and HOMELAND. These concepts perform cognitive regulatory functions in shaping the participants' perceptions of military actions, allowing them to comprehend and interpret the events of the special military operation. Metaphorical structures such as "WAR is a LIVING BEING", "LIFE is a TROPHY", and "FEAR is an INTERNAL ENEMY" play a crucial role in the formation of collective identity and moral resilience.

Research implications. The article emphasizes the role of cognitive linguistics in the analysis of military discourse, demonstrating how the metaphorical understanding of fundamental concepts such as WAR, LIFE, FEAR, HEROISM, and HOMELAND shapes the perception of reality among participants of the special military operation. The study highlights how language, as a conceptualization tool, reflects the interaction between institutional norms and personal experiences, endowing the events of the conflict with specific meaning and motivation.

Keywords: military discourse, conceptual core, cognitive metaphor, special military operation

For citation:

Shermazanova, S. V. (2025). Conceptual core of military discourse based on interviews with participants of the special military operation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 80–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-80-99>

Введение

Традиционно военный дискурс представляет собой особую форму институциональной коммуникации, функционирующую в рамках замкнутого социокультурного пространства, регулируемого строго иерархизированной системой норм и ролей. Как разновидность официального дискурса он не только

обслуживает задачи стратегического взаимодействия и управления в рамках военной структуры, но и отражает идеологическую направленность института армии, репрезентируя ценностные установки, такие как патриотизм, коллективизм и лояльность к государству [1; 2]. Исследование военного дискурса позволяет выявить механизмы языковой

репрезентации политической власти, нормативного поведения и институциональной идентичности, а также проследить, каким образом через языковое взаимодействие формируется и поддерживается символический порядок внутри военного сообщества [3; 4].

При этом армия, будучи социальным институтом, задаёт жёсткие рамки когнитивной интеракции между её участниками, формируя особый тип языкового сознания, в котором взаимодействие лингвистического, культурного и ментального уровней обеспечивается с помощью закреплённых в дискурсе сценариев и фреймов. Исследование военного дискурса в когнитивной парадигме позволяет проследить, каким образом через язык осуществляется не только коммуникативная, но и концептуальная организация социальной реальности в условиях институционального контроля [5; 6].

Актуальность исследования военного дискурса определяется его высокой коммуникативной и концептуальной значимостью в условиях современных социокультурных трансформаций и геополитической напряжённости. В периоды политических и военных кризисов, таких как специальная военная операция, наблюдается активная дискурсивная экспансия военной риторики в публичное пространство, сопровождающаяся процессами гибридизации, при которой военный дискурс проникает в другие институциональные сферы – политическую, правовую, образовательную, медийную. Это ведёт к формированию идеологически маркированного единого дискурсивного пространства, способствующего милитаризации коллективного сознания. С позиций когнитивной лингвистики данное явление может быть интерпретировано как активация и распространение специфических ментальных моделей и концептуальных метафор, репрезентирующих образ мира через призму конфликта, угрозы и защиты. Анализ механизмов функционирования и трансформации военного дис-

курса позволяет выявить способы концептуальной репрезентации социальной реальности, а также осмыслить языковые стратегии, способствующие легитимации власти, консолидации общества и перераспределению ценностных приоритетов в условиях институционального дискурса.

Так, актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа процесса формирования концептуальных структур в военном дискурсе участников специальной военной операции, с учётом влияния языковых и когнитивных механизмов на восприятие и интерпретацию боевых действий.

Целью настоящей статьи является выявление и описание концептуального ядра военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции, с опорой на когнитивно-дискурсивный подход. Исследование направлено на установление смысловой структуры и аксиологической направленности ключевых концептов, репрезентирующих восприятие и интерпретацию боевых действий в условиях институционального конфликта.

Исходя из цели в исследовании поставлены нижеследующие задачи:

1. Осуществить лингвистическую интерпретацию интервью участников СВО в рамках когнитивной парадигмы анализа дискурса.

2. Определить фреймовую и метафорическую организацию ключевых концептов, формирующих концептуальное ядро военного дискурса: ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ, РОДИНА, на основе корпусного анализа.

3. Описать когнитивные и прагматические механизмы формирования коллективной идентичности через дискурсивную репрезентацию боевого опыта.

4. Установить функции концептов как регуляторов когнитивного восприятия, ценностных ориентаций и речевых стратегий в условиях специальной военной операции.

Постановка проблемы

Научная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в выявлении и описании концептуального ядра дискурса специальной военной операции как разновидности институционального дискурса, обладающего высокой прагматической и идеологической нагрузкой. Исследование направлено на выявление способов концептуализации социокультурного опыта, лежащих в основе формирования единого милитаризованного дискурсивного пространства участников специальной военной операции.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что военный дискурс отражается в базовых концептах, которые проходят реконцептуализацию в сознании участников боевых действий, что влияет на их восприятие событий и формирование специфических смысловых ориентиров в условиях специальной военной операции.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе когнитивных механизмов, лежащих в основе военного дискурса, что позволяет углубить понимание влияния языка на восприятие и интерпретацию феномена войны участниками специальной военной операции. Это исследование расширяет представление о роли концептуальных метафор в организации сознания военнослужащих. *Практическая значимость* охватывает задачи разработки эффективных стратегий коммуникации в условиях военного конфликта, а также рекомендации по использованию языковых механизмов для укрепления морального духа и формирования патриотической идентичности.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является когнитивный подход, рассматривающий язык как инструмент формирования концептуальной основы военного дискурса.

В исследовании были использованы методы количественного и качественно-

го анализа, когнитивного и критического дискурс-анализа, систематизации и моделирования, позволившие выявить структурно-семантическую организацию ключевых концептов и описать механизмы их взаимодействия в рамках дискурсивного пространства СВО. В исследовании также учитываются современные теории институциональной коммуникации и концептуальной метафоры, позволяющие проанализировать процесс формирования и трансформации когнитивных структур в условиях идеологического давления и милитаризации публичного сознания.

Материалом исследования послужили транскрибированные тексты шести видеопосланий с участниками специальной военной операции, размещённые на платформе YouTube. Расшифровка видеопосланий осуществлялась с использованием автоматизированного сервиса Speech2Text, после чего транскрипты проходили ручную редакторскую доработку для устранения смысловых ошибок и технических погрешностей. Общий объём корпуса составил 54105 слов (322430 знаков). Интервью были отобраны по критерию тематической релевантности: в них респонденты напрямую описывали личный опыт участия в боевых действиях, взаимодействие с сослуживцами, а также выражали отношение к боевым действиям, в которых принимали участие. Хронологически выборка охватывает период с марта 2022 года по декабрь 2023 года.

При этом необходимо отметить потенциальные ограничения исследовательского материала: все интервью опубликованы на официальных или аффилированных с государственными структурами медийных каналах, что допускает возможность предварительной редакторской правки, цензурирования или идеологической фильтрации контента. Данный фактор был учтён при интерпретации данных: анализ фокусировался не на спонтанной устной речи как таковой, а на языковой репрезентации

идеологически значимых концептов в публично допустимом дискурсе, формирующем образ участника СВО в медиапространстве.

Теоретическая основа исследования Теория дискурса в когнитивной парадигме

В когнитивной парадигме дискурс рассматривается как комплексное когнитивно-коммуникативное образование, объединяющее процессы концептуализации, категоризации и интерпретации знаний. А. А. Кибрик подчёркивает, что когнитивный подход рассматривает языковую деятельность как форму когнитивной активности, предполагая, что языковые явления могут быть адекватно интерпретированы лишь в контексте таких ментальных процессов, как память, внимание, представление знаний и сознание [7, с. 5]. Основной задачей когнитивной лингвистики, по его мнению, является установление связи между языковыми структурами и ментальными механизмами их порождения и восприятия. В этом контексте актуализируется развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы, ориентированной на изучение языка как инструмента концептуализации опыта в рамках конкретных коммуникативных ситуаций.

Р. Водак отмечает, что «процессы производства и понимания текста зависят от когнитивных моделей и рамок, существующих в сознании реципиента, которые связаны с социальными стереотипами и предрассудками» [8].

Разрабатывая теорию контекстуальных моделей, Т. ван Дейк рассматривает их как ментальные структуры, обеспечивающие связь между текстом и социальным контекстом, объединяя когнитивные и социолингвистические аспекты в интерпретации дискурса [9]. Контекст рассматривается как субъективный конструкт, формируемый в когнитивной системе каждого индивида [9]. Эти субъективные когнитивные репрезентации

определяют, какие аспекты социального контекста оказываются значимыми для участников коммуникации, и именно они, по мнению исследователя, регулируют процессы порождения и интерпретации дискурса. Как отмечает Э. В. Будаев, «основным выводом из такого подхода является идея о том, что любые социальные ситуации отражаются в дискурсе только после их субъективного когнитивного осмысления участниками коммуникации» [10, с. 128].

В своём определении дискурса Е. С. Кубрякова подчёркивает его динамическую и процессуальную природу, отмечая, что дискурс – это «форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризующего, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [11, с. 18]. В этой связи текст рассматривается не только как источник информации, но и «данных об особых ментальных мирах» [11, с. 20].

Динамическая природа дискурсивной реальности подчёркивается и другими исследователями. В. М. Шевцова определяет дискурс как «одновременно и порождение, и восприятие текста, т. е. текст в его динамике, который оказывает прямое воздействие на мыслительные представления коммуникантов» [12, с. 484]. О. К. Ирисханова акцентирует внимание на том, что дискурсивная деятельность базируется на способности человека реструктурировать ментальные конструкции, создавая новые смысловые структуры. В этом контексте дискурс выступает как инструмент когнитивного конструирования смыслов: «В основе дискурсивной деятельности лежит когнитивная способность человека творчески реструк-

турировать старые и порождать новые ментальные конструируемые» [13, с. 300].

Развивая представления о когнитивной организации дискурса, З. Кёвечес [14] акцентирует внимание на роли концептуальных метафор в когнитивной организации мышления. По его мнению, метафора является фундаментальным механизмом концептуализации, участвующим в формировании когнитивных схем и структурировании дискурса. О. И. Калинин также отмечает воздействующую роль концептуальной метафоры в дискурсивном пространстве [15].

В лингвистической науке неоднократно подчёркивается тесная взаимосвязь между понятиями «концепт» и «дискурс», обусловленная их общей когнитивной природой. Дискурс, как форма речевой деятельности, неразрывно связан с ментальными структурами, лежащими в его основе, поскольку любые речевые акты опосредованы процессами восприятия, концептуализации и вербализации. Как справедливо отмечает М.Н. Федулова, «создание дискурса напрямую связано с концептуальными полями и значениями, из которых говорящему удаётся выткать транслируемые смыслы» [16, с. 50]. Так, дискурс выступает в качестве репрезентативной формы концептосферы индивида или социума, а сами концепты функционируют как базовые смысловые единицы, организующие структуру и содержание высказывания.

В когнитивной лингвистике опорные концепты рассматриваются как ментальные образования, выполняющие функцию смысловых доминант в процессе порождения, восприятия и интерпретации дискурса. Исследователи подчёркивают их ключевую роль в формировании когнитивного пространства дискурса, а также в организации дискурсивной активности, включая структурирование информации и концептуализацию опыта.

Так, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «дискурс, концентрируясь вокруг некоторого опорного концепта, создаёт общий

речемыслительный контекст» [17, с. 248], тем самым подчёркивая системообразующую роль концепта в когнитивной структуре дискурса. Опорный концепт здесь функционирует как точка когнитивной сборки, вокруг которой организуется смысловое пространство текста и речевой деятельности.

Похожий подход демонстрирует Ж. А. Вардзелашвили, вводя понятие «наиболее осмысленных языковым сообществом концептов», или «опорных концептов», к которым «притягиваются все новые и новые концепты, каждый из которых может иметь как ряд, поддающийся вербализации, так и ряд, не материализующийся, но остающийся лишь прочувствованным и осознанным фактом» [18]. Данная мысль соотносится с положениями теории концептуальной интеграции и интуитивного когнитивного фона, предполагающего существование как эксплицитных, так и имплицитных смысловых компонентов.

В рамках дискурсивного анализа В. З. Демьянков указывает, что содержание дискурса «часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого „опорного“ концепта, называемого топиком дискурса, или дискурсивным топиком» [19, с. 31]. Здесь опорный концепт коррелирует с понятием топика как семантического центра, обеспечивающего когерентность и тематическую целостность дискурсивного фрейма.

Таким образом, в рамках когнитивной лингвистики опорные концепты функционируют как ключевые узлы в ментальной и дискурсивной архитектуре языка, задавая траекторию концептуализации, обеспечивая семантическую целостность текста и способствуя формированию когнитивной модели мира.

Структурные характеристики военного дискурса

Военный дискурс представляет собой динамичную и строго регламентированную систему статусно-ролевых взаимо-

отношений, функционирующую в рамках коммуникативного пространства института вооружённых сил и других силовых структур. Эта система обслуживает ключевые задачи военного института: управление, координацию, информационный обмен, поддержание дисциплины и мобилизацию участников военной сферы жизни общества. Его институциональная природа предопределяет специфику речевого взаимодействия, в котором доминируют иерархия, субординация и функциональная направленность коммуникации.

В современном языкознании военный дискурс описывается как «гибридное и полистилевое явление, находящее проявление в текстах различных жанров» [20, с. 17], что подтверждает мысль о возможности рассмотрения интервью участников боевых действий как разновидности военного дискурса. С точки зрения аксиологии военно-политическая среда изучается «в коммуникативной ситуации как формирующая специфику проявления ценностей в рамках определённой культуры и развитие системы индивидуальной оценки участников общения противоположными прагматическими векторами» [21, с. 43].

Кроме того, отмечается, что в условиях проведения специальной военной операции через дискурсивные практики конструируется национальная и профессионально обусловленная идентичность [22, с. 82], а условия проведения специальной военной операции оказывают влияние на «формирование особой языковой личности, существующей в военно-профессиональной среде» [23, с. 61]

В целях систематизации теоретических представлений о военном дискурсе можно выделить нижеследующие существенные характеристики военного дискурса.

1. Директивность.

Военный дискурс в значительной степени ориентирован на реализацию

директивных речевых актов, таких как приказы, распоряжения, указания, команды. Директивность обусловлена необходимостью чёткого и безусловного исполнения инструкций в условиях ограниченного времени и повышенной ответственности. В контексте СВО директивная коммуникация усиливается: она становится инструментом оперативного управления действиями войск, а также способом формулирования военно-политических задач в публичной сфере (например, через обращения высших должностных лиц).

2. Стандартизованность.

Коммуникативные практики в военной сфере подчинены жёсткой стандартизации. Это проявляется в использовании типовых формулировок, унифицированных текстовых структур, устоявшихся жанров (приказ, доклад, рапорт, инструкция). Такая стандартизованность позволяет избежать неоднозначной интерпретации и обеспечивает быстроту обработки информации. В условиях СВО стандартизация дискурса сохраняется как в официальных текстах, так и в медийной репрезентации, где важна единая линия подачи информации и концептуальная целостность образа операции.

3. Регламентированность.

Военный дискурс реализуется в соответствии с регламентами и нормативными актами, определяющими допустимые формы, жанры и лексико-грамматические конструкции. Регламентированность распространяется не только на внутренние документы, но и на внешнюю коммуникацию (например, пресс-релизы, обращения, брифинги). В рамках СВО это особенно проявляется в официальной риторике, которая строго контролируется и направлена на легитимацию действий армии и государства в условиях конфликта.

4. Имплицитность.

Одной из ключевых характеристик военного дискурса является имплицит-

ность, то есть склонность к завуалированному или неполному представлению информации. Это связано с необходимостью соблюдения режима секретности, ограничения доступа к оперативным данным и обеспечения безопасности. В дискурсе СВО имплицитность выражается через использование эвфемизмов, общих формулировок, условных обозначений и терминов, доступных для понимания лишь узкому кругу специалистов.

5. Историческая изменчивость.

Военный дискурс подвержен изменениям под воздействием социополитических условий, военных доктрин и технологических изменений. Его жанровая структура, тематика и языковые особенности трансформируются в зависимости от характера конфликтов, типов вооружённых сил и медиасреды. В условиях СВО наблюдается усиление идеологизации дискурса, интеграция элементов патриотического, военно-политического и информационного дискурсов, что отражает современные задачи армии – не только оборонные, но и символически-коммуникативные.

6. Жанровое разнообразие.

Военный дискурс реализуется через широкий спектр жанров – от строго институциональных (приказов, сводок, уставов) до публичных (военные обращения, интервью, фронтовые репортажи) и даже художественно-документальных (военные мемуары, нарративы участников боевых действий). Особенно актуальны в контексте СВО интервью участников и командования, где формируется особая языковая картина мира: с одной стороны – официальная, с другой – личная, наполненная эмоционально окрашенными метафорами, символами и оценочными суждениями.

7. Специфические дискурсивные стратегии.

Коммуникативное поведение в военном дискурсе реализуется через стратегически выстроенные последовательности речевых актов. К основным стратегиям

относятся: директивность (приказ, указание), координация (доклады, инструкции), мобилизация (патриотические обращения), защита информации (умолчание, эвфемизация), интерпретация (формирование образа «врага» и «героя»). В СВО особенно заметна стратегия мобилизации – как в текстах командования, так и в высказываниях рядовых военнослужащих, формирующих коллективный образ миссии и справедливости происходящего.

8. Специальные прецедентные тексты.

Военный дискурс опирается на корпус прецедентных текстов – нормативных, уставных, стратегических и символических. В них закреплены базовые нормы, идеалы, модели поведения и стратегии интерпретации действительности. В условиях СВО активно используются тексты, формирующие мифологему героизма, преемственности военной доблести, исторической миссии, что особенно заметно в медиарепрезентации (официальные ролики, обращения, публикации о «героях СВО» и т. п.).

Таким образом, военный дискурс как разновидность институционального обладает чётко выраженной структурной и функциональной спецификой, обеспечивающей не только коммуникацию в военной сфере, но и воспроизводство идеологии, профессиональной идентичности и образа армии в массовом сознании.

Дискурс специальной военной операции

В настоящее время дискурс СВО исследуется преимущественно с дескриптивной точки зрения, где основным исследовательским акцентом становится репрезентация СВО в дискурсивном пространстве разных стран. Например, И. В. Бритов рассматривает репрезентацию конфликта в вьетнамском медиапространстве [24], а О. И. Калинин – в китайских социальных сетях [25].

С позиций когнитивной лингвистики дискурс специальной военной операции

представляет собой механизм концептуального моделирования реальности боевого конфликта. Вербализованный в текстах интервью участников конфликта, он формирует специфическое мировоззрение, основанное на ключевых концептах, которые структурируют ментальные репрезентации участников и задают устойчивые схемы интерпретации происходящего.

Интервью участников специальной военной операции представляют собой особую разновидность военного дискурса, находящуюся на стыке формальной и неформальной, институциональной и индивидуальной коммуникации. Эти тексты занимают промежуточное положение между официальным сообщением и личным высказыванием, объединяя черты статусно-ролевого институционального взаимодействия и элементов личностного опыта. В интервью актуализируется особый тип нарратива, отражающий когнитивные, идеологические и эмоциональные аспекты восприятия конфликта непосредственными участниками.

Несмотря на внешне «личный» характер, интервью военнослужащих СВО создаются и функционируют в рамках институционального пространства, контролируемого армией или медийными структурами, сотрудничающими с государством. Эти тексты вписываются в стратегию информационно-психологического сопровождения военных действий и служат средством легитимации СВО в глазах общественности. В них актуализируется официальная позиция, но через призму личного рассказа, что позволяет создать эффект подлинности, доверия и вовлечённости.

Интервью выполняют одновременно несколько функций:

1) информационную: они знакомят аудиторию с условиями и реальностью конфликта;

2) идеологическую: закрепляют официальную позицию и формируют патристическую установку;

3) психологическую: служат способом внутренней рационализации происходящего, снятия тревоги и осмысления личного опыта;

4) мобилизационную: вдохновляют, вызывают сочувствие, укрепляют боевой дух и гражданскую солидарность.

Таким образом, интервью участников СВО представляют собой гибридный подтип военного дискурса, в котором соединяются институциональные задачи (информационные, идеологические, мобилизационные) и личный нарратив, придающий текстам аутентичность. Они играют ключевую роль в формировании коллективной когнитивной картины конфликта, встраиваются в медийную стратегию государства и способствуют конструированию новой мифологии войны.

Являясь частью институциональной коммуникации, тексты интервью демонстрируют не только выполнение коммуникативных задач армии (управление, отчётность, координация), но и функционируют как пространство индивидуального осмысления боевых действий. В них формируются и актуализируются устойчивые концептуальные структуры, позволяющие военнослужащим структурировать пережитый опыт, выразить эмоциональные состояния и наделить события личностным смыслом.

Результаты исследования

Дискурс СВО активизирует культурно и социально обусловленные фреймы, вовлекает концептуальные метафоры и отражает субъективное восприятие мира, в котором военные действия осмысляются как необходимое и оправданное действие. Он формирует когнитивную картину мира, характерную для условий вооружённого конфликта, и влияет на способы осмысления реальности как у непосредственных участников, так и у широкой аудитории. Интервью строятся по определённым дискурсивным моделям, включающим описание военных действий, пережитого опыта, взаимо-

действия с товарищами, размышления о долге, Родине и противнике. Типичными являются нарративы героизации, самоотверженности, духовного преображения, а также противопоставления «мы – они», где происходит чёткое разделение на своих и чужих. Это поддерживается лексикой, связанной с моральными ценностями, идентичностью и сакрализованым представлением о миссии.

Особенно значимыми и частотными в дискурсивной репрезентации в когнитивной структуре этих текстов оказываются концепты ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Ключевой характер именно этих концептов в дискурсивном пространстве исследованных текстов определяется не только содержательной насыщенностью, но и высокой частотностью лексем-репрезентантов, что подтверждается результатами корпусного анализа, представленного в табл. 1.

Общий анализ частотности ключевых концептов в корпусе интервью участников специальной военной операции позволяет выявить концептуальное ядро военного дискурса, отражающее доминирующие когнитивные и аксиологические ориентиры, структурирующие восприятие боевого опыта. Концепты ВОЙНА,

ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА не только репрезентируют базовые реалии и ценности военной службы, но и выполняют важнейшие когнитивно-регулятивные функции: обеспечивают осмысление происходящего, поддерживают моральную устойчивость, объясняют боевые действия и формируют коллективную идентичность. Их частотность и разнообразие лексической репрезентации свидетельствуют о том, что они являются центральными элементами смыслового пространства дискурса СВО и служат опорными точками концептуализации реальности в условиях вооружённого конфликта.

1. Концепт ВОЙНА формирует фреймовую основу всей коммуникации в рамках СВО. Он репрезентируется через лексемы «война», «бой», «враг», «фронт», «обстрел», «штурм» и так далее. Суммарная частотность лексем, репрезентирующих концепт «война», составляет почти 800 вхождений. Эти единицы отражают ключевые аспекты военного опыта: конфронтацию, территориальную принадлежность, вооружённое взаимодействие. Фреймовая структура концепта включает сценарии нападения, защиты, продвижения, а также временные и простран-

Таблица 1 / Table 1

Количественные показатели репрезентации ключевых концептов в корпусе интервью участников СВО / Quantitative indicators of the representation of key concepts in the corpus of interviews with participants of special military operation

Концепт	Лексемы-репрезентанты	Общая частотность в корпусе	Частотность на 1000 знаков
ВОЙНА	война, бой, враг, фронт, обстрел, штурм, атака, противник, бойня, битва, убой, сражение, воевать, сражаться	787	14,54
ЖИЗНЬ	жизнь, живой, выжить, спастись, спасение, дыхание, дышать, существовать	434	8,02
СТРАХ	страх, бояться, паника, опасность, тревога, дрожь, ужас, боязнь	358	6,61
ГЕРОИЗМ	герой, подвиг, мужество, стойкость, самоотверженность, отвага, честь, доблесть	284	5,24
РОДИНА	родина, присяга, флаг, Россия, Отечество, народ, страна, государство	392	7,24

ственные рамки боевых действий («в том бою», «на передке», «в атаке»). Концепт ВОЙНА структурирует восприятие конфликта как объективной реальности, в которой действия участника обусловлены внешними обстоятельствами, приказами, долгом.

Прежде всего, концепт ВОЙНА презентуется через фрейм выживания, в который включаются значения физической и экзистенциальной угрозы для страны и её граждан. Так, боец с позывным Барвар многократно подчёркивает: «эта война идёт за наше выживание, за выживание нашей страны, за выживание нашей Родины»¹. Здесь «война» становится не просто военным действием, а борьбой за существование, за базовые условия сохранения нации как когнитивного и культурного сообщества. Таким образом, активируется онтологическая метафора ВОЙНА – ЭТО ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, в рамках которой поражение отождествляется с утратой бытия, а победа – с продолжением жизни.

В интервью участников СВО прослеживается устойчивое метафорическое моделирование военной реальности, в рамках которого концепт «война» приобретает признаки живого, действующего субъекта. Высказывания типа «война-то идёт сейчас», «у нас реальная война» представляют языковую метафору, где война персонифицируется, действует, движется, «идёт», – таким образом формируется концептуальная метафора: ВОЙНА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО / НЕ-ИЗБЕЖНЫЙ ПРОЦЕСС, встроенный в повседневность. Это отражает восприятие конфликта как неотъемлемой части реальности, требующей включённости, а не дистанцированного осмысления.

Семантическое наполнение концепта ВОЙНА в интервью участников СВО

характеризуется реализмом и прагматизмом, война представляется не как абстрактное понятие, а как конкретная ситуация, в которой приходится действовать, выживать, выполнять приказы. Часто встречаются метафоры ВОЙНА – это РАБОТА, ВОЙНА – это ДОРОГА, что указывает на концептуализацию военных действий как повседневной, но чрезвычайно напряжённой деятельности.

Дополнительное когнитивное изменение формируется через исторический фрейм, в котором война рассматривается как повторение или продолжение исторических сценариев. В высказывании «Финляндия... с нами уже воевала», а также через отсылки к распаду СССР и расширению НАТО, активируются механизмы исторической аналогии, создающие ощущение закономерности происходящего. Это соотносится с концептом когнитивной преемственности – представлением о том, что настоящее конфликтное состояние логически продолжает прошлые конфликты.

В частотной фразе, которая встретилась в каждом интервью, «враг будет разбит, победа будет за нами» отсылает к идеологизированной модели войны как соревнования или ритуала с чётким исходом. Формируется концептуальная метафора: ВОЙНА – МИССИЯ, которую нужно и можно завершить победой. Таким образом, конструируется упорядоченная, мотивирующая ментальная модель конфликта.

2. Концепт ЖИЗНЬ соотносится с представлениями о выживании, телесной сохранности и непрерывности существования. Формируется через дихотомию жизнь / смерть и связан с оценкой риска, ценности каждого дня на войне. Часто данный концепт противопоставляется смерти, как реальной, так и потенциальной угрозе: «чудом остался жив», «был на грани». Типичные лексемы: «жизнь», «живой», «выжить» и так далее. Частота лексем концепта – более 430 вхождений.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО // МИРОСЛАВ СМЕРНОВ : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ntua2TAjMP0> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

В дискурсе участников СВО концепт «жизнь» приобретает особую ценностную и прагматическую окраску, формируясь на пересечении физиологического выживания, морального выбора и служения. Анализ демонстрирует, что «жизнь» в условиях СВО – это хрупкий, постоянно ставящийся под угрозу ресурс. Её сохранение осмысляется как цель, достижение которой требует мужества, осторожности, сплочённости. Жизнь также фигурирует как ценность, имеющая не только биологическое, но и моральное измерение: «жить ради Родины», «жизнь – ради других». В дискурсе участников СВО концепт «жизнь» структурируется как ценность, постоянно находящаяся под угрозой, и осмыляется через ряд устойчивых концептуальных метафор. В предложении «Спасается жизнь ребят, выполняются эффективно боевые задачи без потерь»¹ жизнь репрезентируется как ресурс, который необходимо сохранить ради выполнения функциональных задач. Здесь формируется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – ЦЕННОСТЬ, а само существование воспринимается как ограниченный и стратегически важный элемент внутри институциональной системы.

Метафорически жизнь предстаёт также как долг или вклад, что проявляется в предложении «мы взяли ответственность, мы дали вот всё, что мы можем отдать сейчас»². Здесь используется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – СЛУЖЕНИЕ / ДОЛГ, а само существование воспринимается как нечто, чем человек распоряжается в пользу других – товарищей, Родины, боевой задачи.

При помощи противопоставления активных участников конфликта и пассивных наблюдателей выстраивается экзистенциальная дихотомия, в которой жизнь осмыляется не как простое физическое существование, а как вовлечён-

ность, действие, выбор. Фраза «они думают, что могут отсидеться дома ..., никто их не просит заходить в окопы, но они должны ... верить в свою страну ... сделать всё, что могут»³ иллюстрирует эту установку: здесь жизнь определяется через категорию участия в общем деле, солидарности и готовности к ответственности. В этом контексте активируется онтологическая метафора ЖИЗНЬ – ЭТО СЛУЖЕНИЕ / ДОЛГ, в рамках которой истинная, осмысленная жизнь противопоставляется пассивному, отстранённому существованию. Таким образом, когнитивное содержание концепта «жизнь» расширяется за пределы биологического и включает в себя моральное, социальное и гражданское измерения.

В другом примере – «Все в первую очередь хотят спасти свою жизнь, а не вытаскивать патроны и умереть»⁴ – жизнь приобретает более утилитарный и прагматичный оттенок, противопоставляясь смерти как негативному исходу. Она представляется как добыча, которую нужно «вырвать» у обстоятельств, сохранить любой ценой. Здесь актуализируется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – ТРОФЕЙ, что отражает боевое состояние сознания, где каждый день существования – результат борьбы и индивидуального выбора.

Наконец, в высказывании «Смерть, прям, ты чувствуешь, что она в затылок тебе дышит»⁵ возникает сильная образность: смерть персонифицируется, визуализируется как физическое, дышащее существо, преследующее бойца. Это метафорическое выражение формирует

³ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

⁴ Зачем тебе 7 миллионов, если ты мертвый: ЧЕСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ КОНТРАКТНИКА // РОМБ: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gTREFrZS5cA> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ // СЛИВА: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JckEl6zHnz&t=51s> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

концептуальную метафору СМЕРТЬ – ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ, подчёркивая постоянное ощущение её близости и усиливая восприятие жизни как хрупкого и непрерывно угрожаемого состояния.

Таким образом, в когнитивной структуре дискурса СВО жизнь предстаёт как одновременно стратегический ресурс, объект охраны и символическая награда, в то время как смерть – это активный акт, угрожающий, наступающий и заставляющий бойца мобилизовать усилия на выживание. Эти метафоры служат инструментами когнитивной организации боевого опыта, задают эмоциональные и поведенческие ориентиры, а также структурируют образ мира в условиях военного конфликта.

3. Концепт СТРАХ отражает эмоционально-когнитивное состояние, которое является неотъемлемой частью боевого опыта, он отражает эмоциональное напряжение и внутренние состояния участников боевых действий. Данный концепт представлен лексемами «страх», «бояться», «паника», «опасность», «тревога» и др. с общей частотностью свыше 350 вхождений в корпус.

Несмотря на институциональную традицию умалчивания страха в рамках военного дискурса, нарратив страха всё же прорывается в повествованиях как важный когнитивный элемент переживания боевого опыта. Однако в интервью он чаще всего репрезентируется имплицитно. Прямое упоминание страха нередко сопровождается его рационализацией или нейтрализацией: «было страшно, но действовали по инструкции».

Имплицитность концепта связана с дискурсивными нормами мужества и стойкости, принятыми в военной среде. Страх описывается как временное, преодолимое состояние, с которым нужно справиться. Концепт «страх» связан с когнитивными сценариями самоконтроля и дисциплины.

В дискурсе участников СВО страх представлен как неотъемлемый компо-

нент боевого опыта, эмоционально насыщенный и когнитивно интегрированный в восприятие военной реальности. Высказывание «Страх – это нормально. Это война. И война довольно-таки... страшно»¹ демонстрирует признание страха как неизбежного, нормативного явления в условиях боевых действий. Здесь формируется концептуальная метафора: СТРАХ – ЕСТЕСТВЕННЫЙ СПУТНИК ЖИЗНИ, подчёркивающая, что страх – не аномалия, а закономерная реакция на экстремальные обстоятельства. Языковая структура этой фразы объединяет личное признание с объективным знанием, страх становится частью онтологической картины войны.

В другом примере – «Страх – это... Не боится только долб**б. Я так скажу»² – страх не только нормализуется, но и противопоставляется безрассудству. Здесь присутствует элемент социокультурного кода, в рамках которого признание страха является показателем адекватности, зрелости и инстинкта самосохранения. Страх в военной среде становится признаком разумного поведения, а не слабости.

Фраза «Очень страх развивался» отражает процессуальность переживания, страх не статичен, он «развивается», «нарастает», что указывает на его динамическую природу в восприятии бойцов. Здесь метафора работает в сторону СТРАХ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО / ПРОЦЕСС, подчёркивая его изменение и влияние во времени.

Высказывание «Появлялся у него страх в глазах, в принципе, я видел» также акцентирует визуальное восприятие страха – как феномена, который можно «увидеть» и распознать. Страх репрезен-

¹ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО // СВОи : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nE6Wbxjqd5c> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

² Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

тируется через мимику, взгляд, что делает его частью телесной, невербальной коммуникации. Это усиливает идею страха как всепроникающей эмоции, выходящей за пределы внутреннего ощущения.

Наконец, фраза «Были моменты, конечно, но весь этот свой страх я перебарывал перед выходами на штурм»¹ описывает стратегию управления страхом. Здесь страх осмысливается как преодолимое препятствие, как то, с чем необходимо «справиться», чтобы продолжать выполнять задачи. Это соответствует концептуальной метафоре: СТРАХ – ПРЕГРАДА НА ПУТИ, а также – СТРАХ – ВНУТРЕННИЙ ВРАГ.

При этом концепт СТРАХ выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он обозначает естественную эмоциональную реакцию на угрозу, с другой – становится маркером пассивности, отстранённости и внутреннего бегства от реальности. Фраза «многие боятся, многие пытаются закрывать глаза на всё происходящее», противопоставляет таких людей тем, кто действует, служит, принимает участие в боевых действиях. Таким образом, страх концептуализируется как психологическая граница, отделяющая включённого гражданина от равнодушного наблюдателя.

Так, в концептуальной картине мира участников СВО страх выполняет одновременно объяснительную, регулирующую и мобилизующую функцию. Он признаётся, обрабатывается и рационализируется, но никогда не отрицается – напротив, включается в структуру поведения, определяя границы риска и формируя представления о мужестве, ответственности и выживании.

4. Концепт ГЕРОИЗМ является одним из идеологически нагруженных концептов, активно транслируемыми как армей-

ской субкультурой, так и официальным дискурсом. Этот концепт в интервью выражает коллективное и индивидуальное переживание боевой доблести. Концепт структурирует образ «правильного солдата» и служит механизмом осмысления потерь, страданий, самопожертвования. Лексемы-репрезентанты: «герой», «подвиг», «мужество», «стойкость», «самоотверженность» и др. Общая частотность – более 280 вхождений.

Часто героизм связывается с альтруизмом, готовностью к самопожертвованию: «прикрыл товарища», «вынес раненого». Когнитивно понятийное содержание концепта строится вокруг метафоры ГЕРОЙ – это ОПОРА, фигура, удерживающая порядок, вмешивающаяся в критический момент. В ряде интервью прослеживается трансформация обыденного человека в героя через экстремальную ситуацию, что подтверждает когнитивный сценарий подвига: «испытание – преодоление – признание».

В дискурсе участников СВО героизм формируется как ключевой концепт, глубоко укоренённый в ценностной и моральной системе военного сознания. Он метафорически осмысливается через категории ответственности, жертвы и внутренней силы, задавая специфические сценарии самоидентификации военнослужащего.

Ярко прослеживается фрейм героизма как действия вопреки страху, а не в отсутствии страха: «мы не просим сверхъестественного... но мы делаем свою работу»². Это формирует когнитивную модель, в которой герой – это не безупречный, неуязвимый субъект, а человек, преодолевающий себя ради большего. Здесь задействуется метафора ГЕРОЙ – ЭТО ЩИТ / СТЕНА, за которым стоит Родина, народ, семья, история. Он держит удар, в буквальном и метафорическом смысле, принимая на себя риски и страдания.

¹ Интервью с бойцом СВО: Путь в ЧВК Вагнер и реалии Бахмутской мясорубки // ПОПТЕНИМ: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQj2XPQlACk> (дата обращения: 20.05.2025).

² Варвар – интервью с бойцом из зоны.

В высказывании «мы ничего сверхъестественного не просим, мы взяли ответственность за свою родину»¹ героизм репрезентируется как деятельное и осознанное принятие долга, что формирует концептуальную метафору ГЕРОИЗМ – ДОБРОВОЛЬНОЕ БРЕМЯ. Здесь важен не подвиг как акт, а внутренняя готовность нести ответственность, даже без признания или вознаграждения. Метафорическая рамка делает подвиг обыденным, встроенным в норму поведения бойца.

Это подтверждается также примером «Подвиг, но я-то расценю как просто свою работу»², который демонстрирует повседневную нормализацию героического поведения, где высокоценностное действие интерпретируется как рабочая обязанность. Это создаёт контраст между внутренним восприятием поступка и его внешней символической нагрузкой – герой, как правило, не считает себя героем, что укрепляет его образ в коллективной картине мира.

В другой цитате – «Вот подвиг в их крови – нет, не то, что это осознанно, а просто»³ – героизм описывается как врождённое, почти инстинктивное поведение, встроенное в идентичность. Это поддерживает концептуальную метафору: ПОДВИГ – ЕСТЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО СОЛДАТА.

Фраза «всё, что мы можем отдать, мы отдали»⁴ символизирует абсолютную самоотдачу, в которой герой жертвует не только силами, но и, потенциально, жизнью. Здесь актуализируется концептуальная метафора: ГЕРОЙ – ТОТ, КТО ЖЕРТВУЕТ ВСЕМ, а подвиг – высшая форма альтруизма и верности. В примере «Это реально мужество, характер. Он не

сдался»⁵ героизм репрезентируется как стойкость и верность в предельной ситуации, где победа заключается не только в действии, но и в сопротивлении. Героизм здесь – процесс преодоления, а не однократное действие.

Дополнительное осмысление концепта осуществляется через оппозицию «герой – предатель». Например, когда спикер говорит: «они уехали ... отказались от предков ... предали Родину»⁶, – он противопоставляет этих людей бойцам, которые, по его словам, «взяли ответственность» и «выполняют боевые задачи». Таким образом, героизм = верность, предательство = отказ от корней и идентичности. Здесь героизм интерпретируется как форма исторической преемственности и уважения к поколенческой памяти: быть героем – значит продолжать дело предков, защищать их землю, стоять за их ценности.

Таким образом, в когнитивной структуре дискурса СВО героизм репрезентируется через метафоры долга, жертвы, труда и внутренней силы. Он лишён пафоса, но наполнен глубокой этической нагрузкой, отражая как институциональные установки, так и личностную интерпретацию экстремального опыта.

5. Концепт РОДИНА является центром патриотического дискурса, определяющим мотивацию участия в СВО, это один из наиболее аксиологически нагруженных концептов военного дискурса, который наполняется сакральным, патриотическим и потому очень эмоциональным содержанием. Репрезентируется лексемами «родина», «присяга», «флаг», «Россия», «Отечество». Частотность употреблений в корпусе – около 390 раз.

Концепт РОДИНА в текстах интервью участников СВО сакрализуется, стано-

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

³ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

⁴ Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

⁵ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

⁶ Боец СВО: интервью штурмовика о реалиях на фронте // Клизма Ценизма: YouTube-канал. URL: <https://clck.ru/3RHBAZ> (дата обращения: 20.05.2025).

вится символом высшей цели, оправдывающей страдания и риск, и тем самым легитимирует боевые действия. Часто в текстах звучат формулы «за Родину», «во имя России», «служу Отечеству», которые выполняют и ритуально-мобилизующую функцию.

В дискурсе участников СВО концепт РОДИНА выступает как центральный аксиологический ориентир, структурирующий мотивацию, идентичность и эмоциональную привязанность военнослужащих. Он репрезентируется через метафоры, отражающие как сакрализованный, так и прагматический облик Родины.

Особую роль играет морально-оценочный фрейм, в котором война осмысливается как форма национальной и личной ответственности за Родину. Спикер говорит: «мы взяли ответственность за свою Родину, мы дали всё, что можем»; «каждый должен сделать свою работу»¹. Таким образом, война интерпретируется как моральный императив, как действие, имеющее этическое измерение. Это подкрепляется установкой на единство народа и армии: «мне хочется ощутить, что за моей спиной стоит мой народ»².

Высказывание «за моей спиной стоит моя Родина» иллюстрирует языковую метафору, в которой Родина предстаёт как физически ощутимая опора, стоящая позади бойца. Такая образность формирует концептуальную метафору: РОДИНА – ОПОРА. Родина мыслится не как абстрактная идея, а как мощный источник поддержки и моральной устойчивости, позволяющий бойцу действовать с уверенностью в правоте своей позиции. Метафора РОДИНА – ОПОРА репрезентирует Родину как телесно и эмоционально ощутимое присутствие, нуждающееся в защите. Через онтологизацию абстрактного понятия активируется фрейм защитника и опоры, в котором Родина вос-

принимается как субъект, стоящий «за спиной» солдата – как мать, тыл, коллективное тело нации. Это усиливает ощущение сопричастности, ответственности и морального долга, связывая личный выбор с идеей служения живому целому, обеспечивая когнитивную легитимацию боевых действий.

Фраза «они свою родину, они свои корни продали»³ репрезентирует Родину как неотъемлемую часть личной и коллективной идентичности – наследие, которое можно сохранить или предать. Здесь актуализируется концептуальная метафора: РОДИНА – ЦЕННОСТЬ / НАСЛЕДИЕ, соотносимая с моральной категорией «верности». Употребление слова «продали» усиливает восприятие Родины как этически значимого дара, а предательство («продажа») Родины – как глубоко аморальный поступок.

Так, Родина в дискурсе СВО – это не только геополитическая единица, но и эмоциональный, нравственный и идеологический концепт, репрезентируемый через метафоры опоры, наследия, поддержки и ценности. Эти метафоры закрепляют образ Родины как основания субъективной стойкости, мотивации к действию и моральной правоты участия в боевых действиях.

Заключение

Концептуальное ядро дискурса специальной военной операции представляет собой когнитивно организованную систему сценариев, фреймов и метафор, структурирующих сознание, социальное поведение и коммуникативные особенности участников СВО. Анализ интервью показывает, что ключевыми концептами, формирующими концептуальное поле дискурса СВО, являются ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Каждый из них выполняет когнитивно-регулятивную функцию.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

³ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

Концепт ВОЙНА задаёт основную онтологию происходящего, конструируется как живое существо, неизбежная реальность, в которой человек действует по приказу, в условиях угрозы и напряжённой необходимости выживания.

Концепт ЖИЗНЬ репрезентируется как ценность, ресурс и жертва, противопоставляется смерти и осмысливается через метафоры служения, долга и выживания.

Концепт СТРАХ признаётся нормой, но подлежит контролю и преодолению; он включён в военную идентичность как эмоционально необходимое, но функционально ограниченное состояние.

Концепт ГЕРОИЗМ легитимизирует страдание и жертвы, представляется как внутренняя готовность к смерти и моральное превосходство, часто не осознаваемое самими участниками.

Концепт РОДИНА сакрализуется, становится мотивом и оправданием участия в боевых действиях, проявляется в

образах опоры, высшей цели и морального наследия.

Так, концептуальное ядро не только определяют тематическое и аксиологическое содержание дискурса СВО, но и задаёт структуру интерпретации действительности для самих участников конфликта. Оно служит когнитивной основой, позволяющей военнослужащим придавать происходящему смысл, выдерживать экстремальные условия и формировать устойчивую идеологическую идентичность. Метафорическая репрезентация концептов усиливает их эмоциональное содержание и способствует закреплению доминирующих смыслов в коллективном сознании.

Таким образом, концептуальное ядро дискурса СВО обеспечивает концептуальную стабильность публичной коммуникации в военной сфере, соединяя институциональную норму и личностное переживание в едином дискурсивном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишкурин Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, трансляция // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
2. Наумова К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 233 с.
3. Федотов И. И. Военно-политический дискурс как форма воплощения устных и письменных речевых произведений // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 111–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118.
4. Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 116–119. DOI: 10.26170/pl18-06-16.
5. Ткачева Ю. Г., Черенков В. А. Когнитивные особенности военного дискурса: в аспекте эквивалентного перевода // Исследования и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сборник статей XXIV всероссийской (национальной) научной конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2024 г.). СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. С. 18–22.
6. Калинин О. И. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: коллективная монография. М.: ООО «ФЛИНТА», 2024. С. 57–61.
7. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.
8. Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 8. Iss. 1. P. 179–190. DOI: 10.1177/1461445606059566.
9. Van Dijk T. A. *Discourse and context. A sociocognitive approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 287 p.
10. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2011. 360 с.

11. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.
12. Шевцова В. М. Дискурс как объект исследования в прагматике // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015). М.: МГИМО МИД РФ, 2015. С. 482–486.
13. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 332 с.
14. Kövecses Z. Metaphor in media language and cognition: A perspective from conceptual metaphor theory // *Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow*. 2018. Vol. III. No. 1. P. 124–141. DOI: 10.2478/lart-2018-0004.
15. Калинин О. И. Метафорическое речевое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 4. С. 70–84. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84.
16. Федулова М. Н. Категории дискурса и концепта в контексте проблематики восприятия, понимания и интерпретации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 2. С. 50–56. DOI: 10.14529/ling170207.
17. Алефиренко Н. Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
18. Вардзелашвили Ж. А. Языковая репрезентация когнитивных моделей (наномасштабный аспект) // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам: сборник научных статей Международной конференции МАПРЯЛ (г. Тбилиси). Т. I. СПб.: МАПРЯЛ, 2005. С. 113–120.
19. Тетради новых терминов. № 39: Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / сост. В. З. Демьянков. М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. 287 с.
20. Епифанова Т. В. Об интертекстуальности современного военного дискурса // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2024. № 4 (121). С. 17–23.
21. Саниева А. Ю., Сидорова Н. А. Исследование конфликтного военно-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53.
22. Кривов С. В. Дискурсы идентичности в условиях специальной военной операции: к постановке проблемы // Механизмы укрепления этнокультурной и гражданской идентичности многонационального народа Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Карачаевск, 12–13 сентября 2024 г.). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2024. С. 81–87.
23. Дурмаз Н. О. Языковая личность профессиональной среды на примере военного дискурса // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны им. маршала Советского Союза Л. А. Говорова. 2024. № 5 (29). С. 57–62.
24. Бритов И. В. Специальная военная операция России на Украине: позиция Вьетнама // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 65–79. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.04.
25. Калинин О. И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 6. С. 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392.

REFERENCES

1. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, translation. In: *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2, 88–105 (in Russ.).
2. Naumova, K. A. (2022). *Specificity of hybrid types of discourse (on the example of military-political and military-journalistic discourses)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
3. Fedotov, I. I. (2023). Military-political discourse as a form of embodiment of oral and written speech works. In: *The Humanities and Social Sciences*, 97 (2), 111–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118 (in Russ.).

4. Shashok, L. A. (2018). Peculiarities of military discourse (on the basis of linguistic research done by Russian scholars). In: *Political Linguistics*, 6 (72), 116–119. DOI: 10.26170/pl18-06-16 (in Russ.).
5. Tkacheva, Ju. G. & Cherenkov, V. A. (2024). Cognitive features of military discourse: in the aspect of equivalent translation. In: *Research and practice in the socio-economic and humanitarian spheres: a collection of articles from the XXIV All-Russian (National) Scientific Conference (St. Petersburg, March 11, 2024)*. St. Petersburg: National Humanitarian Research Institute "NATSRZAVITIE" publ., pp. 18–22 (in Russ.).
6. Kalinin, O. I. (2024). Information warfare from the standpoint of the cognitive-discursive approach. In: *Information warfare in the context of a special military operation. Experience of linguistic analysis*. Moscow: FLINTA publ., pp. 57–61 (in Russ.).
7. Kibrik, A. A. (2003). *Discourse analysis in cognitive perspective* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
8. Wodak, R. (2006). Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. In: *Discourse Studies*, 8 (1), 179–190. DOI: 10.1177/1461445606059566.
9. Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and context. A sociocognitive approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
10. Budaev, E. V. (2011). *Comparative Political Metaphorology*. Nizhny Tagil: Russian State Vocational Pedagogical University publ. (in Russ.).
11. Kubryakova, E. S. (2000). On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics. In: *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects*. Moscow: INION RAS publ., pp. 5–13 (in Russ.).
12. Shevtsova, V. M. (2015). Discourse as an object of pragmatics studies. In: *Magic of INNO: new in the study of language and methods of its teaching: materials of the Second scientific and practical conference (Moscow, April 24-25, 2015)*. Moscow: MGIMO University publ., pp. 482–486 (in Russ.).
13. Iriskhanova, O. K. (2004). *Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
14. Kövecses, Z. (2018). Metaphor in media language and cognition: A perspective from conceptual metaphor theory. In: *Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow*, III (1), 124–141. DOI: 10.2478/lart-2018-0004.
15. Kalinin, O. I. (2023). Metaphor Power in the US-China Trade War Discourse. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21 (4), 70–84. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84 (in Russ.).
16. Fedulova, M. N. (2017). Categories of discourse and concept in the context of issues of perception, comprehension and interpretation. In: *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 14 (2), 50–56. DOI: 10.14529/ling170207 (in Russ.).
17. Alefirenko, N. F. (2009). *"The Living Word": Problems of Functional Lexicology*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.).
18. Vardzelashvili, Zh. A. (2005). Linguistic representation of cognitive models (nanoscale aspect). In: *Comparison as a method of language research and teaching: collected papers from the International Conference MAPRYAL (Tbilisi). Vol. I*. St. Petersburg: MAPRYAL (International Association of Teachers of Russian Language and Literature) publ., pp. 113–120 (in Russ.).
19. Demyankov, V. Z. (comp.) (1982). *Notebooks of new terms. No. 39: English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing. Iss. 2. Methods of text analysis*. Moscow: Vsesoyuznyy tsentr perevodov publ. (in Russ.).
20. Epifanova, T. V. (2024). On the Intertextuality of Modern Military Discourse. In: *Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, 4 (121), 17–23 (in Russ.).
21. Sanieva, A. Yu. & Sidorova, N. A. (2025). The research of the conflict military and political discourse implemented in the communicative space of different linguistic cultures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53 (in Russ.).
22. Krivov, S. V. (2024). Discourses of identity in the context of a special military operation: towards the formulation of the problem. In: *Mechanisms for strengthening the ethnocultural and civic identity of the multinational people of the Russian Federation: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Karachaevsk, September 12–13, 2024)*. Karachaevsk: Umar Aliev Karachai-Cherkess State University publ., pp. 81–87.
23. Durmaz, N. O. (2024). Linguistic personality of a professional sphere on the example of a military discourse. In: *Bulletin of Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense*, 5 (29), 57–62 (in Russ.).

24. Britov, I. V. (2022). Russia's special military operation in Ukraine: Vietnam's stance. In: *Russia and the contemporary world*, 4 (117), 65–79. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.04 (in Russ.).
25. Kalinin, O. I. (2024). The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Russia–Ukraine Conflict Representation. In: *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 24 (6), 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шермазанова Светлана Викторовна (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shermazanova Svetlana Victorovna (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian;
<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-100-109

ИМПЛИКАТУРА РЕЧЕВЫХ ОБВИНЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ (СЛУЧАЙ ФИЛЬМА «КОНКЛАВ»)

Дроздова Е. А.

Российский государственный университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: drozdova_ea@pfur.ru

Поступила в редакцию 20.08.2025

После доработки 28.08.2025

Принята к публикации 03.09.2025

Аннотация

Цель. Выявить особенности использования имплицитных и эксплицитных речевых тактик обвинения в современном англоязычном кинодискурсе.

Процедура и методы. Проанализирован текст фильма «Конклав» (2024) на английском языке. Основное содержание исследования составляет анализ дискурсивных ситуаций, в которых реализуются речевые тактики обвинения. Из кинодискурса вычленены дискурсивные ситуации, в которых присутствует обвинительная речевая стратегия, проанализированы используемые тактики и связь реплик с имплицитной информацией об обвиняемых. Ключевыми методами исследования являются структурно-семантический и контекстуальный анализы.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что имплицитные и эксплицитные речевые тактики обвинения сопровождаются соответствующей визуализацией в сюжете фильма. Основным синтаксическим инструментом обвинения становится использование сложных предложений, а также применение анафоры. Лексическая тактика подразумевает внедрение в текст лексики ограниченного употребления, с которой зритель не знаком.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Представлен новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены описания репрезентации речевых тактик обвинения в современном кинодискурсе, при этом показана речь людей старшего возраста, для многих из которых английский язык не является родным. Полученные выводы возможно использовать при изучении дискурсивных практик современного английского языка на примере современного кинематографа.

Ключевые слова: имплицитная тактика, кинодискурс, речевая тактика обвинения, речевой акт, эксплицитная тактика

Для цитирования:

Дроздова Е. А. Импликация речевых обвинений в англоязычном кинодискурсе (случай фильма «Конклав») // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 100–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-100-109>

© СС ВУ Дроздова Е. А., 2025.

Original research article

IMPLICATURE OF SPEECH ACCUSATIONS IN ENGLISH-LANGUAGE FILM DISCOURSE (THE CASE OF THE FILM “CONCLAVE”)

E. Drozdova

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patris Lumumba, Moscow,
Russian Federation*

e-mail drozdova_ea@pfur.ru

Received by the editorial office 20.08.2025

Revised by the author 28.08.2025

Accepted for publication 03.09.2025

Abstract

Aim. To identify the specific uses of implicit and explicit accusatory speech tactics in contemporary English-language film discourse.

Methodology. The English-language text of the film “Conclave” (2024) was analyzed. The study focuses on the discursive situations in which accusatory speech tactics are employed. Discursive situations featuring accusatory speech strategies were identified from the film discourse, and the tactics used were analyzed, along with the connections between the lines and implicit information about the accused. The key research methods are structural-semantic and contextual analysis.

Results. Based on the study's findings, it was concluded that implicit and explicit accusatory speech tactics are accompanied by corresponding visualizations in the film's plot. The primary syntactic tools of accusation are the use of complex sentences and anaphora. Lexical tactics involve the introduction of restricted vocabulary into the text, with which the viewer is unfamiliar.

Research implications. The theoretical significance of this study lies in its presentation of new material on the topic under study, introducing descriptions of the representation of accusatory speech tactics in contemporary film discourse, and featuring the speech of older adults, many of whom are non-native English speakers. The findings can be used to study discursive practices in contemporary English using contemporary cinema as an example.

Keywords: implicit tactics, film discourse, speech tactics of accusation, speech act, explicit tactics

For citation:

Drozdova, E. A. (2025). Implicature of speech accusations in English-language film discourse (the case of the film “Conclave”). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 100–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-100-109>

Введение

Речевой акт обвинения в современном английском языке нуждается в глубоко научном исследовании по ряду причин. Прежде всего, обвинения представляют собой негативно окрашенный, конфликтный дискурс, что вынуждает коммуниканта высказывать обвинение в завуалированной форме, смягчать его и стараться избежать конфликта. Во

многом это связано с речевой стратегией, ориентированной на толерантность и максимальную эвфемизацию обвиняющих элементов речи.

Речевые акты обвинения подробно исследованы в монографии Т. В. Дубровской [1], которая выделяет девять речевых тактик, реализующих обвинение в речи, и только одна из них подразумевает эксплицитное обвинение. К. А. Мель-

никова [2] также отмечает упомянутую тенденцию к смягчению обвинения и нейтрализации лексики, содержащей дискриминационные маркеры. Д. В. Муликова и Н. В. Овчинникова анализируют синтаксические способы реализации паттерна обвинения на примере современных видеохостингов [3], также отмечая эмоциональное воздействие соответствующих высказываний.

Современная стратегия речевого акта обвинения подразумевает задействование имплицитной информации: подразумеваемого, но не высказываемого прямо. Вопросы использования имплицатуры в кинодискурсе рассматриваются Н. М. Альдеровой [4] на примере фильма «Клуб «Завтрак», И. Г. Серовой и Е. В. Петровым [5] на примере фильма «Карты, деньги, два ствола». Также вопросы имплицитного слоя текста и его восприятия при переводе рассматриваются в трудах А. М. Комковой на примере политического дискурса [6], А. А. Эльясова на примере рекламного дискурса [7], Е. С. Барановой на примере художественного произведения – рассказа С. Моэма [8], С. Хаддадом и А. Р. Нурутдиновой в связи с прагматикой дискурса [9]. Анализ использования имплицатуры в качестве определяющего средства для дискурса обвинения в современной науке не проводился, что ставит вопрос о необходимости её исследования в указанном ключе.

Вопросы речевого акта обвинения рассматриваются также в аспекте максим Грайса через призму подхода Джеффри Лича [10], который отмечает коммуникативные ограничения, накладываемые принципами вежливости и иронии, вынуждающие смягчать речевой акт обвинения и маскировать его при помощи иронии. П. Браун и С. Левинсон, также исследуя теорию вежливости, рассматривают вопросы речевого акта обвинения в контексте «нарушения территории» одного собеседника другим (“face threatening act”) [11].

Актуальным представляется исследование реализации речевых актов обвинения в кинематографе, так как популярные художественные фильмы закладывают образцы коммуникативных стратегий и тактик, и на них ориентируются не только носители языка, но и изучающие иностранный язык. Проблематика реализации речевых актов обвинения в современном кинематографе была ранее проанализирована автором настоящего исследования [12] на примере кинофильма «Зелёная книга», поднимающего вопросы расовой толерантности в середине XX столетия в США. Следует отметить, что в «Зелёной книге» показаны не современные реалии, и речевые акты обвинения реализованы максимально нетолерантно, а тактика используется, главным образом, эксплицитная.

В связи с этим была поставлена цель исследовать взаимодействие речевых тактик обвинения с имплицатурой дискурса. Для изучения имплицитной тактики обвинения в речи привлекается материал художественного фильма «Конклав»¹ режиссёра Эдварда Бергера, который вышел в конце 2024 года. Этот фильм привлёк большое внимание аудитории и заслужил одобрение кинокритиков: у него было 8 номинаций на премию «Оскар» и одна награда – за лучшую адаптацию книги для сценария художественного фильма. Интерес к «Конклаву» увеличился весной 2025 года в связи со смертью Папы Римского: впервые за много лет в реальности собирався конклав и проводились выборы нового понтифика, причём для многих участников реально-го конклава фильм стал своеобразным пособием, которое помогло им понять, как будет осуществляться процедура выборов [13].

По сюжету фильма, среди кардиналов есть несколько претендентов на должность Папы Римского, но ни один из них

¹ Конклав: фильм / реж. Э. Бергер. FilmNation Entertainment, House Productions, Indian Paintbrush, 2024. 120 мин.

не является явным лидером, что и обусловливает массированное использование стратегий обвинения в речи. Конклав проходит несколько туров голосования, и в промежутках между ними кардиналы обсуждают кандидатуры претендентов и обвиняют их в грехах, несовместимых с должностью главы церкви. В связи с общей сдержанностью коммуникативных стратегий священников, они прибегают в основном к имплицитным средствам обвинения, что делает фильм «Конклав» крайне интересным материалом для разбора речевых тактик обвинения. Также представлена мультязычная тактика ведения диалога, позволяющая рассмотреть практику «нарушения территории» собеседника словесной тактикой.

Соответственно, в исследовании были поставлены задачи: 1) вычленить в дискурсе кинофильма дискурсивные ситуации, в которых присутствует имплицитное и эксплицитное обвинение, 2) рассмотреть взаимосвязь обвинительного дискурса с контекстом и используемой стратегией обвинения.

Обвинения в попытках нечестным путём выиграть конклав, в неподобающих действиях участников и в несоответствии их званию Папы Римского звучат на протяжении всей второй части фильма. Разберём два показательных случая: имплицитно оформленное обвинение, относящееся к давнему прошлому, и эксплицитное предъявление деликта, относящееся к периоду, непосредственно предшествующему конклаву.

Для исследования реплик, в которых сформулировано обвинение, был применён анализ их синтаксической структуры, лексического наполнения, прагматических маркеров обвинения и наличия либо отсутствия перформативных глаголов («я обвиняю»). В результате анализа массива кинодискурса указанного фильма были выбраны две сцены, в которых превалирует имплицитная и эксплицитная тактика соответственно.

Речевой акт обвинения, относящийся к давнему прошлому: случай кардинала Адейеми

Среди претендентов на пост Папы в начале фильма выделяется кардинал Адейеми из Нигерии. Он придерживается консервативных взглядов, очень популярен в среде африканских католиков и вызывает серьёзные опасения у представителей Европы, т.к. они считают его чересчур радикальным в суждениях. Первая история с обвинением кардинала разворачивается между третьим и четвёртым туром голосования, когда с каждым следующим туром количество голосов за Адейеми увеличивается.

В результате спланированного конкурентом Адейеми появления на конклаве монахини Шануми из Нигерии руководитель конклава, декан Лоуренс, узнает, что у кардинала в прошлом была связь с женщиной (это и есть Шануми) и есть взрослый сын. Узнав об этом, кардинал Лоуренс говорит:

Well, with respect, Joshua, how she came here is secondary to the issue of your relationship with her.

При всём уважении, Джошуа, но как она сюда попала вторично по отношению к вопросу ваших отношений с ней¹.

Описанную выше ситуацию он характеризует словом широкой семантики “relationship” («отношения»), при этом не проговаривая открыто, что обвиняет Адейеми в неподобающих священнику действиях. Также декан Лоуренс вносит в свою речь элемент субъективной модальности, ранжируя информацию: “how she came” характеризуется как “secondary”, «вторичное», а первоочередной вопрос в этом случае – отношения Шануми с Адейеми. Тем самым активизируется паттерн «диалога глухих», нарушающего принцип кооперации по Грайсу, – Адейеми больше беспокоит, как Шануми попала в Ватикан, он пока ещё не понял, что

¹ Здесь и далее перевод представлен в соответствии с русским дубляжом фильма от студии «Пифагор».

шансов стать Папой у него не осталось, но это уже отчётливо понятно декану Лоуренсу.

Тем не менее Адейеми считает имплицитный уровень обвинения и начинает оправдываться:

It was a lapse, Dean. A lapse ... We were very young.

Это была ошибка, декан. Ошибка ... Мы были очень молоды.

На последнюю реплику Лоуренс реагирует, углубляя имплицитное обвинение:

No, no, no, Joshua. She was very young. She was 19 years old. – You were 30.

Нет, нет, нет, Джошуа. Она была очень молода. Ей было 19 лет. А вам 30.

Обратим внимание, что оба собеседника – и обвиняющий, и оправдывающийся, – используют анафорический повтор и лексический повтор, а также парцелляцию для усиления эмоциональной составляющей. Интонационно декан выделяет “she”, подчёркивая, что девушка была молода, а мужчина – нет, и он несёт ответственность за свой поступок.

В имплицатуре данного сообщения – мысль о том, что Джошуа Адейеми был зрелым и контролирующим себя человеком, мог избежать компрометирующей его ситуации. Также в имплицатуре диалога считывается мысль «такой человек недостоин поста Папы Римского», на которую Адейеми и реагирует, пытаясь спасти ситуацию:

Thomas. Listen to me. Please. I sensed the presence of the Holy Spirit this morning, I swear it. I am ready to take this burden.

Томас. Послушайте меня. Прошу. Я почувствовал присутствие Святого Духа сегодня утром, клянусь. Я готов взять на себя это бремя.

В результате выстраивается паттерн «диалога глухих»: на фразу «ей было 19, а вам 30» Адейеми реагирует абсолютно нелогичным в контексте эксплицитной стороны диалога высказыванием «я почувствовал присутствие Святого Духа». Фактически смысл реплик звучит как:

– Вы не можете быть Папой Римским.

– Могу, так как ко мне сошёл Святой Дух.

Декан Лоуренс считает имплицатуру и реагирует соответственно: на прямой вопрос, может ли Адейеми ещё рассчитывать на пост Папы, он отвечает уверенным «Нет»:

– *So I still have hope.*

– *No. There is no hope.*

– *Так надежда у меня ещё есть.*

– *Нет. Надежды нет.*

Интересно, что отрицательно окрашенные наименования своих действий использует именно Адейеми: он называет свои взаимоотношения с Шануми “lapse”, “mistake”, избегая слов со смыслом «грех», «проступок» и подобных. В речи обвиняющего – декана Лоуренса – отсутствует эксплицитное обвинение как таковое, его собеседник реагирует только на подтекст диалога. Зритель догадывается о сущности взаимоотношений только по тому, что в тексте упоминается ребёнок.

В количественном отношении диалог, представленный 12 репликами, содержит имплицитный подтекст во всех репликах, и открытое обвинение не проговаривается его участниками ни разу.

Речевой акт обвинения, относящийся к недавнему прошлому: случай кардинала Трэмбли

Следующим потенциальным кандидатом на должность Папы, имеющим наибольшие шансы, является кардинал Трэмбли, который отличается иным прегрешением: он был заподозрен в нечестных махинациях, покупке голосов других кардиналов и организации скандала с Адейеми. К нему кардинал Лоуренс обращается в иной тональности, используя стратегию эксплицитного обвинения:

I know there was some kind of report into your activities. I know the Holy Father raised the matter with you hours before he died and that he dismissed you from all your posts, and I know that somehow you discovered Adeyemi's surrender to temptation 30 years ago and that

you arranged for the woman involved to be brought to Rome with the express intention of destroying Adeyemi's chances of becoming pope.

Я знаю, что о ваших действиях был некий отчёт. Знаю, что Святой Отец поднял этот вопрос за пару часов до своей смерти и что он уволил вас со всех ваших должностей. И знаю, что вы как-то узнали о том, что Адейеми поддался искушению тридцать лет назад, и что вы организовали приезд этой женщины в Рим с явным намерением уничтожить шансы Адейеми стать Папой.

Этот текст Трэмбли считает как обвинение и реагирует соответственно, используя перформатив:

I deny that accusation.

Я отвергаю это обвинение.

В данном случае имеет место обвинение через предъявление деликта по Т. В. Дубровской [1, с. 152], в котором совмещены две речевые тактики: отсылка к обвинению со стороны авторитетного источника (покойный Папа Римский ранее знал о махинациях Трэмбли и уволил его со всех постов непосредственно перед смертью) и новое обвинение в том, что Трэмбли предпринял открытое устранение конкурента.

Отметим, что в данном случае говорящий использует длинные распространённые предложения с придаточными: в его реплике содержится предложение, в котором на английском языке насчитывается 61 слово. Это указывает на продуманность дискурса, его близость к письменной речи. В меньшей степени эта речевая тактика представлена в диалоге с первым обвиняемым: диалог также начинается со сложного предложения, но далее звучат отрывочные простые предложения с парцелляцией. Последовательно эксплицитно предъявлено 4 взаимосвязанных деликта: сокрытие отчёта, сокрытие факта увольнения, желание устранить конкурента и организация компрометирующего его события.

В качестве эксплицитного наименования деликта далее звучит слово «си-

мония», обозначающее куплю-продажу церковных должностей:

It's the report on the activities of Tremblay. It's an overwhelming prima facie case that he is guilty of simony, which of course is an offense stipulated in the Holy Scriptures...

Это отчёт о деятельности Трэмбли. «Прима фаче», исчерпывающее доказательство его виновности в симонии, что, конечно, является нарушением, предусмотренным...

Отметим, что в русском переводе опущены слова «Святым Писанием». Лоуренс начинает разъяснять слово «симония» для зрителей – кардиналы, безусловно, знакомы с этим термином, и его собеседник, кардинал Альдо Беллини, прерывает его словами:

I'm aware of what simony is. Thank you.

Я знаю, что такое симония.

В русском переводе отсутствует слово «спасибо», что в целом делает эмоциональную тональность диалога в переводе более грубой.

Открытое предъявление деликта с введением термина, не знакомого широкой зрительской аудитории («симония»), развивается в визуальном ряде фильма. Кардинал Лоуренс делает копии отчёта по количеству участников конклава и раскладывает их в столовой около каждого места, что приводит к открытому обсуждению скандала. Это продемонстрировано через сцену в столовой с массовым чтением и обсуждением полученных документов.

Показательным в отношении речевой тактики является следующий момент: кардинал Адейеми полностью согласен с обвинением, принимает его и не отрицает своей ошибки, настаивая лишь на том, что данная ошибка не мешает ему стать Папой. Соответственно, информация, полученная деканом Лоуренсом от монахини Шануми на исповеди, не становится достоянием общественности, а информация, которую обвиняемый открыто отрицает, становится известна всем.

При формулировании обвинения звучит анафорический повтор: “I know ... I know ... and I know”, “It’s ... it’s”. Этот синтаксический приём сопровождается обвинительный дискурс и в первом, и во втором случае. Помимо анафоры, как риторического приёма, используется тактика постепенного предъявления деликта, формирующая своеобразную градацию, в которой каждая «ступень» маркируется через начальный элемент анафоры.

Интересным приёмом с точки зрения стратегий обвинения в речи является мультязычность дискурса обвинения: так, в коллизии с кардиналом Адейеми используется язык йоруба (вся история с Шануми начинается с того, что декан Лоуренс слышит скандал на языке йоруба в коридоре), в случае с кардиналом Трэмбли используется термин «симония» греческого происхождения, а также латинское крылатое выражение “*prima facie*”, означающее «на первый взгляд», «с первого взгляда». В обращении к зрителю, таким образом, заложен элемент не-проговаривания: речь на йоруба, латинское выражение, греческий термин не объясняются в эксплицитных репликах героев. Зрителю предлагается самому догадаться в процессе просмотра, что скандал на языке йоруба был связан с прошлым кардинала Адейеми, что «симония» – это торговля церковными должностями, а также о значении выражения “*prima facie*”. Это в целом соответствует детективной составляющей фильма: о многих моментах зрителю предлагается догадываться, исходя как из лингвистической, так и из экстралингвистической составляющей – жестикуляции героев и визуального ряда.

В то же время использование элементов языка йоруба, латыни, других языков, звучащих в речи кардиналов, приехавших из разных стран, создаёт своеобразный эффект отдаления зрителя: он превращается в стороннего наблюдателя, который не может участвовать в конклаве (как, например, эпизодические герои фильма,

священники, помогающие в организации конклава), но со стороны созерцает принимающих решение кардиналов. В оригинальной звуковой дорожке фильма много реплик на итальянском языке, которые не переозвучиваются на английском (в русском прокате все они звучат на русском, так что зритель не понимает, когда, например, декан Лоуренс говорит на английском, а когда – на итальянском).

Визуализация речевых тактик обвинения в фильме крайне сдержана: кардиналы скупно жестикулируют, практически не пользуются богатой мимикой, основным инструментом визуализации обвинения является крупный план взгляда обвиняющего и обвиняемого, а также фиксация реакции общественности, если обвинение, как в случае с кардиналом Трэмбли, происходит публично. Преувеличенной мимикой и жестикуляцией отличается кардинал Гоффредо Тедеско, радикальный в отношении своих позиций по социальным вопросам, образ которого с самого начала служит моделью «анти-Папы», того, кого ни в коем случае не хотели бы видеть избранным.

В первом случае используется речевая тактика «от большого к малому»: серьёзный, для католического священника, промах – нарушение обета безбрачия – маскируется под словом «ошибка». Во втором, напротив, говорящий «укрупняет» обвинение, используя официальный термин «симония», восходящий к имени Симона Волхва. Наименование деликта подвержено литоте в дискурсе обвиняемого и гиперболлизации в речи обвиняющего.

Заключение

В целом, обвинительный дискурс представлен в фильме «Конклав» как эксплицитными, так и имплицитными речевыми тактиками. В обоих случаях обвинение формулируется в виде сложного предложения, в развитии диалога звучит анафора, лексический повтор. Представлено внедрение в речь обвиняющего и других персонажей иноязычных

выражений, которые не знакомы зрителю и никак не разъясняются эксплицитно в тексте реплик героев.

Речевые тактики персонажей фильма «Конклав» – кардиналов, принимающих участие в выборах Папы Римского, – отражают практику общения людей старше 60 лет (большинство участников конклава – пожилые люди, так как для достижения сана кардинала требуется определённое продвижение в церковной иерархии), для многих из которых английский язык не является родным: среди них есть итальянцы, африканцы, немцы, французы и пр.

Эксплицитное наименование деликта раскрывается в визуальной стороне кинодискурса: доказательства обвинения

предъявлены всем, кто принимает решение. ИмPLICITная тактика соответствует скрытому переживанию обвинения: оно не обсуждается прилюдно, однако кандидатура обвиняемого неконкурентна из-за сопровождающих его ситуацию слухов и сплетен.

Таким образом, проведённое исследование позволяет экстраполировать полученные выводы о стратегиях и тактиках обвинения в мультязычном дискурсе с преобладанием английского языка на другие речевые практики, а также выявить продуктивные стратегии обвинения в целях их адекватного понимания и перевода в художественном переводе и при непосредственном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: издательство ПГУ, 2014. 272 с.
2. Мельникова К. А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников): дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2024. 224 с.
3. Муликова Д. В., Овчинникова Н. В. Структурно-семантические особенности реплик обвинения в современном английском языке на примере видеохостингов // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов III Международной научной конференции (Курск, 08–09 апреля 2021 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 187–192.
4. Альдерова Н. М. ИмPLICITный уровень речевого воздействия в фильме “The Breakfast Club” // Наука и глобальные вызовы: перспективы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции (Москва, 14 мая 2025 г.). СПб.: Издательский дом «Сциентиа», 2025. С. 273–278.
5. Серова И. Г., Петров Е. В. Импликация и её влияние на перевод: анализ семантических и прагматических аспектов (на примере фильма «Карты, деньги, два ствола») // Перевод. Язык. Культура: материалы XV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 17–18 мая 2024 г.). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 53–57.
6. Комкова А. М. Особенности передачи невыраженного смысла при переводе текстов англоязычного политического дискурса // Актуальные проблемы общей теории языка, литературы, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: материалы VIII студенческой научно-практической конференции (Москва, 17 мая 2025). Саратов: ИП Афанасьев В. С., 2025 (1 электрон. опт. диск).
7. Эльясов А. А. Коммуникативные импликации социальной рекламы // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания: сборник по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 12 декабря 2024 г.). М.: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 125–130.
8. Баранова Е. С. Импликация как единица дискурс-анализа в рассказе Сомерсета Моэма “Mr. Know-all” // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: материалы Национальной научно-практической конференции «Образование и наука» (ВГУТУ Улан-Удэ, 10–14 апреля 2023 г.). Улан-Удэ: Восточно-сибирский государственный университет технологии и управления, 2023. С. 161–165.

9. Хаддад Сельсабил, Нурутдинова А. Р. The power of the unsaid: pragmatics and implicature (Сила невысказанного: прагматика и импликатура) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 839–842.
10. Leech G. An anatomy of politeness in communication // *International Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 14. P. 101–123.
11. Brown P., Levinson S. Universals in language use: Politeness phenomena // Goody E. *Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56–289.
12. Дроздова Е. А. Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма «Зеленая книга») // *Филология: научные исследования*. 2024. № 12. С. 86–100. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72402.
13. Малышева Е. Л., Пенькова Е. А. Особенности перевода с итальянского языка на английский язык реплик героев фильма «Конклав» (2024) // *Казанская наука*. 2025. № 5. С. 287–289.

REFERENCES

1. Dubrovskaya, T. V. (2014). *The Speech Genres "Condemnation" and "Accusation" in Russian and English Linguistic Cultures*. Penza: Penza State University publ. (in Russ.).
2. Melnikova, K. A. (2024). *Lingvopragmatic neutralization of discriminatory marked linguistic means in media discourse (based on English- and Russian-language media sources)* [dissertation]. Yaroslavl (in Russ.).
3. Mulikova, D. V. & Ovchinnikova, N. V. (2021). Structural and semantic features of accusatory remarks in modern English using video hosting as an example. In: *Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research: collected materials from the III International scientific conference (Kursk, April 8–9, 2021)*. Kursk: Southwestn State University publ., pp. 187–192 (in Russ.).
4. Alderova, N. M. (2025). The implicit level of speech impact in the film "The Breakfast Club". In: *Science and global challenges: development prospects: collection of articles from the III International scientific and practical conference (Moscow, May 14, 2025)*. St. Petersburg: Publishing house "Scientia", pp. 273–278 (in Russ.).
5. Serova, I. G. & Petrov, E. V. Implication and its effect on translation: analysis of semantic and pragmatic elements based on "Lock, stock and two smoking barrels" film. In: *Translation. Language. Culture: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (St. Petersburg, May 17-18, 2024)*. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University publ., pp. 53–57 (in Russ.).
6. Komkova, A. M. (2025). Features of conveying unexpressed meaning in the translation of English-language political discourse texts. In: *Actual problems of general theory of language, literature, translation, intercultural communication and methods of teaching foreign languages: Proceedings of the VIII student scientific and practical conference (Moscow, May 17, 2025)*. Saransk: IP Afanasyev V. S. publ. (1 CD-ROM).
7. Elyasov, A. A. (2025). Communicative implicatures in social advertising. In: *Translingua: Issues of Modern Science and Technology through the Prism of Linguistic Consciousness: A collection of materials from the international scientific and practical conference (Moscow, December 12, 2024)*. Moscow: ZAO "Universitetskaya Kniga" publ., pp. 125–130 (in Russ.).
8. Baranova, E. S. (2023). Implicature as a unit of discourse analysis in the story of Somerset Maugham "Mr. Know-all". In: *Social Sciences and Humanities. Jurisprudence: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference "Education and Science" (East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, April 10–14, 2023)*. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management publ., pp. 161–165 (in Russ.).
9. Haddad, S. & Nurutdinova, A. R. (2025). The power of the unsaid: pragmatics and implicature. In: *Cognitive Studies of Language*, 1-1 (62), 839–842.
10. Leech, G. (2003). An anatomy of politeness in communication. In: *International Journal of Pragmatics*, 14, 101–123.
11. Brown, P. & Levinson, S. (1978). Universals in language use: Politeness phenomena. In: Goody, E. *Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 56–289.

12. Drozdova, E. A. (2024). Linguopragmatics of the speech act of accusation in American English (using the example of the film “Green Book”). In: *Philology: scientific researches*, 12, 86–100. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72402 (in Russ.).
13. Malysheva, E. L. & Penkova E. A. (2025). Features of translation from Italian into English of the lines of the characters of the film “Conclave” (2024). In: *Kazan Science*, 5, 287–289 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дроздова Екатерина Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры социальной педагогики Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0003-4272-8772>; e-mail: drozdova_ea@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Drozdova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Social Pedagogy, Institute of Foreign Languages, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University);

<https://orcid.org/0000-0003-4272-8772>; e-mail: drozdova_ea@pfur.ru

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-110-120

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК КОМПОНЕНТ ТЕРМИНА В ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ)

Рогова М. Ю.

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: rogova.margo_rita@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.07.2025

После доработки 05.08.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Аннотация

Цель. Исследовать механизмы формирования и особенности функционирования терминов-эпонимов в названиях измерительных приборов, а также проанализировать их роль в профессиональной коммуникации и научно-техническом дискурсе.

Процедуры и методы. Методом сплошной выборки из международного электротехнического словаря были отобраны термины, являющиеся наименованиями приборов, в составе которых содержится имя собственное. В ходе исследования были использованы сравнительно-сопоставительный метод, лексикографический и этимологический анализ.

Результаты. В результате исследования были выявлены основные модели образования терминов-эпонимов в названиях измерительных приборов, была доказана их высокая степень терминологизации, установлена устойчивая связь между эпонимической частью термина и измеряемой величиной, подтверждающая важность данной терминологии для стандартизации профессиональной коммуникации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования имеют практическую ценность для терминоведения, лексикографии и теории перевода, а также подчёркивают необходимость создания специализированных словарей терминов-эпонимов.

Ключевые слова: измерительный прибор, консубстанционализация, метрология, термин-эпоним, терминологизация

Для цитирования:

Рогова М. Ю. Имена собственные как компонент термина в технической терминологии (на материале терминологии измерительных приборов) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 110–120. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-110-120>

Original research article

PROPER NAMES AS AN INTEGRAL PART OF A TERM IN TECHNICAL TERMINOLOGY (BASED ON THE TERMINOLOGY OF MEASURING INSTRUMENTS)

M. Rogova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: rogova.margo_rita@mail.ru

Received by the editorial office 14.07.2025

Revised by the author 05.08.2025

Accepted for publication 15.08.2025

Abstract

Aim is to investigate the mechanisms of formation and peculiarities of functioning of term-eponyms in the names of measuring instruments, and to analyse their role in professional communication and scientific and technical discourse.

Methodology. Using a continuous sampling method from the international electrical engineering dictionary, terms were selected that are the names of devices that contain a proper name. In the course of the research, the following methods were used: comparative method, lexicographic and etymological analysis.

Results. The study identified the main models of formation of eponymic terms in the names of measuring instruments were identified, their high degree of terminology was proved, a stable connection between the eponymic part of the term and the measured value was established, confirming the importance of this terminology for the standardisation of professional communication.

Research implications. The results of the study have practical value for terminology, lexicography and translation theory, and highlight the need to create specialised dictionaries of term-eponyms.

Keywords: measuring instrument, consubstantialisation, metrology, term-eponym, terminology

For citation:

Rogova, M. Yu. (2025). Proper names as an integral part of a term in technical terminology (based on the terminology of measuring instruments). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 110–120. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-110-120>

Введение

В условиях стремительного развития научного знания и технологического прогресса исследование терминов, выполняющих системообразующую функцию, обеспечивающих точность и однозначность понятий, приобретает особое значение. Терминология выступает важнейшим элементом научного дискурса, способствуя структурированию знаний, междисциплинарному взаимодействию и международному сотрудничеству. В условиях цифровизации науки возрас-

тает роль терминологических единиц и в области сбора и обработки метрологических данных, поскольку метрология, являясь наукой об измерениях, методах и средствах обеспечения, позволяет уточнить/сравнить/классифицировать результаты той или иной научной и научно-практической отрасли.

Возрастает значимость и адаптации терминов к потребностям конечных пользователей: исследователей, инженеров, метрологов, – поскольку эффективность профессиональной коммуникации

зависит не только от точности определений, но и от их понятности и удобства использования, что свидетельствует о взаимодействии языка и мышления.

Стоит отметить, что процесс начальной специализации лексем напрямую связан с антропоцентрическим подходом в языке: взаимным влиянием языка на развитие мышления и мышления человека на развитие языка [1, с. 131]. Здесь особую роль играет антропоним (имя собственное, которое может иметь человек), отражающий не только культурные и социальные особенности, но и являющийся источником терминов-эпонимов¹, т. е. терминов, образованных от имён собственных.

Антропоцентризм в настоящее время проявляет себя важным явлением в развитии терминосистем, присутствуя в составе терминологий и создавая термины, отвечающие одновременно требованиям точности и сохранению человеко-ориентированного представления специальных знаний.

Многоаспектное изучение отраслевых терминологий позволило терминоведам анализировать специальную лексику по структуре слов-терминов, по семантике, по функции. При изучении функциональной характеристики терминов своей значимостью выделяется группа так называемых «консубстанциональных слов», которые, являясь изначально частью общеупотребительного языка, приобретают специальное значение в терминосистемах.

Явление консубстанциональности проявляется в образовании терминов на основе уже существовавших лексем, обозначавших определённые явления. При этом формированию терминологической системы предшествовал этап терминотворчества, в ходе которого происходило накопление и тематическая

систематизация специальной лексики в языке [2, с. 15].

Бесспорно, терминологизация представляет собой сложный процесс взаимодействия между специальной и общеупотребительной лексикой, в результате которого слово из общего словарного состава приобретает новое терминологическое значение [3, с. 233].

Д. Г. Кукасова и А. К. Сулейманова считают, что «терминологизация слова общелитературного языка становится возможной благодаря бессознательному стремлению мозга человека (в нашем случае специалиста) порождать новые знания, более сложные в сравнении с ранее имевшимися, и вербализировать их в границах знакомого, понятного, что находится в рамках его ментальности» [4, с. 455]. При рассмотрении процессов терминологизации особый интерес представляют случаи перехода имён собственных в термины, поскольку подобные процессы демонстрируют не только явление консубстанциональности языковых единиц, но и формируют омонимические отношения, что представляет значительный научный интерес для лингвистических исследований [5, с. 85].

Е. А. Лаврентьева пишет, что «граница между общеупотребительной и терминологической лексикой имеет, вероятно, характер функциональности – постоянно происходит процесс перехода терминов в общеупотребительные слова и, наоборот, бытовой лексики – в специальную» [1, с. 132].

Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения О. А. Зябловой, которая считает, что терминологическая лексика – это не просто набор лексических единиц, описывающих конкретную область знания, «это система с сеткой связей, репрезентированная структурами знания, опыта и оценки, полученными в ходе познавательной деятельности специалистов» [6, с. 128].

К вопросу о консубстанциональности терминологии учёные подходят с разных

¹ См.: Эпоним [Электронный ресурс] // Жизнь замечательных имен : [сайт]. URL: <https://eponym.ru/Eponims/Info> (дата обращения: 29.06.2025).

точек зрения. Ряд исследователей определяют как консубстанциональные те термины, которые были заимствованы из общеупотребительной лексики. В то же время существует и противоположная точка зрения, согласно которой изначально любая лексическая единица на этапе своего возникновения носила терминологический характер, однако далеко не все подобные единицы сохранили терминологический статус в современном языке [7, с. 278].

Особый интерес представляют термины, образованные от ономастических единиц, которые демонстрируют оба указанных процесса. С одной стороны, они иллюстрируют переход имён собственных в разряд терминов, с другой – подтверждают тезис об изначально терминологической природе многих лексических единиц, поскольку профессиональные наименования часто возникают на основе собственных.

Целью данной работы является исследование формирования и особенностей употребления эпонимических терминов в названиях измерительных приборов. В качестве материала был использован Международный электротехнический словарь¹, из которого методом сплошном выборки были извлечены термины (наименования измерительных приборов), содержащие в своём названии имя собственное. Были использованы сравнительно-сопоставительный метод, лексикографический и этимологический анализ.

Ономастическая лексика как источник пополнения терминологического фонда

Номинация объектов реальной действительности – процесс постоянный и непрерывный, что особенно проявляется в ономастике, значительное место в кото-

рой занимают антропонимы – имена собственные людей.

Е. А. Рулевская пишет, что «многие антропонимы, принадлежа конкретным людям, вошли в мировую и частную лингвокультуру как культурное наследие прошлых эпох» [8, с. 100]. Антропонимическая лексика наблюдается практически во всех отраслях научного и научно-практического знания. Присутствие антропонимической лексики в отраслевых терминологиях и в лексике общеупотребительного языка свидетельствует о явлении антропоцентризма.

Антропонимы присутствуют и в технических терминологиях, являясь производящей базой для появления так называемых терминов-эпонимов. И, как справедливо отмечает Е. А. Рулевская, «эпонимы в своей основе содержат имя собственное, являющееся ядром, в котором отражена культура» [8, с. 99].

Поскольку эпонимические термины предоставляют точные и ценные данные о происхождении термина, они становятся важными для процесса «реконструкции» анализируемого понятия. Эпонимы также обычно короче, чем любые другие технические термины [9, р. 413]. Они выступают в роли своеобразных сокращений и позволяют обозначать определённые явления, избегая многословных описаний. Именно их удобство и функциональность способствуют распространению в профессиональной коммуникации [10].

Многие термины-эпонимы знакомы каждому носителю языка со школьной скамьи: *теорема Пифагора*, *закон Бойля-Мариотта*, *ватт*, *джоуль* и т. д. При терминологизации имени собственного (в нашем случае – антропонима) происходит десемантизация и трансформация функциональной активности антропонима, поскольку эпонимический термин утрачивает первоначальную семантическую связь с именем собственным, что может привести к ослаблению его мемориальной функции [8, с. 102].

¹ ГОСТ ИЕС 60050-300-2015. Международный электротехнический словарь. Электрические и электронные измерения и измерительные приборы. М.: Стандартинформ, 2020. 70 с.

Ономастическая лексема, произведённая от антропонима и вовлечённая в профессиональное общение, получив статус термина, становится омонимом: звукобуквенная форма *Ом* является и именем собственным, и единицей измерения электрического сопротивления Международной системы единиц СИ, названной в честь немецкого учёного-физика *Георга Симона Ома*¹.

К вопросу о консубстанциональности терминов-эпонимов

Возвращаясь к представлению о том, что, изначально являясь терминами, слова утратили свой терминологический статус (процесс детерминологизации), Л. В. Рычкова пишет, что некоторые из слов сохраняют двойное значение – бытовое и терминологическое, что создаёт лексическую полисемию, которая может привести к полному семантическому расхождению между специальным и обиходным употреблением [11, с. 56].

О наличии в языке консубстанциональности как явления заявлено известнейшим лингвистом О. С. Ахмановой ещё в 80-е годы XX века, подчеркнувшей сохранение внешней оболочки общепотребительного слова при переходе слова в новую функциональную сферу – терминологию: "... We began our discussion with those cases where a word of the general language and the are «consubstantial», that is have the same material form" [12, p. 8] (*Мы начали наше обсуждение с тех случаев, где слово повседневного языка и термин являются «консубстанциональными», т. к. они имеют одинаковую материальную форму*²).

Вопрос о консубстанциональности терминов в настоящее время является од-

ним из актуальнейших в терминоведении и в общей лексикологии. Следует указать на то, что консубстанциональность как явление привлекает внимание многих современных лингвистов, в числе которых необходимо назвать О. С. Ахманову, Н. Б. Гвишиани, С. В. Гринева-Гриневица, Э. А. Сорокину, Л. В. Рычкову и мн. др.

Учёные по-разному определяют данное явление: консубстанциональность как результат терминологизации (С. В. Гринев-Гриневиц), консубстанциональность как проявление неоднозначности (Э. А. Сорокина), консубстанциональность как этап омонимизации (Л. В. Рычкова). Н. Б. Гвишиани связывает причину, обуславливающую явление консубстанциональности, с необходимостью исследователей обращаться к естественному языку по причине большого количества привлекаемых в процессе изучения языковых явлений сведений [13, с. 30].

Однако в настоящее время следует констатировать, что однозначного решения проблемы консубстанциональности нет и данное явление окружено пристальным вниманием лексикографов, лингвистов-теоретиков и лингвистов-практиков, переводчиков, преподавателей иностранных языков.

Эпоним приобретает признаки консубстанциональности через постепенное семантическое слияние имени собственного с обозначаемым понятием, при этом имя собственное теряет прямую связь с конкретным человеком и приобретает дополнительное значение. Следует заметить, что в некоторых случаях связь с антропонимическим источником полностью утрачивается в языковом сознании носителей – в таком случае наблюдается процесс полной терминологизации (*ом, ватт, азбука морзе* и т. д.). Так, Э. А. Сорокина пишет: «развивающаяся под воздействием мышления семантическая структура лексической единицы приводит к тому, что эксплуатация того или иного компонента семантики прототер-

¹ См.: Ом // Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z = English-Russian-German dictionary of international eponyms: name and origin. From A to Z. М.: Галлея-Принт, 2015. С. 206. Далее – Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов.

² Перевод автора статьи – М. Р.

мина позволяет закрепится ей в качестве специальной единицы в разных отраслях знания» [14, с. 71].

Термины-эпонимы в терминологии измерительных приборов

Наиболее известными терминами-эпонимами в области терминологии измерительных приборов являются такие, как *веберметр* (*флюксметр*), *амперметр*, *вольтметр*, *омметр*, *ваттметр*, *гальванометр*, *кулон-метр*.

Перечисленные термины образованы по единой словообразовательной модели – путём сложения двух корней: к эпонимическому компоненту (фамилии учёного) добавляется корень *-метр*, функционирующий в качестве суффиксоида. Исключением в нашем списке является термин *кулон-метр*, где суффиксоид размещается в структуре термина через дефис.

Например, *веберметр* представляет собой сложное слово, где компонент «вебер», являясь одним из компонентов имени собственного, указывает на единицу потока магнитной индукции и магнитного потока, названную в честь немецкого учёного *Вильгельма Эдуарда Вебера*¹, а «метр» (от *μετρέω* с греч. «измеряю») является вторым корнем слова (суффиксоидом), который присутствует во многих сложных названиях измерительных приборов. Результатом процесса терминологического образования явился термин *веберметр*, имеющий такое лексикографическое описание: «магнитоизмерительный прибор, предназначенный для измерения магнитного потока, шкала которого градуирована в веберах»². Цитируемое лексикографическое описание данной термина позволяет говорить о том, что имя собственное «Вебер» подверглось про-

цессу терминологизации и, утратив связь с первоначальным денотатом, перешло в разряд нарицательных имён – «вебер».

Названия многих измерительных приборов построены по названной модели, поэтому описание их структуры и особенностей семантической связи с производящей базой аналогично предыдущему термину. Так, термин *амперметр* – лексема, содержащая фамилию французского физика, математика и естествоиспытателя *Андре-Мари Ампера*. Составной компонент имени собственного *Ампер* в результате терминологизации становится именем нарицательным и обозначает единицу измерения силы электрического тока в системе СИ, а также единицу магнитодвижущей силы и разности магнитных потенциалов, входит в состав сложного термина *амперметр*, который обозначает прибор, предназначенный для измерения силы тока³.

Термин-эпоним *вольтметр* обозначает прибор, предназначенный для измерения напряжения, и образован путём слияния двух корней, один из которых *вольт* – единица электрического напряжения, электрического потенциала, разности электрического потенциала, которая была названа в знак признания заслуг итальянского учёного *Алессандро Вольта*⁴.

Термин *ваттметр* обозначает прибор, предназначенный для измерения активной мощности, единица измерения которого – *ватт*, названная по фамилии шотландско-ирландского инженера, изобретателя-механика *Джеймса Уатта* (*Ватта*)⁵.

Измерительный прибор под названием гальванометр своим названием связан с именем итальянского анатома и физиолога *Луиджи (Алозия) Гальвани*, чей вклад

¹ См.: Вебер // Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. С. 290.

² См.: Веберметр // ГОСТ 20906-75. Средства измерений магнитных величин. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1976. С. 6.

³ См.: Ампер // Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. С. 14.

⁴ См.: Вольт // Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. С. 288.

⁵ См.: Ватт // Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. С. 289.

в изучение электричества нашёл своё отражение в техническом термине – приборе, который предназначен для индикации или измерения очень слабого тока¹.

Интересным с точки зрения и консубстанциональности, и эпонимизации является термин *кулон-метр*, обозначающий прибор, предназначенный для измерения количества электрического заряда. В структуру данного термина входят две части: «кулон» и «метр».

Анализ лексикографических источников позволяет говорить об омонимии звуко-буквенной формы «кулон»:

1) ювелирное украшение, небольшая подвеска, носимая на шее;

2) единица измерения количества электричества, электрического заряда в Международной системе единиц².

Согласно этимологическому словарю русского языка, «кулон – заимствовано в начале XX в. из франц. яз., где *coulant* “кулон, ожерелье” – суф. производное от *couler* “бежать, литься, течь”. *Кулон* буквально – “текучий”»³.

Второе значение лексемы «кулон» связано с особой функцией имени собственного – мемориальной, поскольку название единицы измерения электрического заряда (количества электричества) происходит от имени французского учёного-физика и военного инженера *Шарля Огюстена де Кулона*⁴: Единица измерения количества электричества, электрического заряда в Международной системе единиц – по имени фр. физика Кулона (Coulomb), 1736–1806; Единица

количества электричества, равная количеству электричества, протекающего через поперечное сечение проводника за 1 сек. при силе тока в 1 ампер⁵.

Следовательно, проведённый анализ представленных названий измерительных приборов позволяет говорить о том, что многие термины демонстрируют такие явления, как антропоцентризм лексикологии, процесс эпонимизации имени, наличие консубстанциональности.

Модель: термин + имя собственное

В собранном нами языковом материале имеются термины-эпонимы, образованные по другой, более сложной, модели: *мост Уитстона*, *мост Томсона* / (*двойной*) *мост Кельвина* (в русскоязычной технической литературе возможен вариант написания «мост Томсона»). Перечисленные названия измерительных приборов, являясь сложными терминами, или – терминами-словосочетаниями, построены по модели: термин + имя собственное.

В структуре данных терминов-эпонимов имеется термин «мост», являющийся консубстанциональным, функционирующим в нескольких отраслевых терминологиях с разными значениями: в стоматологии (*мост – зубной протез*), в транспортной терминологии (*мост – транспортное сооружение*), в архитектурной терминологии (*мост – инженерное архитектурное сооружение*) и т. д.

В терминологии измерительных приборов это слово используется в метафорическом значении. Например, название «*мост Уитстона*» соответствует измерительному прибору, который описывается таким образом: «четырёхплечный измерительный мост, предназначенный для измерения сопротивления, которое образует одно из плечей, в то время как три остальных плеча образуют известные

¹ См.: Гальвани // Какканова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. С. 121.

² См.: Кулон [Электронный ресурс] // Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RHFm8> (дата обращения: 29.06.2025).

³ См.: Кулон (Этимологический словарь русского языка) [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://etymological.academic.ru/2373/кулон> (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ См.: Кулон (единица измерения) // Портал «Большая Российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/kulon-20c431> (дата обращения: 29.06.2025).

⁵ См.: Значение слова «кулон» [Электронный ресурс] // РусГос: [сайт]. URL: <https://rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/8563> (дата обращения: 29.06.2025).

сопротивления, по меньшей мере одно из которых – регулируемое (переменное)»¹. Мост получил своё название в честь английского учёного, которым был усовершенствован, – Чарльза Уитстона².

Другой измерительный прибор имеет двойное наименование: «(двойной) мост Томпсона / (двойной) мост Кельвина [Thompson (double) bridge/Kelvin (double) bridge] – шестиплечный измерительный мост, предназначенный для измерения четырёхзажимного сопротивления путём сравнения с четырёхзажимным эталонным сопротивлением, все плечи которого составляют известные сопротивления, по меньшей мере одно из которых – регулируемое (переменное)»³.

Следует заметить, что этим термином выражается память и уважение к одному человеку: «Мост Кельвина (также называется двойным мостом Кельвина, в СССР, России и в некоторых странах – мостом Томпсона) – схема для измерения электрических сопротивлений, изобретённая У. Томпсоном (лорд Кельвин)»⁴.

У данного измерительного прибора два синонимичных названия: по фамилии британского физика и инженера Уильяма Томпсона, и по титулу этого же учёного – лорд Кельвин.

В англоязычной литературе чаще встречается *Kelvin bridge*, в русскоязычных источниках можно встретить оба варианта. Это пример эпонима с двойным названием, который в процессе терминологизации из фамилии и титула учё-

ного перешёл в нарицательное название устройства.

Проведённый анализ свидетельствует о присутствии в терминосистеме измерительных приборов ряда лексических единиц, образованных на основе антропонимов, которые послужили деривационной основой для создания специальных слов – терминов.

Интернациональный характер названий измерительных приборов

Проанализированные названия измерительных приборов присутствуют не только в русском языке. Все упомянутые термины-эпонимы, обладая интернациональным характером, присутствуют в лексике английского, французского, немецкого и многих других языков:

- кулон-метр (рус.) – coulometer (англ.) – Coulomb-Meter (нем.);
- веберметр (флюксметр) (рус.) – webermeter (flux meter) (англ.) – Webermeter (Fluxmeter) (нем.);
- амперметр (рус.) – amperemeter (англ.) – Amperemeter (нем.);
- вольтметр (рус.) – voltmeter (англ.) – Voltmeter (нем.);
- омметр (рус.) – ohmmeter (англ.) – Ohmmeter (нем.);
- ваттметр (рус.) – wattmeter (англ.) – Wattmeter (нем.);
- гальванометр (рус.) – galvanometer (англ.) – Galvanometer (нем.);
- мост Уитстона (рус.) – Wheatstone bridge (англ.) – Wheatstone-Brücke (нем.);
- мост Томпсона (рус.) – Thompson bridge (англ.) – Thompson-Brücke (нем.).

К ключевому преимуществу терминов-эпонимов можно отнести их интернациональный характер, т. е. идентичный вид и значение в разных языках [15, с. 333].

Не смотря на вышеупомянутые преимущества, «перевод терминов, в состав которых входят эпонимы, труден и многогранен, что связано прежде всего с национальной спецификой. Часто личные имена опускаются и переводится лишь

¹ См.: ГОСТ ИЕС 60050-300-2015. Международный электротехнический словарь. Электрические и электронные измерения и измерительные приборы. М.: Стандартинформ, 2020. С. 20.

² См.: Мост Уитстона [Электронный ресурс] // Жизнь замечательных имен : [сайт]. URL: <https://eronym.ru/Object/880> (дата обращения: 29.06.2025).

³ ГОСТ ИЕС 60050-300-2015. Международный электротехнический словарь. Электрические и электронные измерения и измерительные приборы. М.: Стандартинформ, 2020. С. 20.

⁴ См.: Мост Кельвина [Электронный ресурс] // РУ-ВИКИ : [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мост_Кельвина (дата обращения: 29.06.2025).

апеллятивная основа без учета коннотации онима» [15, с. 334], а при правильной межъязыковой передаче необходимо сопровождать перевод библиографической справкой и иноязычными эквивалентами.

Заключение

В рамках проведённого исследования терминосистемы измерительных приборов были выявлены особенности формирования эпонимических терминов: обнаружено явление консубстанциональности, отражающее взаимодействие когнитивных и языковых механизмов и терминологизации имён собственных, при котором ономастические единицы (фамилии учёных, изобретателей) трансформировались в структурные элементы профессионального дискурса с чёткой дефинитивной функцией.

Антропонимы, утрачивая первичную номинативную функцию, приобретают статус профессиональных технических терминов.

Однако исследование доступных лексикографических источников показало, что на данный момент не существует специализированного словаря, комплексно систематизирующего корпус терминов-эпонимов. По этой причине поиск и проверка рассмотренных лексических единиц осуществлялись путём анализа разрозненных терминологических и энциклопедических материалов. Стоит отметить, что ключевым источником информации при проведении анализа терминов-эпонимов стал англо-русско-немецкий словарь эпонимов Е. М. Какзановой¹, который значительно облегчил процесс исследования благодаря систематизированному

представлению лексических данных. Тем не менее в представленном словаре были найдены не все термины, связанные с измерительными приборами.

Отсутствие унифицированного лексикографического ресурса в открытом доступе, который можно было бы актуализировать и пополнять новыми терминами, остаётся актуальной проблемой, затрудняющей систематизацию и изучение эпонимической терминологии.

Анализ терминологии измерительных приборов позволил говорить о том, что понятие «термин» в лексической системе языка способно не только служить кодифицированным наименованием понятия, которому принадлежит, но и иметь дополнительные коннотативные функции, такие как, например, мемориальная функция.

Термины-эпонимы, извлечённые из списка наименования измерительных приборов, своим присутствием подчёркивают антропоцентрический характер развития научного знания, формирование которого происходит при помощи процессов терминологизации / детерминологизации лексических единиц и участия явления консубстанциональности слов / лексем / терминов, многие из которых становятся интернациональными, способствующими активному проявлению профессиональной межкультурной коммуникации.

Результаты проведённого исследования имеют практическую ценность для терминоведения, лексикографической практики и теории перевода, подтверждая актуальность создания отраслевых словарей терминов-эпонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьева Е. А. Консубстанциональность как один из основных элементов развития общезыковой культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1 (79). С. 131–134. DOI: 10.30853/filnauki.2018-1-1.34.
2. Николаева Н. С. Явление консубстанциональности в терминологии (на примере терминологии «сварка») // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-2 (52). С. 15–19. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1072.

¹ Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение.

3. Хакиева З. У., Зекиева П. М. Семантические процессы терминологизации // Инновационные аспекты развития науки и техники: материалы X Международной научно-практической конференции (Саратов, 23 июня 2021 г.). М.: "КДУ", "Добросвет, 2021. С. 230–238.
4. Кукасова Д. Г., Сулейманова А. К. Процессы терминологизации лексики общелитературного языка (на примере терминов нефтегазовой геологии) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 453–455.
5. Сорокина Э. А. О некоторых проблемных вопросах современного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 84–89.
6. Зяблова О. А. Принципы исследования языка для специальных целей: дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. 316 с.
7. Зенько М. И. Консубстанциональность англоязычных терминов брендинга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 276–284. DOI: 10.30853/phil20220733.
8. Рулевская Е. С. Проблемы терминологизации ономастической лексики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 95–104. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-95-104.
9. Gorokhova N., Kubyshko I. Eponymous technical terms in English special terminology // Professional Culture of the Specialist of the Future & Communicative Strategies of Information Society: Proceedings of the Joint Conferences: 20th Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF 2020) & 12th Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2020) (26–27 November, 2020 & 23–24 October, 2020, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia). London: European Publisher, 2020. P. 410–419. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.03.41 (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 98).
10. Qasim S. The Power of Eponyms: Exploring Cultural and Social Factors in Their Adoption and Popularization // Uruk for Humanities. 2023. Vol. 16. Iss. 4. Article 49. DOI: 10.52113/uj05/023-16/2636-2647.
11. Рычкова Л. В. Консубстанциональность терминов как проблема прикладной лингвистики // Карповские научные чтения: сборник научных статей. Вып. 6: в 2 ч. Ч. 1. Минск: Белорусский дом печати, 2012. С. 55–59.
12. Akhmanova O., Agarova G. Terminology. Theory and Method. Moscow: Moscow University Press, 1974. 205 p.
13. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения. М.: Высшая школа, 1986. 279 с.
14. Сорокина Э. А. О правомерности выделения прототерминологического этапа в поступательном развитии специальной лексики // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 2. М.: МГОУ, 2009. С. 70–74.
15. Дубских А. И. Аспекты перевода эпонимов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 25–26 февраля 2020 г.). Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 331–334.

REFERENCES

1. Lavrent'eva, E. A. (2018). Consubstantiality as one of the basic elements of general linguistic culture development. In: *Philology. Theory & Practice*, 1-1 (79), 131–134. DOI: 10.30853/filnauki.2018-1-1.34 (in Russ.).
2. Nikolaeva, N. S. (2021). The phenomenon of consubstantiality in terminology (on the basis of the "welding" terminology). In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1-2 (52), 15–19. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1072 (in Russ.).
3. Khakieva, Z. U. & Zekieva, P. M. (2021). Semantic processes of term derivation. In: *Innovative aspects of the development of science and technology: materials of the X International scientific and practical conference (Saratov, June 23, 2021)*. Moscow: "KDU" publ., "Dobrosvet" publ., pp. 230–238 (in Russ.).
4. Kukasova, D. G. & Suleymanova, A. K. (2018). Processes of terminologization of the lexicon of the literary language (with reference to terms of oil and gas geology). In: *The world of science, culture and education*, 4 (71), 453–455 (in Russ.).
5. Sorokina, E. A. (2024). On some problematic issues of modern terminology. In: *Cognitive studies of language*, 4 (60), 84–89 (in Russ.).

6. Zyablova, O. A. (2005). *Principles of language research for special purposes* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Zianko, M. I. (2023). Consubstantiality of English-Language Branding Terms. In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (1), 276–284. DOI: 10.30853/phil20220733 (in Russ.).
8. Rulevskaya, E. S. (2021). Problems of onomastic vocabulary terminologization processes. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 95–104. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-95-104 (in Russ.).
9. Gorokhova, N. & Kubyshko, I. (2020). Eponymous technical terms in English special terminology. In: *Professional Culture of the Specialist of the Future & Communicative Strategies of Information Society: Proceedings of the Joint Conferences: 20th Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF 2020) & 12th Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2020) (26–27 November, 2020 & 23–24 October, 2020, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia)*. London: European Publisher, pp. 410–419. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.03.41 (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 98).
10. Qasim, S. (2023). The Power of Eponyms: Exploring Cultural and Social Factors in Their Adoption and Popularization. In: *Uruk for Humanities*, 16 (4), 49. DOI: 10.52113/uj05/023-16/2636-2647.
11. Rychkova, L. V. (2012). Consubstantiality of terms as a problem of applied linguistics. In: *Karpov scientific readings: collection of scientific articles. Iss. 6. Part 1*. Minsk: Belorusskiy dom pechati publ., pp. 55–59 (in Russ.).
12. Akhmanova, O. & Agapova, G. (1974). *Terminology. Theory and Method*. Moscow: Moscow University Press.
13. Gvishiani, N. B. (1986). *Language of scientific communication*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
14. Sorokina, E. A. (2009). On the validity of identifying the proto-terminological stage in the progressive development of specialized vocabulary. In: *Actual problems of the theory and practice of intercultural communication. Iss. 2*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 70–74 (in Russ.).
15. Dubskikh, A. I. (2020). Some aspects of eponyms translation. In: *Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication: Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Saratov, February 25–26, 2020)*. Saratov: Saratovskiy istochnik publ., pp. 331–334 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рогова Маргарита Юрьевна (г. Москва) – преподаватель кафедры «Английский язык для приборостроительных специальностей» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
<https://orcid.org/0000-0001-5596-6345>; e-mail: rogoва.margo_rita@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita Yu. Rogova (Moscow) – Lecturer, Department of English for Instrument-Making Specialties, Bauman Moscow State Technical University;
<https://orcid.org/0000-0001-5596-6345>; e-mail: rogoва.margo_rita@mail.ru

Научная статья
УДК 81'373.21
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-121-131

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГИДРОНИМОВ ЧИЛИ

Федюкина Е. С.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: elena.mslu@gmail.com

Поступила в редакцию 04.04.2025

После доработки 17.04.2025

Принята к публикации 18.04.2025

Аннотация

Цель: классифицировать чилийские гидронимы по лексико-семантическим группам и выявить закономерности образования гидронимической системы.

Процедура и методы. При работе над собранным материалом использовались описательный, сравнительный методы, сплошная и случайная выборка. Основное содержание исследования составляет лексико-семантический анализ отдельных пластов гидронимии Чили. Материалами исследования послужили данные словарей автохтонных языков, картотека лимнонимов и потамонимов, а также географические карты.

Результаты. Проведённый анализ позволил выделить основные лексико-семантические группы гидронимов: одна отражает физико-географические свойства гидрообъектов и окружающей их среды, а другая включает названия, возникшие в результате практической деятельности человека. В рамках исследования были выявлены семантические поля, связанные с флорой и фауной, где значительную группу составляют номинации, мотивированные индейскими языками. В статье выделены наиболее продуктивные топоформанты из языка мапуче. Отдельную группу составляют гидронимы, мотивированные религией, мифологией, бытом и хозяйственной жизнью чилийского этноса, а также антропогидронимы, представленные в номинациях испанского происхождения. По заключению автора статьи к основным особенностям чилийской гидронимии следует отнести: высокую степень устойчивости, сохранение памяти о гидронимах в урбанизмах, переход гидронимов в другие топонимические классы, наличие второго варианта номинации для водных объектов, разделённых границей. Двойные названия представлены преимущественно антропонимами, связанными с именами национальных героев, первооткрывателей, важных исторических личностей. Гидронимы, отражая духовную и культурную жизнь чилийцев, содержат в себе ценную культурологическую, географическую, историческую и этнографическую информацию, которая может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики.

Теоретическая и практическая значимость. Отобранный и систематизированный материал может быть использован в научных и преподавательских целях, подготовке практических и теоретических курсов по общему и романскому языкознанию.

Ключевые слова: гидроним, лексико-семантический анализ, лимноним, потамоним, семантическое поле, топонимика, топонимическая система Чили

Для цитирования:

Федюкина Е. С. Лексико-семантический анализ гидронимов Чили // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 121–131. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-121-131>

Original research article

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF CHILEAN HYDRONYMS

E. Fediukina

Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation

e-mail: elena.mslu@gmail.com

Received by the editorial office 04.04.2025

Revised by the author 17.04.2025

Accepted for publication 18.04.2025

Abstract

Aim is to classify Chilean hydronyms into lexico-semantic groups and identify patterns in the formation of hydronymic system.

Methodology. The study employed descriptive and comparative methods, as well as continuous and random sampling techniques. The main focus of the study is a lexical and semantic analysis of individual layers of Chilean hydronymy. The research materials include data from dictionaries of autochthonous languages, a catalog of limnonyms and potamonims and geographical maps.

Results. The analysis allowed us to distinguish the main lexico-semantic groups of hydronyms: one reflects physical geographical features of water bodies and their surrounding environments and the other includes names derived from practical human activity. The study reveals semantic fields related to flora and fauna, where a significant group consists of nominations motivated by Indigenous languages. A separate group includes hydronyms motivated by religion, mythology, everyday life and the economic practices of the Chilean ethnic group, as well as anthropohydronyms of Spanish origin. The main features of the Chilean hydronymy include: a high degree of stability, preservation of hydronyms in urbanonyms, transition of hydronyms into other toponymic classes, dual nomination for water bodies separated by a border. Double names are predominantly anthroponyms reflecting the names of national heroes, explorers and important historical figures. Hydronyms, as reflections of Chilean spiritual and cultural life, contain valuable cultural, geographical, historical and ethnographic information that can be interpreted through linguistic analysis.

Research implications. The selected and systematized material can be used for scientific and teaching purposes, as well as for preparing practical and theoretical courses in general and Romance linguistics.

Keywords: hydronym, lexico-semantic analysis, limnonym, potamonim, semantic field, toponymy, toponymic system of Chile

For citation:

Fediukina, E. S. (2025). Lexico-semantic analysis of Chilean hydronyms. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 121–131. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-121-131>

Введение

«О Чили, длинный лепесток из волн, вина и снега»¹ – так знаменитый чилийский поэт Пабло Неруда образно описал свою родину. Чили – уникальная по сво-

им климатическим условиям страна, простирающаяся узкой полосой вдоль побережья Тихого океана в Южной Америке. Здесь можно встретить как пустынные области, так и озёрно-речные районы, горные реки, солёные и пресные озера.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной степенью

¹ Неруда П. В моей стране Весна (перевод О. Савича) // Неруда П. Собрание сочинений: в 4-х томах. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 233.

изученности чилийской гидронимии, несущей ценнейшую лингвистическую, историческую, географическую и этнографическую информацию.

Цель данной статьи – классифицировать гидронимы Чили по лексико-семантическим группам и выявить закономерности образования отдельных классов гидронимической системы путём структурно-словообразовательного анализа.

Материалами исследования стали отдельные пласты гидронимов, в частности лимнонимы (названия озёр) и потамонимы (названия рек).

В соответствии с поставленными целями в статье применялись следующие методы исследования: описательный с его основными приёмами обобщения и классификации; метод сплошной и случайной выборки для отбора примеров лимнонимов и потамонимов; формантный метод; анализ словарных дефиниций для перевода гидроформантов автохтонного происхождения; аналитическое описание языковых фактов для выделения основных семантических групп чилийской гидронимии.

В исследовании мы опирались на теоретические положения, изложенные в работах российских лингвистов в области ономастики и топонимики: И. А. Мартыненко, Э. М. Мурзаева, Р. З. Мурысовой, В. А. Никонова, Н. В. Подольской, Е. М. Поспелова, А. В. Суперанской, О. С. Чесноковой, С. А. Яковлевой, учитывались труды Е. С. Бобылевой¹, И. А. Мартыненко², М. Радович³, акцентирующие внимание на применении междисциплинарного подхода и систематизации топонимов на комплексной основе. Структурные особенности, влияние индейского

субстрата были изучены в работах зарубежных авторов Валенсуэлы П. Армэнгола (Valenzuela P. Armengol), А. Эрнандеса (A. Hernández), Р. Раиссы Кордич (R. Raïssa Kordíc), Г. Латорпе (G. Latorre), А. Р. Вильчеса (A. R. Vilches), К. Вагнера (C. Wagner) и др.

Согласно Словарю русской ономастической терминологии, «гидроним – вид топонима. Собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком, в т. ч. океаноним, пелагоним, лимноним, потамоним, гелоним»⁴.

Реки всегда играли особую роль в жизни человека, являясь не только источником жизни, но и путями сообщения, источником развития торговли и экономической деятельности.

Гидронимы представляют особый интерес для лингвистов, так как они «являются наиболее древней и стабильной частью чилийской топонимической системы, их этимология не всегда прослеживается четко и может быть представлена вариантами» [1, с. 104]. Как правило, они меньше подвержены эрозии времени, не так зависят от социально-политических изменений, имеют долгую историю, поэтому зачастую нелегко восстановить их первичную форму. Согласно Э. М. Мурзаеву, «наиболее древние названия – имена рек; чем больше их размеры, тем древнее их топонимы» [2, с. 7]. Гидронимы, как вид имён собственных, содержат в себе национально-культурную специфику, несут важную историческую информацию. В стихотворении «Био-Био» Пабло Неруды главным лирическим героем становится река, наделённая способностью хранить память поколений:

«Лишь ты приветила ребенка
и рассказала о начале
земли, о мощи и покое
твоей державы, о секире,

¹ Бобылева Е. С. Лексико-семантические особенности топонимической системы Чили: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 182 с.

² Мартыненко И. А. Испаноязычные топонимации США: лингвопрагматический анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 230 с.

³ Радович М. Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии: катойконимы и метафорика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 208 с.

⁴ См.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 47.

схороненной со связкой стрел, –
о том, что за тысячелетья
поведала тебе листва...»¹.

Гидронимическую номенклатуру Чили можно условно разделить на две основные группы: названия, отражающие физико-географические свойства гидронимов, а также окружающей их среды, и названия, возникшие в результате практической деятельности человека.

Физико-географические свойства гидронимов и окружающей их среды

Начнём рассмотрение лексико-семантических особенностей гидронимических лексем, содержащих существенные признаки гидрообъекта. Как справедливо отмечает Э. М. Мурзаев, «географические названия имеют пространственную привязку и нередко отражают природу ландшафта, говорят о характере заселения человеком новой территории, о природных богатствах и других географических особенностях территории» [3, с. 13]. Названия гидрообъектов связаны с характерными признаками окружающей среды. Как отмечает Р. А. Агеева, «названия вод могут служить зеркалом мира природы» [4, с. 15].

Естественно-географический принцип топонимической номинации базируется, прежде всего, на тех признаках, которые имманентно присущи именуемому объекту [5, с. 87]. Языковой материал позволяет выделить ряд гидронимов, указывающих на величину, глубину и протяжённость гидрообъекта. Для гидронимов наиболее типичны номинации, указывающие что это за объект с помощью географического термина апеллятива и дающие ему описание. Одна из наиболее продуктивных моделей образования гидронимов в этой группе – определения-антонимы, использующиеся с

географическим термином-апеллятивом. Например, *Río Elqui* (на языке кечуа *erque* означает ‘худой’), *Río Grande* (исп. ‘большая’), *Río Chico* (исп. ‘маленькая’). В гидрониме река *Río Futaleufú* (на языке мапуче *leufu* – ‘река’ + *futa* ‘большая’) можно проследить использование географического термина-апеллятива в начале на испанском языке (*rio* – исп. ‘река’), а затем в составе сложного гидронима (топоформант автохтонного происхождения *leufu*). Ещё один пример озеро *Lago Calafquén* (в переводе с языка мапуче ‘озеро-море’), где используется географический термин-апеллятив *lago* (исп. ‘озеро’), а затем топоформант *lauquén* (на языке мапуче ‘озеро’). Номинация *Río Toltén* является результатом ономотопеи (звукоподражания), вызывает в памяти шум волн.

Отдельный пласт составляют гидронимы, обозначающие форму или очертание русла гидрообъекта. В. А. Никонов в работе «Введение в топонимику» отмечает, что обращение «к природным признакам объекта продиктовано процессом общественного развития» [6, с. 26]. Из этого следует, что «доля названий, означающих природные свойства объекта, преобладает на ранних ступенях развития и убывает с усилением власти человеческого общества над природой» [6, с. 26]. Это утверждение находит отражение в чилийской гидронимии, где встречаются лимнонимы и потамонимы преимущественно автохтонного происхождения. Например, река *Río Maule* – двухкомпонентная модель номинации, состоящая из географического термина-апеллятива и лексемы, содержащей два топоформанта из языка мапуче: *mau* – ‘низина’ и *len* – ‘дождливый’, дословный перевод ‘дождливая долина’. Гидроним указывает на обильные осадки и особенности течения. Многие гидронимы автохтонного происхождения просто констатируют, что это гидрообъекты. Озеро *Lago Rapco* также представляет двухкомпонентную модель номинации: географический термин-апеллятив и лексема, состоящая из двух

¹ Неруда П. Всеобщая песнь. Земной светильник (перевод Б. Дубина) // Неруда П. Собрание сочинений: в 4-х томах. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 15.

топоформантов (на языке мапуче означает 'вода с волнами'). В этой лексической единице можно выделить топоформант *co* (на языке мапуче 'вода'). Гидроним *Lago Rupanco* происходит из языка мапуче и означает 'вода, протекающая здесь'. Ещё один пример – река *Río Maullín*, что на языке мапуче означает 'каскад дождя'.

Одни и те же названия гидрообъектов часто имеют разные объяснения происхождения. С этой точки зрения представляет интерес гидроним *Río Aysén*. Не существует единого мнения о происхождении второго компонента. По одной из версий, «на языке индейцев чоно *achén* означает 'распадаться, рассыпаться', лексема использована для описания фьордов – узких и извилистых морских заливов со скалистыми берегами» [1, с. 61]. Дальнейший этимологический анализ показал, что не существуют единой версии происхождения этой лексемы. «На языке уильиче название переводится как 'заключенный, лишенный свободы' и характеризует природные очертания фьорда *aysén*, внедряющегося в сушу узкой полоской» [1, с. 61]. Ещё одна версия: «на языке коренных народов Патагонии *abñikenk* – место обитания южноандских оленей. Популярная среди туристов легенда связывает этимологию названия с британскими мореплавателями. Капитан Роберт Фитц Рой на борту корабля "Beagle" вместе с Чарльзом Дарвином исследовал побережье этой зоны. Он нарисовал несколько подробных карт, чтобы обозначить место, где заканчивается лед, и написал два английских слова: *ice end*» [1, с. 61].

К отдельной лексико-семантической группе можно отнести гидронимы, указывающие на температуру, вкус, запах воды. Озеро *Lago Salado* (исп. 'солёное озеро') характеризуется высокой солёностью воды. Это двухкомпонентный гидроним, состоящий из географического термина-апеллятива *lago* и адъектива. Прилагательное *salado* участвует в формировании гидронимов других классов:

Río Salado (исп. 'Солёная река'), *Laguna Salada* (исп. 'Солёная лагуна'). Приведённые номинации сохраняют память о месторождениях соли, древних солеваренных промыслах или указывают на солёный вкус воды. Несколько примеров составных гидронимов, образованных по аналогичной модели: река *Río Frío* (исп. 'холодная река'), река *Río Lluta* (*llust'a* на языке аймара означает 'скользкий', 'без шероховатостей'¹), название озера *Lago Llleu Lleu* на языке мапуче означает 'полностью расплавленный', 'растопленный'². Гидроним *Lago Pellaifa* – на языке мапуче означает 'иней, обледенение', что характеризует его ледниковое происхождение.

Следующая лексико-семантическая группа представлена двусоставными гидронимами, содержащими цветовой обозначения. С компонентом *blanco* (исп. 'белый'): *Río Blanco*, *Lago Blanco*, *Laguna Blanca*. Выделим отдельный пласт гидронимов с компонентом *verde* (исп. 'зелёный'): *Laguna Verde*, *Lago Verde*; а также с автохтонным топоформантом *cari* (на языке мапуче 'зелёный'): *Cari Lauquen* (на языке мапуче 'зелёная лагуна')³. Богатая палитра цветовых определений представлена компонентом *azul* (исп. 'голубой'): *Río Azul*, *Lago Azul*, *Laguna Azul*. Приведём примеры с компонентом *amarillo* (исп. 'жёлтый'): *Laguna Amarilla*, *Río Amarillo*. Цветовое определение *negro* (исп. 'чёрный') встречается в следующих гидронимах: *Lago Negro*, *Laguna Negra*. Примеры с компонентом *rojo* (исп. 'красный') – *Laguna Roja* и прилагательным *colorado* (исп. 'алый') – *Laguna Colorada*.

Также выделяется ряд гидронимов, описывающих почву, грунт объекта номинации. Например, *Río Curaco* – двух-

¹ См.: Ajacopa T. L., Mamani V. L., Vино M. A. Paytani arupirwa. Diccionario bilingüe. Aymara – Castellano. Castellano – Aymara. Primera edición. La Paz: Plural editores, 2020. P. 145.

² См.: Diccionario Mapuche-Español / C. Zucarelli, M. Malvestitti, R. Izaguirre, J. Nahuel. Buenos Aires: Editorial Caleuche, 2008. P. 84. Далее – Diccionario Mapuche-Español.

³ См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 161.

компонентный гидроним, состоящий из географического термина-апеллятива *río* и словосложения двух топоформантов индейского происхождения (на языке мапудунгун *cura* – ‘камень’, *co* – ‘вода’), что переводится как ‘каменная вода’. Ещё один пример – *Lago Icalma*, что означает на языке мапуче ‘каменистый’. Годоним *Río Illapel* (на языке мапуче *milla* – ‘золото’ и *pel* – ‘шея’) означает ‘золотая шея’, лимноним *Lago Pirehueico* (на языке мапуче ‘место снежной воды’) образован словосложением трёх топоформантов: *pire* – ‘снег’, *hue* – ‘место’, *co* – ‘вода’. Ещё один пример: *Río Huesco* представляет гибрид топоформантов из двух языков кечуа *huas* – ‘золото’ и *co* на языке мапуче означает ‘вода’, гидроним можно перевести как ‘золотая вода’ [7, p. 7]; *Río Rapel / Lago Rapel* – на языке мапуче *rapel* означает ‘чёрная глина, используемая для окрашивания’¹, *Río Rahue* – на языке мапуче ‘место, где есть серая глина’.

Отдельную лексико-семантическую группу составляют фитогидронимы, образованные от названий растений и несущие сведения о флоре исследуемого региона. Например, потамоним *Río Calle-Calle* (на языке мапуче *kallekalle* ‘чилийский ирис’); топономинияция *Río Chacabuco* образована в результате словосложения топоосновы и топоформанта из языка мапуче *chakauwa* ‘колючий кустарник’ и *co* – ‘вода’; *Lago Chungará* – на языке аймара ‘мох на камне’. Гидроним *Lago Conguillío* происходит из языка мапуче и означает ‘кедровые орехи в воде’ или ‘среди кедровых орехов’, *Río Quillén* на языке мапуче означает ‘клубника’.

Также можно выделить зоогидронимы, образованные от названий животных и птиц. Приведём примеры гидронимов, отражающих местную фауну: река *Río Camarones* (в переводе с испанского *samarón* ‘креветка’) названа по месту обитания речных креветок. Название озера *Lago Pullinquehue* происходит из языка

мапуче: *pullinque* означает ‘лягушка’, *que* – ‘место’. Ряд зоогидронимов содержит названия птиц: *Río Cóndor* (исп. ‘кондор’), *Laguna Hualalafquén* (в переводе с языка мапуче *huala* – вид утки, *lafquén* – озеро или лагуна), гидроним *Lago Puyehue* образован в результате словосложения топоосновы и топоформанта: *puyue* – на языке мапуче ‘пятнистая галаксия’ (вид лучепёрых рыб) и *hue* переводится как ‘место’. *Río Cautín* на языке мапуче состоит из двух основ: *caque* – ‘дикая утка’, и *ten* – ‘множество’ [1, с. 55], *Río Pilmaiquén* – на языке мапуче означает ‘ласточка’². Лимноним *Lago Cauquenes* происходит из языка мапуче, означает ‘дрофа’. Ещё один пример лимнонима – *Lago Vichuquén*, что в переводе с языка мапуче означает ‘морская змея’. Однако, по одной из версий, гидроним мотивирован совсем не обитателями фауны, а извилистой формой номинируемого гидрообъекта. Потамоним *Río Huemules* мотивирован местом обитания южноандского оленя уэмул (исп. *huemul*), считающегося одним из государственных символов Чили.

К отдельной группе можно отнести названия, указывающие на местоположение гидрообъекта. Гидроним *Lago Pehóe* происходит из языка туэльче и означает ‘скрытое озеро’. Этимологию гидронима *Río Bueno* часто ошибочно связывают с испанской лексемой *bueno* ‘хороший’. На самом деле, гидроним образован от лексемы *wenu*, означающей на языке мапуче ‘тот, что выше’³, и говорящей о его положении относительно трёх других рек, расположенных параллельно.

Выделяются «нумеративные топонимы – географические названия, опорный компонент которых представлен именем числительным» [8, с. 261]. Например, гидроним *Río Limarí* происходит из языка мапуче и переводится как ‘10 рек’, что отражает важную особенность бассейна

² См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 97.

³ De Augusta F. F. J. Diccionario Mapudungún – Español. Español – Mapudungún. Santiago: Centro de Investigaciones Diego Barros Arana, 2017. P. 249.

¹ См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 107.

реки. Топоформант *mari* на языке мапуче означает 'десять'. Есть ещё несколько примеров гидронимов этой группы, в состав которых входит числительное *tres* (исп. 'три'): *Río Tres Pasos*, *Río Tres Quebradas*, *Río Tres Brazos*. Четырёхкомпонентный гидроним *Laguna Las Tres Pascualas*, в состав которого также входит числительное *tres*, мотивирован трагической легендой о трёх сёстрах из города Концепсьон. Числительное *siete* (исп. 'семь') входит в состав гидронима *Lago Siete Islas*.

Гидронимы, возникшие как результат практической деятельности человека

Отдельную лексико-семантическую группу представляют гидронимы, связанные с бытом и хозяйственной жизнью населения. Например, гидроним *Río Maipo* в переводе с языка мапуче означает 'возделанная земля' (*maipo*, *maipu* на языке мапуче 'вспахивать, обрабатывать землю'¹), гидроним *Río Itata* на языке мапуче означает 'обильные пастбища'. Название самой длинной реки в Чили *Río Loa* берёт начало из языка аймара и переводится как 'тот, кто обедает'.

Можно также выделить гидронимы, значения которых связаны с общественной жизнью. Например, *Río Chepu* – на языке мапуче «место встречи», *Lago Neltume* происходит из языка мапуче и переводится как «освобождённое место». Гидроним *Río Imperial*: после основания города Nueva Imperial (Нуэва-Имперьяль) последние 55 км реки Cautín (Каутин) стали называться 'Императорской рекой'. Название связано с испанским колониальным присутствием, когда регион был важным центром испанской власти в южной части Чили.

К следующей группе логично отнести гидронимы, мотивированные религиозными представлениями, мифологией и обрядами. Для христианской религиозной семантики характерно использование топоформантов *San*, *Santo/a*, что связано

«с традицией испанских конкистадоров называть географические объекты в честь католического святого или по актуальному на день открытия церковному празднику» [9, с. 920]. Например, *Río San Pedro*, *Río San José*, *Río Santa María*, *Río San Salvador*, *Río San Martín*, *Lago San Antonio*, *Laguna San Rafael*. Ещё одним примером может быть *Lago Todos los Santos* (исп. 'Озеро всех святых'). «В топонимике закрепляется социальное, историческое и духовное наследие этноса, т. е. топоним перестает быть знаком, а становится культурно-языковым кодом» [10, с. 339].

Происхождение гидронима *Laguna del Inca* связано с легендой о древнем правителе Illi Yupanqui (Ильи Юпанки). Для проведения религиозных ритуалов и церемоний инки поднимались высоко в горы, чтобы быть ближе к своему покровителю Инти, богу Солнца. В чилийской национальной газете *La Tercera*² находим легенду о влюблённых Illi Yupanqui (Ильи Юпанки) и принцессе Kora-Illé (Кора-лье), поженившихся на вершине холма на берегу тихой и красивой лагуны посреди андских вершин. Спускаясь по узкой тропинке, принцесса потеряла равновесие и сорвалась с обрыва. Легенда гласит, что как только её тело коснулось кристальных вод, они стали изумрудными, как цвет глаз прекрасной принцессы инков. Говорят, что холодными зимними ночами до сих пор слышны причитания Ильи Юпанки. Эта история любви была увековечена не только в гидрониме *Laguna del Inca* (Лагуна-дель-Инка), но и в устных преданиях, сохранивших её на протяжении веков.

Гидроним *Río Pillanleufu* происходит из языка мапуче и состоит из двух топоформантов *pillan* 'дух' и *leufu* 'река', лимноним *Lago Lanalhue* также происходит из языка мапуче и означает 'потерянная душа, захваченная ведьмой'³. Лимноним

² Jiménez F. La Laguna del Inca [Электронный ресурс] // *La Tercera*: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RHKeM> (дата обращения: 01.02.2025).

³ См.: *Diccionario Mapuche-Español*. P. 79.

¹ См.: *Diccionario Mapuche-Español*. P. 85.

Lago Aruncohue происходит из языка мапуче и мотивирован персонажем мифологии мапуче в виде жабы, охраняющей воду¹.

К отдельной лексико-семантической группе следует отнести гидронимы, связанные с историческими личностями, именами первооткрывателей. Как писал В. А. Никонов, «из других особенностей гидронимии важно указать, как редки личные имена среди ее лексических основ. Большие реки не имели владельца, поэтому за исключением ручьев и малых речек нет гидронимов, выражавших принадлежность. Личные имена стали проникать в гидронимию только за последние столетия как имена открывших их путешественников или высокопоставленных особ» [6, с. 46]. В чилийской гидронимии примером может быть лимноним *Lago General Carrera*. Озеро носит имя Хосе Мигеля Карреры – чилийского государственного и политического деятеля, генерала, участника борьбы за независимость Чили от испанского господства, осуществившего ряд прогрессивных мероприятий, направленных на укрепление в Чили республиканского строя [1, с. 61]. Ещё один пример – потамоним *Río O'Higgins*. Название озера представляет собой топономиацию-посвящение в честь чилийского генерала, национального героя Республики Чили – Бернардо О'Хиггинса. Гидроним *Río Simpson* назван в честь чилийского военно-морского офицера и исследователя Энрике Симпсона. Лимоним *Lago Yulton* носит мемориальный характер, озеро названо в честь открывшего его чилийского авиатора Герберта Юлтона.

Анализируя чилийскую гидронимию, можно выделить номинации, которые перешли из одного класса топонимов в другой. Согласно А. В. Суперанской, процесс трансиминимизации – «один из очень распространенных путей образования новых имен собственных всех разрядов

посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [11, с. 46]. Приведём несколько примеров перехода названий гидрообъектов в другие классы. Гидроним *Río Máfíl* совпадает с названием коммуны, название которой на языке мапуче означает 'между реками' или 'в объятиях рек'. Гидроним *Río Bío-Bío* и одноимённый восьмой регион Биобио происходят из языка мапуче: *viu* означает 'поток, ручей'. Повтор слова говорит о наличии большого количества потоков [12, р. 128]. Согласно другой версии, это название – имитация пения птицы ('*fió fió*')². Гидроним *Río Copiapó* совпадает с названием столицы третьего региона Копиапо (*Copiapó*) и состоит из двух частей. На языке аймара *capu* означает 'зелёный', *yapu* – 'пахотная земля' [12, р. 129]. Гидроним *Río Valdivia* и название одного из первых городов Чили Valdivia носят мемориальный характер, мотивированы антропонимом «Педро де Вальдивия» – именем конкистадора и первого губернатора Чили. Потамоним *Río Pascua* находится на одноимённом острове Пасхи. Номинация также выполняет мемориальную функцию, так как голландский путешественник Якоб Роггевен открыл остров Пасхи в Пасхальное Воскресение 1722 г. Лимноним *Lago Llanquihue*, расположенный в одноимённой провинции, происходит из языка мапуче и означает 'затонувшее место'³.

Среди чилийских гидронимов прослеживается ещё одна закономерность – названия-тёзки, дублирующие топонимические номинации других стран. «Появление топонимов-мигрантов вызвано воспоминаниями переселенцев о родине, их стремлением сохранить привычные и дорогие названия, а также наличием сходных характеристик, которые привели к ассоциативным номинациям» [1, с. 114]. Например, полный тёзка чилийского лимнонима *Lago Victoria* находится в Аф-

¹ См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 157.

² См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 159.

³ См.: Diccionario Mapuche-Español. P. 185.

рике, номинация *Río Colorado* встречается в топонимиконе США и Аргентины, гидроним *Río Salado* можно встретить в Аргентине и на Кубе. В. А. Никонов, рассуждая о причинах появления названий-тёзок, отмечает, что многие топонимы «оказались одинаковыми в результате ассимиляции, когда иноязычное население в незнакомом названии слышало похожее, знакомое» [6, с. 129].

Анализ чилийского топонимикона позволяет выявить ещё одну особенность номинаций гидрообъектов. Как отмечает А. В. Суперанская, «один из очень распространенных путей образования новых имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс». Память о гидронимах сохраняется в урбанонимах, даже если соответствующие реки и озёра уже не существуют или значительно изменили своё русло. Например, номинации, обозначающие проезд (исп. 'pasaje') и улицу (исп. 'calle') и говорящие о существовании ранее лагун в этой местности: *Pasaje Laguna Verde Poniente*, *Calle Laguna Kalina*. Годоним *Calle Río Viejo*, что в переводе с испанского означает 'старая река', возможно, говорит нам об изменившемся русле реки. Урбаноним *Caleta Río Seco* (исп. 'сухая река') скорее всего также мотивирован ранее существовавшим гидрообъектом.

Лимноним *Lago O'Higgins* (Озеро О'Хиггинс) демонстрирует одну из особенностей гидронимов – наличие второго варианта наименования гидрообъекта в честь национальных героев, борцов за свободу Южной Америки. Со стороны Аргентины озеру присвоено название – *Lago San Martín* (Озеро Сан-Мартин) в честь национального героя Аргентины и одного из руководителей Войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке – Хосе де Сан-Мартина, а со стороны Чили *Lago O'Higgins* – в честь чилийского генерала, национального героя Республики Чили – Бернардо О'Хиггинса. В. А. Никонов выделяет не-

сколько причин многоимённости объекта: «переменчивое соотношение его частей», «разобщённость, отсутствие необходимости в едином названии» [6, с. 149]. Это явление часто можно встретить на границе Чили и Аргентины. Так лимноним *Lago Cochrane* в Чили имеет топоним-дублет *Lago Pueyrredón*, параллельно бытующий в Аргентине. Чилийскому гидрониму присвоено имя британского офицера и учёного-исследователя Томаса Кокрейна, в то время как аргентинская номинация связана с именем Хуана Мартина де Пуэйрредона, аргентинского генерала и политика начала XIX^oв. Ещё одна пара гидронимов *Lago Carrera* и *Lago Buenos Aires*. Чилийский лимноним мотивирован антропонимом, а аргентинская номинация совпадает с названием аргентинской столицы.

Как известно, гидронимы крайне редко подвергаются трансформации, однако существуют исключения. Озеро *Lago Villarica* раньше носило имя *Lago Mallolafquén*, что в переводе с языка мапуче означает 'озеро белой глины'. Современная номинация *Lago Villarica* (исп. 'богатый городок') не передаёт нам сведения о свойствах почвы гидрообъекта, но отсылает к названию города, основанного в 1552 г., и одноименной коммуны. Согласно распространённой версии, название было мотивировано найденными в оврагах и лесах золотыми приисками и жилами.

Заключение

Таким образом, чилийский гидронимикон представляет неоспоримую ценность для широкого круга специалистов: лингвистов, географов, историков и этнографов. Лексико-семантический анализ гидронимов позволил описать процесс номинации водных объектов на территории Чили и выявить принципы мотивации лимнонимов и потамонимов.

Как показало исследование, наиболее продуктивными моделями образования гидронимов являются двухкомпонентные и трёхкомпонентные сложные топо-

нимы, где первым словом является географический термин-апеллятив. Среди проанализированных гидронимов большая часть имеет автохтонное происхождение. В результате исследования были определены продуктивные топоформанты из языка мапуче: *co* 'вода', *hue* 'место', *lafquen* 'озеро', 'море', *leufú/lewfü* 'река'. Номинации испанского происхождения представлены в основном в семантической группе гидронимов, образованных от антропонимов.

Гидронимы демонстрируют большую устойчивость, хранят историческую память. Для лимнонимов, расположенных

на границе, характерны топонимы-дублеты, когда один и тот же гидрообъект номинирован по-разному в Чили и в Аргентине.

Сведения, полученные из гидронимов, не только связывают названия с физико-географическими реалиями, но и передают ценную информацию, рассказывают об этническом составе региона, особенностях местности и самого гидрообъекта.

Результаты исследования могут быть использованы в научных и преподавательских целях, при подготовке практических и теоретических курсов по общему и романскому языкознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылева Е. С. Лексико-семантические особенности топонимической системы Чили: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 182 с.
2. Мурзаев Э. М. География в названиях; 2-е изд. М.: Наука, 1982. 115 с.
3. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
4. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
5. Имя собственное в национально-культурном пространстве: монография / Е. П. Игнатьева, С. Ю. Богданова, В. В. Катермина [и др.]. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022. 164 с.
6. Никонов В. А. Введение в топонимику; 2-е изд. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.
7. Morales O. J. *Historia del Huasco*. Valparaiso: Imprenta de la Libreria del Mercurio, 1896. 322 p.
8. Мартыненко И. А. О некоторых аспектах современной топономастической терминологии // *Неофилология*. 2023. Т. 9. № 2. С. 257–265. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-2-257-265.
9. Чеснокова О. С., Мартыненко И. А. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 914–934. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934.
10. Ковлакас Е. Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // *Современные исследования социальных проблем*. 2021. Т. 13. № 4. С. 326–354. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.
11. Теория и методика ономастических исследований: монография / А. В. Суперанская [и др.]; отв. ред. А. П. Непокупный; 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
12. Vilches Acuña R. *Elementos de semántica y apéndices de términos científicos, de Onomatología y de Toponimia aborigen de Chile*. Santiago de Chile: Editorial Nascimento, 1959. 148 p.

REFERENCES

1. Bobyleva, E. S. (2019). *Lexico-semantic features of the toponymic system of Chile* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Murzaev, E. M. (1982). *Geography in names*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
3. Murzaev, E. M. (1974). *Essays on Toponymy*. Moscow: Mysl' publ. (in Russ.).
4. Ageeva, R. A. (1985). *The Origin of River and Lake Names*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
5. Ignatyeva, E. P., Bogdanova, S. Yu. & Katerina, V. V. et al. (2022). *Proper Name in the National-Cultural Space*. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University publ. (in Russ.).
6. Nikonov, V. A. (2011). *Introduction to Toponymy*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
7. Morales, O. J. (1896). *Historia del Huasco*. Valparaiso: Imprenta de la Libreria del Mercurio.
8. Martynenko, I. A. (2023). On some aspects of modern toponomastic terminology. In: *Neophilology*, 9 (2), 257-265. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-2-257-265 (in Russ.).

9. Chesnokova, O. S. & Martynenko, I. A. (2024). Linguistic Parameters of the National Identity of Peruvians through the Prism of Toponymy of Peru. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (3), 914–934. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934 (in Russ.).
10. Kowlakas, E. F. (2021). On the study of toponyms in cognitive aspect. In: *Modern Studies of Social Issues*, 13 (4), 326–354. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354 (in Russ.).
11. Superanskaya, A. V. et al. (2007). *Theory and methods of onomastic research*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
12. Vilches Acuña, R. (1959). *Elementos de semántica y apéndices de términos científicos, de Onomatología y de Toponimia aborigen de Chile*. Santiago de Chile: Editorial Nascimento.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федюкина Елена Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации;
<https://orcid.org/0009-0000-2738-3759>; e-mail: elena.mslu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Fediukina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romance and Germanic languages, Russian Foreign Trade Academy;
<https://orcid.org/0009-0000-2738-3759>; e-mail: elena.mslu@gmail.com

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
2025. № 5

Над номером работали:
Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор, корректор М. С. Тарасова
Переводчик М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10,25.
Подписано в печать: 28.11.2025 г. Дата выхода в свет: 03.12.2025 г. Заказ № 2025/11-06.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2